

Александр Киклевич

Притяжение языка

**Том 2:
Функциональная лингвистика**

Olsztyn 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	9
1. Функциональная лингвистика: знакомая незнакомка	11
1.1. Истоки функционального подхода в лингвистике XX века.....	14
1.2. Теория оппозиций	17
1.3. Динамическая лингвистика	24
1.4. Границы функционализма	26
1.5. Функциональный подход в концепции Х. Яхнова	30
1.6. Функционализм и дистрибутивный анализ.....	32
1.7. Принцип континуальности языковой системы	37
2. Функция — понятие лингвистическое.....	41
2.1. Понятие функции. Отношение — функция — значение	41
2.2. Аксиоматика функционального анализа языка	45
2.2.1. Простая — сложная функция.....	54
2.2.2. Общая — частная функция	55
2.2.3. Функция — субфункция.....	58
2.2.4. Одноместная — многоместная функция.....	59
2.2.5. Эмергентная — аддитивная функция.....	62
2.2.6. Коллективная — дистрибутивная функция	64
2.2.7. Конструктивная — агрегативная функция	66
2.2.8. Открытая — закрытая функция	72
2.2.9. Синтагматическая — парадигматическая функция	74
2.2.10. Имманентная — трансцендентная функция	74
2.2.11. Однозначная — многозначная функция	78
2.2.12. Симметричная — асимметричная функция	79
2.2.13. Конверсивные функции.....	80
2.2.14. Фиксированная — нефиксированная функция.....	83
3. Языковые функции	85
3.1. Функции языка	85
3.2. Экспликативно-процедурная модель функций языка	92
3.2.1. Номинативная функция	93
3.2.2. Магическая функция.....	95
3.2.3. Индексальная функция	96
3.2.4. Экспрессивная функция	98
3.2.5. Социативная функция.....	100
3.2.6. Прагматическая функция	104
3.2.7. Стилистическая функция.....	108
3.2.8. Этологическая функция.....	111
3.2.9. Когнитивная функция.....	113
3.2.10. Креативная функция	114

Введение

Был шар земной
Прекрасно схвачен лапой сумасшедшего.
За мной,
Бояться нечего!

Велимир Хлебников

Понятие «функциональная лингвистика» имеет довольно широкое содержание, часто ассоциируется с функциональным подходом в теоретическом языкознании (иногда он определяется как «семантизм», см. Попов 1972, 281) и с функциональными исследованиями в грамматике: в западной лингвистической литературе получила известность функциональная грамматика в версии С. Дика, а в России — в версии петербургской школы во главе с А. В. Бондарко. Данное направление в науке о языке появилось и распространилось в XX веке — как альтернатива формальной лингвистике, которая во многом опиралась на традицию логицизма.

Грамматики традиционного типа уделяли внимание, главным образом, описанию морфологических форм, а именно — парадигм склонения и спряжения. Характерным примером может быть учебник латинского языка З. А. Покровской и Н. Л. Кацман (1981). При описании словоизменения приводятся только флексийные формы слов — напрасно искать в этой книге, например, описание функций (или значений) падежных форм существительных — а известно, что они весьма разнообразны.

Казалось бы, недостаток функционализма в лингвистических описаниях компенсировала лексическая семантика как важнейшая часть семасиологии, ведь она имеет отношение к плану содержания лексических знаков. Однако, во-первых, семасиология как лингвистическая дисциплина появилась довольно поздно — во второй половине XIX века. Во-вторых, в семантических исследованиях языка долгое время господствовал исторический подход, как, например, в работах С. Ульмана (Ulmann 1967, 159 ссл.), а также субъективизм в лексикографии. До сегодняшнего дня недостатком толковых словарей является отсутствие четких критериев разграничения значений слов и оттенков значений (семантических мутаций и модификаций), чрезмерная дифференциация значений, социо-культурная нерелевантность дефиниций — их чрезмерная «научность», и многое другое (Bartmiński 1999, 113 сл.; Киклевич 2007, 98 ссл.).

Функциональные характеристики языковых единиц зачастую представляются как окказиональные, находящиеся за пределами системы языка. Термин *функционирование* поэтому обычно противопоставляется термину *языковая система*. Юбилейный сборник, посвященный известной русской исследовательнице Н. Ю. Шведовой, так и называется: «Язык: система и функционирование» (Москва, 1988). В действительности же все обстоит гораздо сложнее. С одной стороны, многие функциональные свойства языковых единиц и их категорий проявляются появляются в речи — было бы ошибкой во всех нюансах употребления языковых знаков искать реализацию системно закодированных правил. С другой стороны, языковая компетенция человека (а также языковых групп) организована по принципу оптимальности, это значит — таким образом, что хранимая в памяти система знаков «подстраивается» к условиям ее функционирования, конфигурируется с учетом социального, культурного, межличностного, физического и т.д. контекста. В радикальных идиоэтнических концепциях (например, Л. Вайсгербера или В. Н. Волошинова) прямо утверждается, что структура и семантика языковых знаков отражает социальную структуру носителей языка. Поэтому информация о функциональных характеристиках языковых единиц должна составлять важную часть лингвистического описания, независимо от того, идет ли речь о единицах знаковых, субзнаковых или суперзнаковых уровней языках.

Значительная часть теоретического материала для этой книги была собрана во время научных стажировок в 1997-1998, 2000, 2003, 2005 и 2007 годах в немецких университетах: в Рурском университете в Бохуме, а также в Университете имени Александра Фридриха в Эрлангене — Нюрнберге. В связи с этим автор благодарит научный фонд „Alexander von Humboldt – Stiftung“ (Bonn), а также проф. Хельмута Яхнова и проф. Клауса Штайнке за научную и человеческую поддержку.

1. Функциональная лингвистика: знакомая незнакомка

Потом он сделал мне из заплатки нос и нарисовал рот, но я не умел еще говорить, потому что не знал, зачем у меня рот.

Александр Волков, «Волшебник Изумрудного города»

Вопрос *ЗАЧЕМ?* долгое время в науке о языке вообще не существовал. В течение более двух тысячелетий, начиная со знаменитой грамматики Панини, лингвистику интересовали другие вопросы: КАК произошел язык? ЧТО составляет языковую систему — какие формы и категории форм? КАК устроен язык, т.е. на базе каких отношений? КАК развивается язык? ЧЕМ языки различаются и ЧТО является для них общим, универсальным?

В таком духе К. Фосслер критически высказывался о представителях позитивизма в языкознании, т.е. радикального рационализма, основанного на принципах формальной и математической логики. Немецкий ученый в начале XX века писал:

Собирание фактов, точное знание всего наличного материала, что методологический позитивист скромным образом рассматривает только как предварительную цель, превращается у метафизического или, лучше сказать, радикального позитивиста в конечную цель. Знание и познание, описание и объяснение, условие и причина, явление и причинность в сущности оказываются одними и теми же вещами. Не спрашивают «почему?» или «для чего?», но только «что есть?» и «что происходит?» (Фосслер 1960, 287).

Интерес к целевой стороне употребления языка возник, главным образом, в XX в., когда стало ясно, что описание языка в отрыве от речевой коммуникации, без учета функций, которые он выполняет в человеческом обществе, дает неполный образ языковой компетенции человека, во многом искажает сущность языка, действующие в нем принципы и механизмы. Так в языкознании появилось функциональное направление, которое к концу XX века — началу XXI века набрало достаточно силы, чтобы можно было говорить о функциональной лингвистике.

Для функциональной лингвистики характерен динамический подход, т.е. стремление охватить язык как целостную функ-

циональную систему, которая активно взаимодействует со средой — в связи с этим часто употребляются такие категории, как «универсализм», или «хололизм», или «экология языка». Если лозунгом первого этапа функциональных исследований (например, русской формальной школы) было: «Дискурс (литература, искусство, кино и т.д.) как язык», то современные исследователи, наоборот, рассматривают язык с позиций философского хололизма, т.е. не просто как коммуникативный код, программирующий речевую деятельность, но как целостную динамическую систему, содержащую — дополнительно к лингвистической — когнитивную, социальную, культурную, историческую и др. информацию. Ср. характерное высказывание одного из известных белорусских исследователей фольклора:

«Сначала было слово» — это неоспоримая истина. Именно оно является ядром, зерном, сущностью фольклора, но оно несет только его содержание, которое всегда имеет национально-художественной «убор»: мелодию, напев, звучание музыкальных инструментов и ритмов, прыжки, танец, одежду, атрибутику, маски и, наконец, соответствующее местонахождение, формирующее художественный колорит. Но все это существует еще и в синкретическом единстве, художественной нераздельности с древними верованиями, мировоззрением, эстетикой, этикой, моралью народа (Лицьвінка 1998, 18; разрядка моя. — А. К.).

С одной стороны, у языка есть свойство амбивалентности — он не «привязан» ни к одному из возможных миров, что и позволяет нам создавать сообщения типа:

*С любовью ниоткуда;
Зеленые идеи яростно снят;
Уже это поколение советских людей будет жить при коммунизме.*

Это свойство языка можно проиллюстрировать словами уже упомянутого Фосслера (1960): «В царстве лжи и заблуждений нет ничего такого, что не могло бы быть выражено в стилистически безукоризненной словесной оболочке».

Основываясь на свойстве амбивалентности языка, лингвистическая традиция в течение веков выработала в своей сущности сепаратистскую методологию, в соответствии с которой факты языка описываются независимо от фактов внешнего мира. В значительной степени это напоминает философию математики, о которой в начале XX века писал выдающийся французский философ и математик А. Пуанкаре:

Математика не зависит от существования материальных объектов. В математике слово «существующее» имеет только один смысл и обозначает: «свободное от противоречия». [...] Математик изучает не предметы, но лишь отношения между предметами; следовательно, для него вполне безразлично, будут ли данные предметы замещены какими-нибудь другими, лишь бы только не изменились при этом их соотношения. Материал совершенно не касается математика; его интересует только форма (1990, 482 ссл.).

Характерный для данного направления науки о языке вербоцентризм проявляется в том, что, как писал Э. Бенвенист (1974, 54), язык представляет собой список «точек зрения», которые познаются раньше, чем познаются сами предметы, и которые определяют наше поведение. По утверждению французского философа Н. Мулуда, структурализм

по отношению к любому содержанию человеческого опыта [...] придавал языку роль априорного организатора; язык не может быть номенклатурой фактов опыта; все, что мы воспринимаем или представляем, включается в определенные им рамки (1979, 296).

С другой стороны, исследовательская практика показывает, что употребление знаков в речи регулируется не только внутренними законами языка, но также — в значительной степени — зависит от отношений, которые устанавливаются между референтами знаков и коммуникативным контекстом (дискурсом), в котором главную роль играет личность говорящего и личность слушающего. Именно эта теоретическая установка и лежит в основе прагматцентризма (другими словами — функционального прагматизма): язык рассматривается как составная часть системы человеческой деятельности, поэтому он не может быть адекватно описан в отрыве от этой системы.

В соответствии с прагматцентрической ориентацией современная функциональная лингвистика представлена несколькими направлениями — такими, как лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная и коммуникативная лингвистика, социоллингвистика и социология языка, динамическая семантика и др. Так, в грамматических исследованиях по русскому языку М. И. Конюшкевич (1998, 25 ссл.) выделила четыре направления, которые можно отнести к функциональным. Первое из них охватывает грамматики, в основе которых лежит функционально-семантическое описание разноуровневых средств, объединенных общей содержательной функцией. Базой такого объединения является понятийная (семантическая) категория, выражаемая в языке грамма-

тическими, лексическими или нулевыми средствами (т.е. за счет актуализации речевого контекста). Эти средства объединяются в полевые структуры (функционально-семантические поля). Наиболее полно данное направление в русистике проявилось в теории А. В. Бондарко и его последователей (см. раздел 4.1).

Исследования второй группы посвящены характеристикам функций языка, функционированию его подсистем и единиц как во всей системе в целом, так и в конкретных функциональных стилях. К этому направлению Конюшкевич относит работы по функциональному синтаксису Г. А. Золотовой.

Третье направление, возникшее из опыта преподавания русского языка как иностранного, имеет отчетливую прикладную ориентацию, поскольку его предметом являются не только семантическое пространство языка и инвентарь средств их выражения, но и «языковые механизмы, обеспечивающие оптимальное функционирование языковых единиц и объектов в речевых построениях при решении соответствующих коммуникативных установок говорящего». Наиболее активно и плодотворно в этом направлении работает М. И. Всеволодова.

Наконец, предметом четвертого направления функциональных исследований являются отношения между языком и его культурной средой. Здесь Конюшкевич упоминает русскую этнолингвистическую школу во главе с Н. И. Толстым.

1.1. Истоки функционального подхода в лингвистике XX века

Новые идеи пришли в науку о языке вместе со структурализмом, который раздвинул привычные рамки понимания *реальности*, что на переломе XIX и XX веков было характерно для естественных и гуманитарных наук. А. Пуанкаре в 1905 году писал:

Мы ищем реальность, но что такое реальность? Физиологи учат нас, что организмы образуются из клеточек; химики прибавляют, что сами клеточки образуются из атомов. Значит ли это, что эти атомы или клеточки составляют реальность или по крайней мере единственную реальность? Тот типичный способ, по которому упорядочиваются эти клеточки и который порождает единство индивидуума, не есть ли также реальность, гораздо более интересная, чем реальность отдельных элементов, и стал ли бы думать какой-нибудь натуралист, что он достаточно знает слона, если бы он всегда изучал это животное только под микроскопом? (1990, 213).

Р. Барт (1975, 147 сл.) подчеркивает именно релятивизм структурной доктрины в языкознании. Напомним, что Ф. де Соссюр, вводя понятие языковой значимости (*valeur*), писал:

Отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. [...] Язык есть форма, а не субстанция (1977, 154).

Заслуга структурализма состояла в том, что реальностью языка стали не только отдельные единицы — языковые формы, но в первую очередь — отношения между единицами, отношения между отношениями, а также функции более простых по строению единиц в составе более сложных. Один из авторитетов структурализма XX в. Ю. М. Лотман в полемике со своими оппонентами, отказывающимися трактовать язык и литературу как «имманентные, замкнутые структуры», видеть в абстрактных отношениях знаков реальный объект для исследования, сравнивал их с известным литературным персонажем Дениса Фон-визина — Митрофаном. Утверждение Митрофана о том, что *дверь* — прилагательное, «потому что она приложена к своему месту», как писал Лотман, — «это здравый смысл, который не признает абстракций и желает решать вопросы с точки зрения существа, а не с точки зрения метода» (1970, 46).

Идея функционализма в гуманитарных науках в значительной степени распространилась под влиянием точных наук, в частности, теории систематики в биологии. В начале XX века в философии биологии отказались от концепции системы как генеалогического дерева, а также от фундаментального принципа эволюционизма: сходство является критерием определения родства. Было открыто, что гомологические (филогенетические) сходства в живой природе составляют лишь небольшую часть сходств, а филогения не равнозначна естественной классификации организмов (Любищев 1982, 210 ссл.). Это положение занимает центральное место в антидарвинистской теории номогенеза Л. С. Берга, который подчеркивал, что сходства живых организмов в значительной степени возникают в результате конвергенции — направленного развития в определенном направлении под влиянием среды.

Изменение ракурса существенно повлияло на научное описание языка, приблизило лингвистические модели к оригиналу. В качестве примера можно рассмотреть грамматическую категорию степени прилагательных. В русском языке формы сравнительной степени, как

правило, образуются от форм положительной степени с помощью суффиксов *-ee*, *-e*, *-ше*, например:

сильный — *сильнее*
тихий — *тише*
широкий — *шире*

Традиционно компаратив рассматривался с формальной точки зрения, т.е. как результат грамматических преобразований одной и той же лексемы. Благодаря функциональному подходу в содержании словоформ типа *сильнее*, *тише*, *шире* удалось открыть новые свойства. Польский ученый Р. Токарский (Tokarski 1976, 340 ссл.) обратил внимание на то, что в речевом употреблении формы сравнительной степени по содержанию довольно редко соотносятся с позитивной степенью соответствующей лексемы, ср.:

Czuję się już l e p i e j — Я чувствую себя уже л у ч ш е .

Словоформа *lepiej* ‘лучше’ функционирует здесь, как и во многих других случаях, не на фоне словоформы *dobrze* ‘хорошо’, а на фоне антонимической словоформы *źle* ‘плохо’ — компаратив *lepiej* является в данном случае отрицанием позитива *źle*, т.е. употребляется в значении ‘не так плохо’. На это указывает перифразы, а также возможность коокуренции позитивной и сравнительной степени антонимических лексем:

Czulem się ź l e , ale teraz czuję się l e p i e j — Я чувствовал себя п л о х о , но теперь я чувствую себя л у ч ш е .
 Это п л о х о , но все-таки л у ч ш е , чем могло быть .

Подобное явление наблюдаем в немецком языке — на примере лексемы *Besserung* ‘улучшение’: в речевой практике она обычно означает улучшение состояния, которое нельзя признать удовлетворительным, хорошим (‘было плохо, стало хорошо’). Впрочем, подобным образом употребляются и русские лексемы *улучшать*, *улучшаться*, *улучшение* и т.п. Например, в академическом «Словаре русского языка» глагол *улучшаться* иллюстрируется предложением из дневниковых записей Александра Островского:

Здоровье мое настолько улучшилось, что дает мне возможность говорить и читать довольно продолжительно и громко.

Из содержания предложения следует, что прежнее состояние здоровья автора было плохим, не позволяющим ему ни говорить, ни громко читать.

Наблюдения показывают, что с функциональной точки зрения прилагательное *лучше* оказывается, скорее, формой сравнительной степени прилагательного *плохо*, чем прилагательного *хорошо*. Это позволяет Токарскому сделать вывод, что в языковой системе существует не только интенсификация в оппозициях типа *хороший* — *лучше* ‘еще более хороший’ — *наилучший*, но и антонимическая градация в оппозициях типа *плохой* — *лучше* ‘не такой плохой’ — *хороший*. В грамматическом у описании языка, как видим, появляется новая важная, адекватная его функционированию информация.

1.2. Теория оппозиций

Заслугой структурного направления в лингвистике является разработка теории оппозиций. Языковые оппозиции впервые были выявлены в фонологии. Наибольший интерес (благодаря исследованиям Н. С. Трубецкого, Р. Якобсона, Е. Куриловича и др.) вызвали бинарные противопоставления, в которых одну и ту же пару языковых единиц составляют носитель положительного и носитель отрицательного признака. Таковы, например, корреляции согласных звуков по звонкости/глухости: *b* [+звонкость] // *p* [-звонкость].

В середине XX века принцип построения привативных бинарных оппозиций был перенесен в лексикологию — это направление исследований активно развивала, в частности, Тартуско-Московская семиотическая школа. При анализе семантических корреляций лексем выяснилось, что с функциональной точки зрения мы зачастую имеем дело не с противопоставлением самостоятельных, равноценных признаков (хотя и такие, эквиолентные оппозиции имеются в языковой системе), но с оппозициями, в которых один элемент является исходным, сильным, положительно маркированным, а другой — производным, слабым, отрицательно маркированным.

ТАБЛИЦА 1. Бинарные привативные семантические оппозиции

Положительно маркированный член	Отрицательно маркированный член
мужской	женский [-мужской]
добро	зло [-добро]
свет	тьма [-свет]
движение	покой [-движение]
близкий	далекий [-близкий]
космос	хаос [-космос]
хороший	плохой [-хороший]
свой	чужой [-свой]
свобода	рабство [-свобода]

При анализе функционирования подобных семантических оппозиций выяснилось, что в тексте актуализируются не только «горизонтальные» отношения, т.е. противопоставление слов с положительными и отрицательными признаками, но также «вертикальные» отношения — между единицами с одинаковой, положительной или отрицательной, маркированностью. Так в тексте (прежде всего в художественном) были открыты принципиально новые семантические связи, а также тот семиотический алгоритм, который программирует эти окказиональные семантические ассоциации в речевой коммуникации. Например, Ю. М. Лотман выделил в поэтике Николая Заболоцкого реестр ядерных семантических оппозиций (1972, 257 ссл.):

верх	низ
далеко	близко
простор	теснота
движение	неподвижность
метаморфозы	механическое движение
свобода	рабство
информация	избыточность
творчество	рутина
гармония	хаос

Благодаря тому, что оппозиции представляют собой целостную систему, функционирование конкретной лексемы в тексте (в частности, ее понимание) зависит от того, с какой — положительной или отрица-

тельной — парадигмой соотнесет ее интерпретатор. Так в содержательной структуре художественного текста возникают семантические корреляции, которые вне системы бинарных оппозиций не существуют:

простор	↔	свобода
свобода	↔	информа- ция
свобода	↔	творчество
верх	↔	мысль
хаос	↔	рабство
неподвиж- ность	↔	рутина и др.

Например, широко представлены возникающие подобным образом корреляции: «мужской» — «правый» и «женский» — «левый». Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, описывая культурные стереотипы племенного гого в Центральной Танзании, указывают:

Жестко предопределенная взаимосвязь основных признаков обуславливает, например, у гого соотнесение левой стороны с женщинами в различных ситуациях — от деталей любовного общения, при котором левый бок и левая рука женщины должны быть обращены к правому боку и правой руке мужчины, до ориентации захоронений, при которых женщину хоронят слева от мужчины (1974, 259).

Накопление в тексте соответствующих значимостей формирует «положительный» или «отрицательный» контекст, так что участие конкретной знаковой единицы в создании текста возможно при согласовании индивидуального значения с профилем контекста. Так, у большинства народов мира в ритуально-мифологических дискурсах, связанных с идеей удачи, благополучия, безопасности и т.п., не выступает левая рука — носитель отрицательной значимости. Напротив, в отрицательном контексте палеолитического изобразительного искусства эксплицированы коррелирующие значимости: изображения женщин — а не мужчин, изображения животных — а не человека, изображения чужого — а не своего (Топоров 1972, 88).

Если положительно определенный член оппозиции, как писал А. В. Исаченко, обладает значением и, как носитель значения, самостоятельно устанавливает связь с объектами внешнего мира, то отрицательно маркированный член оппозиции обладает значимостью (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра): своим значением он «непосредственно никак не связан с внеязыковой действитель-

стью», что дало основание Исаченко считать значение слабого члена оппозиции «чисто реляционным», «внутриязыковым» (1961, 39 ссл.).

В 1932 г. Р. Якобсон обратил внимание на то, что асимметрия бинарных оппозиций в грамматике состоит не только в том, что один из элементов является положительно, а другой — отрицательно определенным. Наблюдения над функционированием грамматических категорий в речи показали, что один член выступает как носитель конкретного признака в рамках оппозиции, другой же охватывает собой всю оппозицию в целом, т.е. выступает как беспризнаковый, немаркированный (Якобсон 1985, 210). При этом важно обратить внимание на то, что чаще всего немаркированным оказывается сильный, а маркированным — слабый член оппозиции. Например, уже упоминалась оппозиция «мужской» — «женский», в которой первый член является сильным, а второй — слабым (см. Кон 1980, 114).

Но в грамматике оппозиция мужского и женского рода выглядит несколько иначе: формы женского рода маркированные (что особенно проявляется при обозначении лица), тогда как формы мужского рода многозначны: при обозначении лица они могут указывать как на лицо мужского пола, так и на человека вообще. Нас не смущает, что известная певица Елена Камбурова поет:

*В раннем детстве в е р и л я, что от всех болезней
Капель Датского короля не найти полезней...*

Но трудно вообразить себе, например, Иосифа Кобзона, поющего:

*Если скажут, что я — не к р а с и в а я,
Не поверю теперь никому...*

Кроме того нередки случаи, когда формы мужского рода имеют женскую референцию, в частности, релятивные существительные:

*Мне от боли старящей
Тесно и темно,
В злой беде т о в а р и щ а
Покидать грешно (М. Петровых).
Я м о л о д о й с п е ц и а л и с т, вот уже четвертый год не могу получить жилье.
Теснимся с родителями мужа в двухкомнатной квартире пять человек («Комсомольская правда». 20 X 1980).
Я с юности страстно любила своих д р у з е й; как-то получилось, что в основном они были много старше меня. Сейчас это уже немолодые ж е н щ и н ы, каждая из которых прожила сложную жизнь. Вы бы видели, как эти несколько немолодых женщин — м о и х д р у з е й — радуются жизни («Литературная газета». 25 I 1984).*

Решили, видимо, что она там и останется и авось не станет возражать против усыновления сестренки («Литературная газета». 27 X 1982).

Характерный пример этого типа приводит в повести «Птицы, или новые сведения о человеке» Андрей Битов:

Другую историю сочинила первоклассница Юлия [...] Эту историю она сочинила о т мужского лица (по соображениям стиля, надо полагать...). Вот дословно.

«Вчера к нам на студию приходил иностранец. Он много рассказывал забавных историй, но мы его не понимали. К счастью, с ним был переводчик. Он объяснил нам, что иностранец рассказывал о воронах и сороках. Оказывается, эти птицы, такие похожие, очень мало понимают друг друга.

Когда я утром пришла домой, то подумал: «Как странно! Мы так плохо понимали его, а он нам рассказывал как раз об этом...» (разрядка моя. — А. К.).

Обратные ситуации возможны лишь окказионально — в случае метафорического употребления форм женского рода, например:

А ведь такая беспомощность вполне может быть издана миллионными тиражами: автор-то телезвезда! Но пойдет ли это на пользу поэзии? А самому (самой) телезвезде? («Литературная газета». 14 V 1986).

Беспризнаковость грамматического мужского рода ярко проявляется в названиях профессий: *администратор Иванова, бактериолог Петрова, гинеколог Павлова, посол Кузькина, литературовед Кузьмина*. Ср. характерный пример из текста художественной прозы:

Роды начались у одного матроса. Что ты ржешь? Ну, женищина — матрос. Поперечное положение плода (В. Аксенов).

Польские исследовательницы М. Карватовская/И. Шпыра-Козловская пишут о том, что подобная асимметрия форм мужского и женского рода выступает практически во всех языках мира, ср. формы мужского рода, которые употребляются в качестве гипонимов (т.е. названий мужчин) и в качестве гиперонимов (т.е. немаркированных в гендерном аспекте, «общих» номинаций) (Karwatowska/Szpyra-Kozłowska 2005, 18 ссл.):

франц. *ministre* 'министр'
англ. *waiter* 'официант'
польск. *prawnik* 'юрист'
араб. *muhami* 'юрист'

Интересен пример из разговорной речи:

Подождите н а ч а л ь н и к — она пока вышла (реплика на почте).

Лицо женского пола в данном случае обозначается существительным мужского рода *начальник* — говорящий отдает ему предпочтение перед существительным *начальница*, которое в словарях описывается с пометами «устаревшее» и «разговорное» (а окказионально может иметь также отрицательный оттенок). При этом существительное *начальник* употребляется в необычной и, с точки зрения литературного языка, неправильной форме винительного падежа — с нулевым окончанием (должно быть: *Подождите начальника*). Таким образом, «женская» референция слова модифицирует его морфологическую парадигму, уподобляет ее парадигме существительных женского рода на согласный (ср. *Подайте печать*).

Оппозиции маркированных и немаркированных членов (функциональных классов) были обнаружены в содержании многих грамматических категорий.

Таблица 2. Бинарные привативные оппозиции в грамматике

Маркированный член	Немаркированный член
страдательный залог	действительный залог
причастие	личная форма глагола
повелительное наклонение	изъяснительное наклонение
множественное число	единственное число
косвенный падеж	именительный падеж
прошедшее, будущее время	настоящее время

Подобного рода оппозиции, собственно, и образуют структуру грамматической категории, в которой выделяется два или более функциональных классов, т.е. группировок слов с общим грамматическим значением (или функцией). Таковы теоретические предпосылки описания языка в академической грамматике польского языка (Grzegorzczkowska/Laskowski/Wróbel 1984), во многом эти постулаты разделяют и авторы академической «Русской грамматики» 1980 г.

Понятие немаркированности в грамматике возникло благодаря тому, что формы определенного типа регулярно употребляются как многозначные. Здесь следует обратить внимание на различие подходов к лексической и грамматической многозначности. В лекси-

кологии отсутствует четкое разграничение разных значений слова и разных семантических оттенков одного и того же значения, в результате чего обусловленное синтагматическим контекстом семантическое варьирование слова часто ошибочно рассматривается как факт языка (что находит отражение в толковых словарях).

В грамматических исследованиях языковой инвариант значения и его речевые варианты разграничиваются более последовательно и строго. Так, А. В. Исаченко, анализируя разнообразные функции словоформы настоящего времени *бежишь*:

Куда ты бежишь?

Бежишь, бывало, на службу и ни о чем не думаешь

не просто фиксирует эти разные семантические функции, но стремится обобщить их в инварианте:

Сумма грамматической информации, содержащейся в знаке *бежишь*, остается, очевидно, константной. Отсюда ясно, что инвариантным грамматическим значением знака *бежишь* не может быть ни эксплицитное выражение единичности действия, ни выражение «настоящего времени», ни выражение прошедшего времени. По-видимому, грамматическое значение такой формы, как *бежишь*, [...] сводится к невыражению реальной «кратности» и реальной временной отнесенности. Только в этом случае грамматическое темпоральное значение формы *бежишь* окажется достаточно емким, чтобы в нем могли «ужиться» все приведенные частные значения. Во всяком случае нам придется отказаться от убеждения, будто бы «презенс» (грамматическое темпоральное значение) служит для обозначения реального настоящего времени (Исаченко 1961, 34).

Иногда многозначность сравнивают с медалью, которой награждается слово за речевые заслуги. Под «речевыми заслугами» имеется в виду, прежде всего, высокая частота употребления слова. Таким образом, маркированность/немаркированность в бинарных оппозициях имеет и количественное обоснование. Подобная идея лежит в основе современной теории «*Natürlichkeit*», т.е. натуральности, которая широко распространена в немецкой лингвистике (например, в публикациях журнала «*Papier zur Linguistik*», см. также: Koch 1990). Приверженцы этой теории утверждают, что часто употребляемые формы отличаются не только своей немаркированностью (гиперонимичностью), но и большей, по сравнению с полными формами, краткостью: например, немаркированные формы именительного падежа более краткие, чем маркированные формы косвенных падежей. Аф-

фирмативные (утвердительные) конструкции, в отличие от отрицательных, являются немаркированными, поэтому для выражения фирмативности как своего рода коммуникативной нормы обычно используются не материальные, а нулевые формы; ср. абсолютную форму фирмативности — молчание как знак согласия. В подобных языковых фактах усматривается иконичность знака — зависимость его формы от обозначаемого понятия (Fenk-Oczlon 1990, 51; Döhmann 1974, 31).

1.3. Динамическая лингвистика

Структурализм (в особенности его поздние версии, например, синтагматический структурализм) активно разрабатывал идею о динамичности языковой системы, о регулярных взаимодействиях между отдельными подсистемами и уровнями языка. Н. Хомский писал:

По мере того как синтаксическое описание становится глубже, оно захватывает все больше и больше того, что сначала казалось чистой семантикой (1965, 505).

«Семантика синтаксична, а синтаксис семантичен» — этот постулат В. Г. Гака стал лозунгом для целого поколения лингвистов, избравших для описания языка принцип интегративности, который, в частности, нашел отражение в дистрибутивной методике исследования языковых категорий. Функциональная грамматика, в принципе, не делится на морфологию и синтаксис (Бондарко 1985, 29), а в некоторых функциональных теориях в одном комплексе описывается морфология, синтаксис и лексика. Б. Малиновский подчеркивал, что в примитивных языках граница между лексико-семантическими и грамматическими категориями более расплывчата и неопределенна, чем в языках с устоявшейся литературной нормой (Pisarkowa 2000, 12).

В недрах неоструктурализма зародились теории, которые стремились преодолеть разрыв между структурным и прагматическим описанием языка, заложить в лингвистической модели обобщенную информацию о правилах употребления единиц языка. В русистике этот подход широко применялся в рамках созданного Л. Н. Мурзиным дериватологического направления (Мурзин 1984); ср. введенное Мурзиным понятие «фатического поля языка» (1998, 9).

Б. Ю. Норман, приверженец этого подхода и автор концепции динамического синтаксиса, пишет:

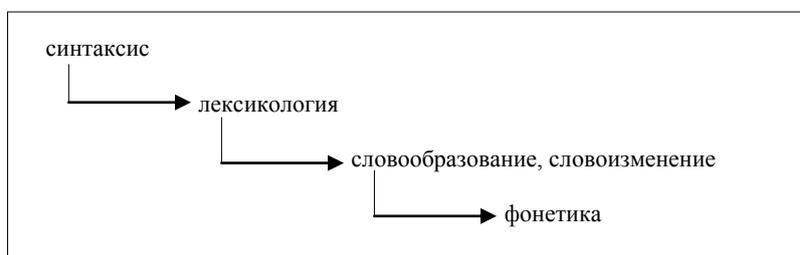
Динамический подход к языку, «сфокусированный» на речевой деятельности говорящего, позволяет под новым углом зрения взглянуть даже на старые, хорошо известные языковые категории. Так, граница между синонимией и антонимией оказывается шаткой и условной, сочинительная связь выступает в качестве подручного инструмента при классификации понятий и установлении тематических рядов, а сами тематические ряды весьма свободны, нежестки в своем отношении к конкретным лексемам (1994, 32).

При функциональном подходе изменяется перспектива рассмотрения лингвистических объектов разного формата. Традиционно они описываются по возрастающему принципу — от более простых единиц к более сложным, что отражается, например, в структуре учебных курсов по языку: студенты начинают с фонетики и фонологии, затем следуют лексика и морфология, заканчивается же курс синтаксисом. Но, как отмечал Н. Ф. Яковлев,

в языке предложение как господствующая грамматическая форма определяет собой и наполняет содержанием все остальные грамматические формы. Слово полностью можно понять только в предложении (Яковлев/Ашхамаф 1941, 12).

Поэтому Яковлев предложил новую структуру грамматического описания, которое начиналось с синтаксиса.

РИСУНОК 1. ИЕРАРХИЯ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА

«Такое построение, — подчеркивал Яковлев, — наилучшим образом обеспечивает научное построение грамматики и оправдывается историей развития языка». Этот подход, в частности, был реализован в польской

академической грамматике, первый том которой посвящен синтаксису, второй — морфологии (словоизменению и словообразованию), а третий — фонетике и фонологии.

Функциональная доктрина в версии структурной лингвистики стремилась к универсализму. Во-первых, это проявилось в том, что принципы структурного описания языка активно применялись в других гуманитарных науках — в литературоведении, эстетике, социологии, антропологии, психологии. Во-вторых, структуралисты сами заимствовали ряд идей из других областей знания, а в первую очередь — из кибернетики и информатики, тем самым демонстрируя принципиальную возможность исследования естественного языка в универсальном, семиотическом контексте. Но и в первом, и во втором случае универсализм предстает, скорее, как изоморфизм, т.е. как структурная симметрия разных знаковых или, шире, информационных систем. В то же время в ходе практической разработки структурной доктрины становилось все более очевидным, что ограничение функционального подхода только рамками знаковых систем создает серьезные препятствия для описания того, как та или иная знаковая система актуализируется в дискурсах, в конкретной коммуникативной обстановке. Языковеды должны были, например, признать, что высокая скорость операций, которые производятся с речевыми сообщениями, возможна благодаря взаимодействию вербальных и невербальных факторов информационного обмена (Lubaszewski 1984, 60). Поэтому во второй половине XX в. функциональные исследования языка в Европе и в США начинают наполняться новым содержанием — они выходят за пределы языка как структуры знаков.

1.4. Границы функционализма

В современных лингвистических исследованиях широко принято противопоставление функциональной и структурной лингвистики (см. Kogzyk 1999, 10; Гаспаров 1998, 116). В начале XXI века большинству языковедов структурализм ассоциируется с формализмом, механицизмом, антипсихологизмом, редукционизмом, с радикальным сциентизмом, с семантической «пустыней», с дегуманизацией науки о языке, а также с игнорированием функциональной природы языка, который, по определению Э. Р. Атаяна, «устремлен за свои пределы» (1987, 3; см. также: Ágel 1997, 58). В связи с кризисом структурализма, отмечается в литературе, «наметилась тенденция к переакцентировке внима-

ния исследователей на вопросы языкового функционирования» (Мельничук 1992, 25). Структурная лингвистика, пишет М. В. Арапов, предполагает анализ большей единицы на меньшие (1984, 356), тогда как функциональный подход имеет обратную перспективу — «снизу вверх», по определению Г. Г. Почепцова (1971). Э. Косериу (Coseriu 1987, 87) различал реляционные грамматики, предметом которых являются грамматические формы (а именно — парадигмы форм), и функциональные грамматики, описывающие функционирование грамматических форм.

А. Н. Рудяков (2004, 5 сл.) определяет структурную теорию языка как знаковую, субстанциональную и противопоставляет ее функциональной теории, хотя в действительности функциональная трактовка языка «как орудия регуляции, имеющего знаковую природу», о которой пишет Рудяков (*ibidem*, 15), принадлежит основателю структурализма — Ф. де Соссюру, см. 1990, 148 ссл.

В. Г. Гак (1985, 6 ссл.) представлял функциональные свойства языковых единиц в оппозиции к нефункциональным свойствам. Анализ первых и вторых позволяет сделать вывод, что функционализм в представлении исследователя противопоставлен структурализму.

Таблица 3. Оппозиция функциональных и нефункциональных признаков (В. Г. Гак)

Функциональное	Нефункциональное
Узуальное, т.е. связанное с конкретными носителями	Общее, т.е. не связанное с конкретными носителями
Речевое, т.е. актуализованное в конкретном речевом акте	Языковое, т.е. относящееся к инвариантной системе языка
Семасиологическое, т.е. обусловленное контекстом	Ономасиологическое, т.е. взятое в отрыве от контекста
Частотно-количественное, т.е. учитывающее регулярность употребления в речи	Структурное, т.е. учитывающее только системную значимость, которая выявляется в множестве оппозиций
Лексико-семантическое, т.е. направленное к референтам, за пределы языка	Формально-грамматическое, т.е. узко имманентное, обусловленное необходимостью организации синтаксических структур
Синтаксическое, т.е. основывающееся на комбинаторике единиц	Морфологическое, т.е. основывающееся на формальном обеспечении синтаксиса

К подобному заключению можно также прийти, анализируя приводимые Р. Буграндом (Beaugrande 1996, 25) дифференциальные признаки функционализма и формализма (который здесь является синонимом структурализма).

ТАБЛИЦА 4. Оппозиция функционализма и формализма (Р. Бугранд)

При формализме	При функционализме
взгляд на язык:	
внутренний, т.е. направленный только на внутреннюю структуру языка	равновесие между внутренним и внешним, т.е. учет взаимодействия языка со средой
статический	динамический
от теоретического описания к эмпирическому, от теории к практике	от эмпирического описания к теоретическому, от практики к теории
как на множество дихотомических оппозиций	как на множестве параметрических и градуальных оппозиций
как на дискретную сущность	как на континуальную сущность
как на целое, которое равняется сумме частей	как на целое, которое не равняется сумме частей

Известный украинско-польский специалист в области философии языка О. Лещак также подчеркивает различие структурного и функционального анализа. Хотя, как он пишет, «возможно и структуралистское или аналитическое исследование функционирования объекта» (2000, 245), однако, по его мнению, при этом ставится задача «вскрыть структурные связи внутри объекта или внешние связи объекта в большем структурном целом», а такой подход Лещак считает описательным (дескриптивным):

Стремление описать, дать наглядное представление, получить гарантированное (= позитивное) знание, редукция исследования до простого наблюдения за внешними проявлениями объекта, его «поведением» не имеет ничего общего с функционализмом (ibidem).

Лещак критикует использование в лингвистических исследованиях — под влиянием Львовско-Варшавской школы аналитической философии и Венского кружка — логического понятия функции, например, в теории глоссематики Л. Ельмслева:

В результате была создана структуралистская, совершенно априористическая и механистическая модель логической грамматики [...] которую (при всем том, что в ее основе лежит понятие функции как отношения) никак нельзя считать функциональной (ibidem, 250).

Такая оценка вытекает из фундаментального теоретического положения автора, в соответствии с которым функционализм отождествляется с прагматизмом:

Базой для функционального исследования [...] является только прагматическая деятельность. [...] Функция [...] это центральное методологическое понятие, способ представления объекта, характер и форма его бытия. По уровню обобщения понятие функции в функционализме сопоставимо лишь с понятием опыта как сущностно-бытийной содержательной характеристики объекта» (ibidem, 250 и сл.).

Характерная для современной «антропоцентрической» философии языка позиция Лещака, во-первых, отражает узкое, а именно — экологическое понимание функции и функционализма, а во-вторых, является следствием недооценки структурализма и его вклада в историю языкознания XX века.

Вопреки представлениям современного экологического (трансцендентного) языкознания, функциональный подход, как справедливо указывает Х. Яхнов (Jachnow 1987, 613), не ограничивается описанием взаимодействия языка со средой, потому что понятие среды распространяется и на саму языковую систему, которая является средой для своих элементов разного формата: морфемика — это среда функционирования фонем, лексика — среда функционирования морфем, синтаксис предложения — среда функционирования лексем, синтаксис текста — среда функционирования предложений. Если функционализм, по убеждению Лещака, заключается в

принципиальной относительности бытия объекта, его значимой связанности с другими объектами, его ценностной отнесенности к иным объектам (2000, 247),

то нельзя понять, почему эта «отнесенность» и эта «связанность» не могут реализовываться внутри языковой системы.

Определение функции языковых единиц как их отношения к внеязыковым объектам характерно для многих концепций функциональной лингвистики, например, известной немецкой грамматики В. Шмидта (Schmidt 1969, 272). Порочность данного научного подхода заключается в том, что за пределами функционального анализа ока-

зываются все «неинтенциональные» уровни языка — фонология и частично морфология, поскольку их нельзя однозначно определить в рамках «функционально-опытного отношения к миру и другим людям».

1.5. Функциональный подход в концепции Х. Яхнова

Как пишет Х. Яхнов, понятие функции амбивалентно по отношению к формату языковой единицы — функциональные характеристики принципиально применимы к единицам трех типов (Jachnow 1975):

1. организативным (фонемам, морфемам);
2. номинативным, или репрезентативным (морфемам, лексемам);
3. коммуникативным, или конвентивным (предложениям).

Прагматическая функция (см. выше) — это только одна из ряда языковых функций. Единство языковой системы как раз и обеспечивается тем, что функциональные отношения пронизывают всю систему.

Вслед за К. Гемпелем (Hempel 1965, 303) Яхнов определяет функцию как реализацию (или удовлетворение) внутренних или внешних потребностей системы с учетом имеющихся условий. Ср. близкое по содержанию определение И. П. Ильина, где функция — «такая соотнесенность одного элемента целостной структуры с другим, которая поддерживает существование самой структуры» (1975, 460). Все языковые функции делятся на два типа:

1. элементарные;
2. комплексные (сложные).

Первые относятся к системе языка, а вторые квалифицируются как социализирующие, т.е. присущие языку как части более общего целого, в которое входят также другие семиотические и несемиотические системы. Комплексные функции позволяют реализовать принцип «через информирование — к взаимодействию и координации»:

Язык предлагает возможности сделать знания, открытия, чувства, потребности, намерения предметами интереса и социального взаимодействия — в синхронном и диахронном аспектах. Он обеспечивает, таким образом, формирование, сохранение и развитие социальной личности с ее специфическими и социо-культурными свойствами, другими словами — язык в своем функционировании служит общественному существованию человека (Jachnow 1981, 21).

При классификации элементарных функций учитываются два фактора. Первый касается функциональных контрагентов языковых единиц, которыми могут быть другие языковые единицы — в этом случае речь идет о внутриязыковых функциях, или же внешние объекты — здесь речь идет о внеязыковых функциях (Jachnow 1987, 613). Вторым фактором — это сознательный (преднамеренный) или бессознательный характер функции (*manifeste/latente Funktion*).

Элементарные функции упорядочиваются Яхновым в соответствии с данными двумя параметрами, при этом сначала выделяется общий тип функции, а затем — его частные функции. Система элементарных функций выглядит следующим образом:

1. имманентно-системные функции заключаются в том, что единицы определенного формата составляют подуровень языковой системы, т.е. структурные элементы единиц более высокого и сложноорганизованного уровня;
2. имманентно-перформативные функции присущи элементам, из которых образуются и с помощью которых структурируются сложные, синтагматически организованные коммуникативные (*angestrebte*) единицы;
3. интенциональные функции отражают относительную самодостаточность высказывания, его связь с внеязыковыми потребностями и намерениями пользователей языка. Они состоят в том, чтобы:
  - информировать адресата о положениях дел;
  - управлять поведением коммуникативного партнера;
  - сообщать о личном отношении к описываемым событиям;
  - создавать, поддерживать или прекращать контакт с партнером;
  - передавать партнеру эстетическую информацию;
4. рефлексивные функции имеют сознательный или бессознательный характер и заключаются в передаче фоновой информации: топографической, социальной, культурной и др., которая прямо не связана с интенцией речевого субъекта, ср. оканье как признак севернорусского происхождения;
5. концептуальные функции (*konzeptiv sprachexterne Funktion*) проявляются в отношениях между языком и психикой, в частности, мыслительной деятельностью речевых субъектов: язык и его единицы (слово, предложение, текст) выступают как составные элементы когнитивных процессов (таких, как категоризация, запоминание, принятие решений и др.).

1.6. Функционализм и дистрибутивный анализ

Как отчасти было показано в предыдущих разделах, термин *структурализм* представляет собой некоторую условность — в действительности структурная лингвистика включала в себя не только структурный, но и функциональный анализ (Марков 1982, 8). Упомянутый здесь Ю. Г. Марков пишет, что «в рамках функционального подхода система рассматривается исключительно с позиции ее внешнего аспекта» (ibidem, 14; разрядка моя. — А. К.). Для целого ряда языковых явлений «внешним аспектом» является их поведение в структуре языковых явлений высшего порядка — в рамках системы языка. Прежде всего это относится к единицам фонологического уровня, которые, будучи минимальными, далее неделимыми единицами языковой системы, принципиально не могут быть описаны в структурном аспекте. Выделенные структурной фонологией дифференциальные признаки фонем как раз и являются теми функциональными характеристиками, которые определяются на основе их поведения в среде, т.е. вытекают из их перцептивной и сигнификативной (смыслоразличительной) функций.

В 60-е годы XX века В. Н. Топоров (1987, 231) писал, что для структурной лингвистики характерна заинтересованность не отдельными единицами языка, а их функциями в процессах коммуникации. Это фундаментальное положение лежит также в основе чешской школы функциональной лингвистики:

Никакое структурное исследование, действительно достойное этого имени, не вправе игнорировать функциональный и эволюционный аспекты языка (Данеш/Вахек 1967, 336).

Поэтому А. А. Камалова справедливо указывает на то, что между антропоцентрическим и системоцентрическим подходами к языку имеются переходные зоны, во всяком случае первый никак не исключает второго и наоборот (1998, 16).

Как считает Яхнов (Jachnow 1987, 613), функционализм в европейском языкознании первой половины XX в. распространился именно благодаря структурной лингвистике, в особенности — пражской лингвистической школе, которая считала центральным целевым аспектом языка. Выдающийся представитель структурализма Р. Якобсон, противопоставляя функционально-структурное и традиционное (в том числе историческое) языкознание, писал:

Длительное пренебрежение к исследованию целевого аспекта языка [...] которое все еще живет в некоторых академических кругах, — исторически объясняется укоренившимся страхом перед проблемами, связанными с идеей целенаправленности. Поэтому вопросы генезиса вытеснили вопросы направленности, а поиск предпосылок заменил исследование целей (1965, 374).

К наиболее важным достижениям структурной лингвистики следует отнести не только упомянутую выше фонологию — функциональную теорию звуков, но и теорию функциональной перспективы (актуального членения) предложения, теорию функциональных стилей (в особенности — поэтического языка), теорию функциональной классификации в грамматике, теорию семантического поля и др. (Daneš 1987, 3 ссл.; Davidse 1987, 39 ссл.).

Черты функционализма несет в себе также неоструктурализм второй половины XX века, хотя значительное место занимает в нем дескриптивная лингвистика, в частности, в версии генеративной грамматики Н. Хомского (Wierzbicka 1999, 5). Характерным примером может быть введенный Л. Блумфилдом — еще в первой половине прошлого столетия — дистрибутивный анализ единиц языка, т.е. описание их парадигматических свойств на основе синтагматических (см. Naas 1987, 334 ссл.). В Восточной Европе такой подход стал особенно популярным в 60-е и 70-е годы XX века благодаря исследованиям московской структурной школы.

В основе дистрибутивного подхода лежит идея взаимодействия разных уровней языковой системы, о чем была речь в предыдущем разделе. По утверждению В. С. Храковского (1996, 23), понятие взаимодействия является необходимым условием структурного анализа, на что указывает данное Ф. де Соссюром определение языка как целостной системы, состоящей из элементов, которые по определенным правилам тесно взаимодействуют друг с другом и с окружением.

В соответствии с программным тезисом структурной семантики синтаксические свойства лексем находят отражение в их лексико-семантических признаках, а значит, отнесение двух языковых единиц (не только лексических) к одному семантическому классу возможно благодаря общности их сочетаемости, другими словами — благодаря общности их функционирования.

Было введено понятие совместимости двух словоформ по отношению к общему синтагматическому контексту. Формы существительного считаются совместимыми по отношению к одному и то-

Дистрибутивный критерий Апресяна имеет, однако, и свои недостатки. Во-первых, автор оговаривает, что учитываются только «некаламбурные» контексты, но определение «каламбурности» или «некаламбурности» не всегда представляется очевидным, как и определение правильности/неправильности синтаксических конструкций. Например, вряд ли возможна однозначная оценка следующего предложения (как «некаламбурного»):

? *Лампа и сигарета погасли.*

Во-вторых, при проверке совместной встречаемости двух слов в одном синтагматическом контексте должно сохраняться тождество их синтаксического окружения, а в рассматриваемом примере с глаголом *погаснуть* это не соблюдается: в проверочном предложении появляется новый элемент — обстоятельство *почти одновременно*, которого нет в базовых конструкциях. При устранении обстоятельства приемлемость синтаксической конструкции становится менее очевидной:

? *Дрова в камине и лампы на улице погасли.*

В теории референции (особенно популярной в 70-е и 80-е годы XX века) исследователи отказались от дистрибутивного метода, отдав предпочтение традиционному, скомпрометировавшему себя уже в XIX веке интуитивизму (или индукционизму). Так, была введена категория референции, к которой были отнесены не только указательные, личные и неопределенные местоимения, но также кванторные местоимения типа *все, всегда, никто, нигде, иногда, часто* и даже числительные. Польская исследовательница Р. Гжегорчикова (Grzegorzycyko-wa 1992, 273; 1995, 120 ссл.) считает, что само понятие квантификации избыточно, так как кванторные слова по своей природе являются референтными операторами (актуализаторами). Насколько ошибочно такое представление, позволяет показать именно функционально-дистрибутивный подход (Киклевич 1998, 65 ссл.). Актуализаторы и кванторы находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т.е. совместимы в одном и том же синтаксическом окружении — благодаря тому, что в их содержании закодированы признаки принципиально различных семантических категорий, ср.:

все ее статьи — *ее мои статьи; **все некоторые статьи*
все предшествующие события — **предшествующие последующие события*;
**все некоторые события*

вительностью в рамках целостной семантической структуры высказывания. При этом эвристическим критерием объединения единиц в одну семантическую категорию считается с у б с т и т у ц и я :

X и Y принадлежат к одной и той же семантической категории языка A тогда и только тогда, когда при замене X на Y (или обратной) в каждом осмысленном выражении языка A это выражение остается осмысленным (1990, 7 сл.).

Критерий субституции является, однако, недостаточным, потому что сама замена единиц в одной и той же позиции на уровне синтаксиса не означает их принадлежности к одной и той же семантической категории, ср.:

новый дом
этот дом
каждый дом

Несмотря на субституцию лексемы *новый*, *этот*, *каждый* относятся к разным семантическим категориям: прилагательное *новый* является включенным пропозициональным предикатом (ср. парафразу *Дом — новый*); указательное местоимение *этот* является показателем детерминативной функции именной группы — передает значение определенности; обобщающее местоимение *каждый* является квантификатором — означает полный объем заданного, известного множества домов (с точки зрения некоторого признака, который потенциально приписывается этому множеству).

1.7. Принцип континуальности языковой системы

Сильной стороной структурализма является описание функционального взаимодействия между отдельными уровнями языковой системы. Л. Блумфилд, основатель дистрибутивного метода в лингвистике, подчеркивал, что «каждая лексическая форма закрепляется всегда за обычными формальными классами» (1968, 293). Например, структурные отношения единиц лексического уровня устанавливались на основе их функционально-синтаксических признаков — синтаксических функций и принадлежности к тому или иному типу сочетаемости, поэтому в дистрибутивно-статистических исследованиях середины XX века можно найти предпосылки возникновения современной функциональной грамматики.

па, где описание лексического значения сопровождается информацией о синтаксической сочетаемости слова. Например, в одном из лучших словарей подобного типа — «Генеративно-синтаксическом словаре польских глаголов» (под редакцией К. Полянского), даются сведения о лексико-семантических категориях существительных в конструкциях с тем или иным глаголом. Так, в выражениях с глаголом *wybaczyc* ‘простить’ обязательны три синтаксемы: существительное в именительном падеже, обладающее селективным признаком личности; существительное в винительном падеже с селективным признаком абстрактности; существительное в дательном падеже — также с селективным признаком личности. В словаре эти признаки представляются следующим образом (Polański 1992):

WYBACZYĆ

NP_{Nom} → [+Hum]

NP_{Acc} → [+Abstr]

NP_{Dat} → [+Hum]

Maciej nigdy nie wybaczył ojcu krzywdy, którą wyrządził matce — Матвей никогда не простил отцу обиды, которую тот нанес матери; *Zofia wybaczyła mężowi zdradę, ale od tego czasu stała się jakaś inna* — Софья простила мужу измену, но с этого времени изменилась; *Czy Michał wybaczy mi kiedykolwiek tę nielojalność* — Простит ли мне когда-нибудь Михаил эту нелояльность?

В области синтаксиса структуралисты построили теорию функциональной перспективы (актуального членения) высказывания. С функциональной точки зрения рассматривалась и грамматическая классификация предложений. Так, Б. М. Гаспаров, который предложил дедуктивную систему синтаксических моделей в русском языке, квалифицировал ее как функциональную модель: «Каждое характеризуется с точки зрения его формального включения в текст» (1970, 75).

2. Функция — понятие лингвистическое

Как говорил Витгенштейн, если какая-то часть машины не работает, она не является частью машины.

Александр Генис

«Язык рождается не только тогда, когда человек говорит, на его губах, но — когда он мыслит. Язык — это мысль человека», — писал Виктор Шкловский. Такое антропологическое толкование языка предполагает функциональный характер его описания, ведь язык сам по себе выступает как функция, которая устанавливает связь между человеком и миром, человеком и обществом. Вместе с тем отразить язык с функциональной точки зрения в единой научной модели оказывается довольно сложной и трудоемкой задачей, потому что функциональные отношения пронизывают всю систему языка — ее парадигматику и синтагматику, межуровневые взаимодействия, а также разнообразные сферы реализации языка. Именно этим и объясняется то, что целостной функциональной модели языка пока нет. Но предварительная, и притом активная работа в этом направлении ведется. Поэтому с самого начала в данном исследовании необходимо заняться систематизацией той обширной информации (лингвистической, логической, философской и др.), которая касается понятия «функция» и классификации функций языка.

2.1. Понятие функции. Отношение — функция — значение

При обзоре работ по функциональной лингвистике бросается в глаза противоречие: несмотря на многообразие рассматриваемых языковых и речевых функций, теоретический интерес к самому понятию функции весьма незначителен, а в большинстве случаев сколько-нибудь строгое определение функции отсутствует. Показательный пример — обстоятельная статья Н. А. Слюсаревой (1979), в которой применительно к описанию естественного языка обсуждаются (преимущественно с критической точки зрения) различные философские трактовки понятия «функция», но само это понятие в работе не определяется.

Такое положение можно объяснить тем, что «функция» зачастую рассматривается в лингвистике как общеизвестное, элементар-

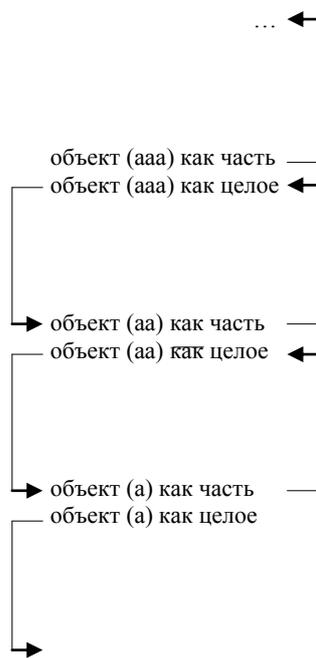

мнению, во многом зависит от степени предполагаемого незнания слушателя (1985, 47).

Но не вступаем ли мы здесь в противоречие с определением системы, которая, как известно, представляет собой упорядоченное множество? Чтобы объяснить это противоречие, как раз и следует обратиться к парадоксу целостности. Целое, как уже отмечалось, определяется через части, а части — через целое. Чтобы выйти из этого порочного круга, надо учесть иерархическую структуру универсума (Карпов 1992, 43): целое по отношению к своим частям является частью по отношению к целому большего масштаба (см. рис. 12).

РИСУНОК 4. ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛОГО И ЧАСТИ

Поэтому функционирование объекта, с одной стороны, обусловлено его внутренней структурой, а с другой стороны — структурой более сложного объекта, в состав которого он входит на правах одного из элементов. Во втором случае принято говорить о том, что поведение объекта зависит от среды.

опытный, советую...) или косвенные. Последние обстоятельно описаны в монографии польского исследователя Я. Василевского (Wasilewski 2006, 125 ссл.). К примеру, отмечается, что высокая степень вежливости считается признаком низшего статуса, а разговор «на повышенных тонах» — признаком конфликта.

В соответствии с теорией американского антрополога Дж. Миллера (Miller 2004, 395 ссл.) социативная функция языка была одним из важнейших факторов его эволюции. Миллер видит непосредственную связь между выбором сексуального партнера и его социальным статусом, который в определенной степени — особенно в малых группах — обусловлен характером вербального поведения, а именно — таким его аспектом, как элоквенция. Ссылаясь Р. Барлинга (Burling 1986), Миллер пишет, что чрезмерно усложненный синтаксис письменных текстов эпохи барокко можно объяснить социо-культурной ролью риторов-мужчин, для которых красноречие и напыщенность языковых выражений были средством достижения высокого социального положения и, в частности, привилегий в сфере биологического размножения.

Наблюдения английского антрополога Р. Данбара (Dunbar 1996) показывают, что в отличие от обыденных разговоров женщин, в которых доминирует установка на социальный контакт, разговоры мужчин в значительной степени подчинены автопрезентации (авторекламе): в присутствии представительниц прекрасного пола мужчины регулярно переключаются на темы, связанные с политикой, культурой или наукой, что можно объяснить их стремлением к повышению своего социального статуса — тенденцией, в основе которой, по мнению исследователя, лежат эротические мотивы.

Проявлением этой тенденции, убежден Миллер, является избыточность словарного состава языка: лексическое богатство речи (необоснованное с точки зрения практического использования языка) во всех культурах традиционно оценивается положительно, тем самым обеспечивает позицию фаворита (*ibidem*, 416 ссл.).

Социативная функция имеет две разновидности. В первом случае манифестируется интеграция участников коммуникативной ситуации, их стремление к созданию сообщества, к кооперативной деятельности (Grabias 1997, 135). Подобные ситуации наблюдаются, например, при перекодировке, когда выбирается оптимальный код, наиболее подходящий для данного состава коммуникантов. Так, часть населения северной Польши в официальных контактах использует польский язык, а в «домашней» коммуникации переходит на кашуб-

ский, который выполняет характерную социативную функцию — создает атмосферу семейных, интимных отношений.

Диссоциативная функция реализуется, например, при нарушении языковых запретов — говорящий таким образом выражает свой протест по отношению к общепринятым нормам культуры, а косвенно — конфликт с социальным окружением. Такой характер имело широкое употребление инвективных выражений в текстах Александра Пушкина и его окружения в первой половине XIX века — оно воспринималось как знак антироссийской, проевропейской культурной ориентации.

В массовой коммуникации, например, в журналистике, выбор языка может иметь политическое значение, а именно — выступать как орудие политической борьбы. Такое, дезинтеграционное содержание приобрело разделение сербско-хорватского языка на сербский и хорватский в 90-х годах XX века (Spagińska-Pruszk 2005, 26 i n.). Подобное явление наблюдается и в современной Белоруссии, где оппозиционные СМИ употребляют альтернативную по отношению к официальной литературную норму белорусского языка, которая в значительной степени опирается на архаизмы и элементы, заимствованные из польского языка.

Другой пример коммуникативно значимого выбора языка находим в «Братьях Карамазовых» Федора Достоевского. В сцене в Мокром участвуют поляки — «паны» Муссялович и Врублевский. Хотя Муссялович неплохо владеет русским языком («Говорил же прежде по-русски, неужели забыл в пять лет!» — реплика Грушеньки), он, однако, употребляет в речи много польских выражений, например:

*Пани, я ниц не мувен против, ниц не поведзяем.
Можешь на то раховаць.
Ежели позволит моя крулева...*

С точки зрения Достоевского, мы имеем здесь дело с намеренной коммуникативной стратегией — выражением высокомерного отношения к окружающим. Вот характерный эпизод на суде:

Те (Муссялович и Врублевский. — А. К.) явились гордо и независимо [...] Пан Муссялович вставлял страшно много польских слов в свои фразы и видя, что это только возвышает его в глазах председателя и прокурора, возвысил свой дух окончательно и стал уже совсем говорить по-польски (разрядка моя. — А. К.).

3.2.6. Прагматическая функция

Прагматическая (коммуникативная, импрессивная, аппелятивная, перформативная, иллокутивная и т.д.) функция проявляется в стремлении речевого субъекта влиять на социальные отношения, в частности, на поведение коммуникативных партнеров с помощью речевых сообщений. Это воздействие касается как физических, так и психических, а также речевых действий и состояний адресатов, ср.:

Подойди поближе!
Успокойся!
Замолчи!

Во многих философских и лингвистических концепциях именно эта — коммуникативная, функция языка считается главной. Ср. афористическое утверждение Х. Ортеги-и-Гассета, что когда мы говорим, мы находимся в обществе, а когда мы думаем, мы одиноки.

В теории польского философа Т. Скальского (Skalski 2002) прагматическая функция (которую Скальский квалифицирует как медиальную) противопоставлена семантической (номинативной): в средствах массовой коммуникации в последние десятилетия в центре внимания все чаще находится не передача информации, а конечный эффект воздействия на массового потребителя. Именно с этой целью, как считает Скальский, современная культура, главным образом, сосредоточилась на выработке специализированного риторического языка, подчиненного исключительно задачам коммуникативного воздействия, в котором семантические и логические критерии отводятся на второй план.

Прагматическая функция имеет несколько разновидностей. Ее первой разновидностью — иллокутивной, или перформативной, субфункцией занимается прагмалингвистика, а прежде всего — созданная в 60-е годы XX века Дж. Остином теория речевых актов.

Чрезвычайно важен культурный аспект иллокутивной функции. Так, исследователи обратили внимание на то, что речевые стили женщин и мужчин различаются, помимо прочего, регулярностью тех или иных типов речевых актов: мужчины чаще употребляют директивы, тогда для женского стиля общения более характерны косвенные речевые акты, неопределенные, аппроксимативные выражения и т.п. (Necki 2000, 226 ссл.; Kluba 2004, 262).

Следующий факт представляет собой пример этнокультурной маркированной реализации прагматической функции. Нельсон Ман-

дела, первый «черный» президент ЮАР, в своей автобиографической книге вспоминает, что в детстве, наблюдая за поведением детей в «белых» семьях, был поражен количеством вопросов, которые дети задавали родителям. В негритянских семьях, напротив, излишнее любопытство не поощрялось, задавать взрослым вопросы было не принято, а знания, как пишет Мандела, приобретались, главным образом, путем непосредственных наблюдений.

Кроме целенаправленных, интенциональных речевых действий в коммуникативной практике широко распространены также *реактивные*, т.е. конвенциональные, ритуальные, речевые акты, например, большинство пословиц и поговорок. Ср. один из характерных примеров:

Так прошли недели её (Маши. — А. К.) замужества, похожего на суровое заключение в тюрьме, но она не сдавалась...

— *Никитка, гляди, утоплюсь!* — пригрозила Маша.

— *Баба с возу — кобыле легче!* — ответил Никита. — *Кабы я тебя из воды не волок, и давно бы женился на доброй девице, детей нарожал, да покой бы ведал! Повдовею — женюсь* (С. Злобин).

Фразеологизм *Баба с возу — кобыле легче* появляется здесь на фоне реплики *Гляди, утоплюсь!* и выражает реакцию Никиты на угрозу Маши, а именно — его безразличное отношение к поведению жены. Трудно было бы представить себе коммуникативную ситуацию, в которой рассматриваемый фразеологизм выступал бы в инициальной позиции, т.е. в качестве темы интеракции.

К реактивным речевым действиям следует отнести и реализацию «стереотипных реплик в стандартных ситуациях», о которых пишет Б. Ю. Норман (1988), речь идет, например, о народных приметах типа:

Соль рассыпать — к ссоре.

Красный закат — завтра будет день хороший.

Посуда бьется — к счастью.

Зеркало разбить — к несчастью.

Данным аспектом коммуникативного функционирования языка занимается новая научная дисциплина — диспозиционная прагматика (Kiklewicz 2007с, 111 ссл.; см. также: Nuyts 1997).

Наконец, третья сфера прагматической функции языка представлена *фатическим* общением, цель которого состоит в поддержании или сохранении социального контакта коммуникантов (О. С. Ах-

Ср. характерный пример — стихотворение Даниила Хармса с симптоматичным названием «Неизвестной Наташе»:

*Скрепив очки простой веревкой, седой старик читает книгу.
Горит свеча и мглистый воздух в страницах ветром шелестит.
Старик, вздыхая, гладит волос и хлеба черствую ковригу
Грызет зубов былых остатком и громко челюстью хрустит.*

*Уже заря снимает звезды и фонари на Невском тушит,
Уже кондукторша в трамвае бранится с пьяным в пятый раз,
Уже проснулся Невский кашель и старика за горло душит,
А я пишу стихи Наташе и не смыкаю светлых глаз.*

3.2.7. Стилистическая функция

Речевая коммуникация по своей природе имеет социо- и идиосинкратический характер, т.е. всегда зависит от внешних условий взаимодействия партнеров. В зависимости от типа дискурса языковая система реализуется в том или ином ее варианте. В силу объективности этой взаимосвязи языковые формы прямо или косвенно информируют нас о категории коммуникативной ситуации, в которой они задействованы как носители сообщений. В этом и заключается сущность стилистической функции языка.

Стилистическая маркированность касается единиц разных уровней языка — фонем, морфем, лексем, предложений, ср. реализацию разговорного стиля фонетическими средствами:

Я, Лидья Якольна, нахал! (Н. Заболоцкий).
Силового жонглера Рюмина в цирке звали «Ваще́та». Так он произносил мусорное словечко «вообще-то», вставляя его в свою речь кстати и некстати (В. Ливанов).
Бу сделано (В. Астафьев).
Палосич (‘Павел Иосифович’) (М. Булгаков).
Хватит всяких лирических излияний! (Вал. Попов).
Зато на Глеб Успенского — пивная,
Там тоже можно время провести (Д. Самойлов).
— *Борь, может не надо, — робко вмешалась жена* («Литературная Россия». 8 II 1985).

В лексике существуют целые прагматические парадигмы имен, различающихся своей стилистической маркированностью, ср. подобную парадигму русских имен собственных:

Николай Федорович Головки
Николай Федорович
Николай Головки
Федорович
Головки
Николай
Коля Головки
Коля
Колян
Колька
Колька Головки и т.д.

Стилистическая вариативность в лексике проявляется также в том, что в специализированных сферах общения появляются условные номинации, т.е. своего рода шифр, понятный людям узкого круга (на принадлежность к которому и указывают специальные номинации), например:

Я попросил вернуть мне бумаги, но мне отказали:
 — *Нельзя.*
 — *Почему? У меня же есть допуск.*
 — *У вас простой. А здесь «Ольга Павловна» (Особая папка) (Г. Даниеля).*

На уровне простого предложения стилистически различаются, например, этикетные реплики. Т. Г. Михальчук выделила в произведениях Василия Шукшина разные языковые формы прощания (2005, 391):

До свидания!
Счастливо!
Будь здоров!
Давай!

Только первая реплика является стилистически нейтральной, а все остальные маркированы — указывают на разговорный, фамильярный характер речевой ситуации. Ср. другой пример стилистической маркированности синтаксических единиц:

Появление Бабичева развеселило публику. Его приняли за конференсье. Он был слишком свеж, умышлен, театрален по внешности.
 — *Толстый! Вот так толстый!* — *восхитился в толпе один.*
 — *Браво!* — *заорали в разных местах.*
 Но — «слово предоставляется товарищу Бабичеву» — *сказали из президиума; и от смешливости не осталось следа (Ю. Олеша).*

Другой подобный пример — из газетной статьи:

Это к вопросу о том, что население бежит от политики как черт от лада-на и на фиг ему не нужны никакие дискуссии на политические темы («Известия». 3 VI 2006).

Этот же прием использует Михаил Задорнов в рассказе «Записки охотника за кирпичами»: здесь в нетипичном стилистическом контексте, а именно — в сфере частной корреспонденции, выступает безличное предложение *Смеркалось* — характерный элемент стиля художественной прозы, особенно XIX века:

Несмотря на то, что я пересказываю письмо своими словами, одно слово автора (письма. — А. К.) не могу не сохранить без изменения. Вспоминая в самом начале тот предреанимационный вечер, он написал: «Смеркалось». Все-таки в русском человеке всегда теплится ностальгия по поэзии, писательству. От такого вступления у меня создалось впечатление, что сейчас я буду читать Тургенева. Этикие «Записки охотника за кирпичами».

Итак... Смеркалось! Бедолага забрался на шестой этаж. Нагрузил кирпичами бочку. Естественно, нагрузил максимально, чтобы уложиться в минимальное число спусков. И, естественно, перегрузил. [...] Спустился вниз. Помните? Смеркалось! Для страховки (чтобы бочка не выскользнула) привязал трос к правой руке и отвязал его конец от коряги. [...] Первая строка последнего абзаца повергла меня в гомерические слезы: «Не знаю, сколько времени я пролежал без сознания, но когда очнулся, уже не смеркалось. Взошла луна!»

3.2.8. Этологическая функция

Этологическая (другими словами — эргономическая, эвристическая) функция языка наиболее редко обсуждается в лингвистической литературе, большинство исследователей ее вообще не замечает и не выделяет. В терминологии Б. Шеффера ей соответствует аппликативная функция (Schaeffer 2001, 401), а в теории М. А. К. Хэллидэя — текстовая функция. Подобную функцию выделяет Я. Наутс, у него это — органическая функция (*die organische Funktion*), состоящая в способе реализации прагматической функции (Nuys 1997, 53). А. А. Леонтьев писал о диакритической функции, заключающейся «в возможности употребления речи для корректировки или дополнения той или иной речевой ситуации» (1969, 38).

Сущность этологической функции языка состоит в том, что благодаря речевой деятельности говорящий организует дискурс, оптимизирует собственное поведение.

На уровне гипердискурса (т.е. таких категорий, как «общество», «государство», «партия», «фирма» и т.п.) язык играет роль фундаментального организатора деятельности общественных институтов — как в сфере внешней коммуникации, охватываемой понятием маркетинга (Szymoniuk 2006, 16), так и в сфере внутренней коммуникации, т.е. внутри группы. Этологическая функция языка выступает в этом случае как институциональная.

В интерперсональных дискурсах частным случаем реализации этологической функции является употребление рекреационных операторов, т.е. вспомогательных языковых выражений, облегчающих решение говорящим определенных психологических или практических задач (Б. Ю. Норман называет это явление хезитацией, см. 1994, 192). Таковы, например, вводные слова и выражения:

*видите ли...
так сказать
вот
как говорится*

Подобную функцию в тексте «Мертвых душ» Гоголя выполняет выражение *судырь (ты) мой*, часто повторяемое в речи почмейстера, ср.:

— *Это, господа, судырь мой, не кто другой, как капитан Копейкин! [...]*
После кампании двенадцатого года, судырь ты мой, — так начал почтмейстер, несмотря на то что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро, — после кампании двенадцатого года вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. [...]
Вот мой капитан Копейкин решил отправиться, судырь мой, в Петербург, чтобы просить государя, не будет ли какой монаршей милости [...]
Словом, судырь мой, дотащился он кое-как до Петербурга. [...]

Примером реализации этологической функции могут быть разного рода вспомогательные речевые действия, которые носят бессознательный, неинтенциональный характер. Например, человек, однажды неправильно набравший номер телефона, при повтором наборе начинает его проговаривать. Подобная ситуация наблюдается в детском возрасте, когда при решении сложных практических задач ребенок прибегает к проговариванию, что было описано Л. С. Выготским (1984, 23).

К области этологической функции языка следует отнести и явление, известное под названием *эхолалии* — многократного повторения одних и тех же реплик с целью их закрепления в памяти. Чаще всего эхोलалия выступает в детской речи — таким образом

усваивается структура языка. Речевая деятельность при этом носит эгоцентрический характер и подтверждает теорию Ж. Пиаже (1994, 18), согласно данным которого в поведении детей социально ориентированные речевые акты составляют не более 13-14 %.

3.2.9. Когнитивная функция

Когнитивная (или познавательная, аккумулятивная, гностическая) функция языка заключается в том, что в форме и структуре языковых единиц и языковых категорий хранится информация о мире, тем самым благодаря знанию языка его носители получают доступ к конвенциональной, выработанной данной культурной традицией картине мира, т.е. системе концептов и стереотипов, относящихся к окружающим предметам, действиям, состояниям, событиям, свойствам и процессам. Значительная часть когнитивной информации, хранимой в долгосрочной памяти человека, получена посредством языковой деятельности, что афористически отразил Максимилиан Волошин:

Не видим лиц и верим именам.

В системе языка когнитивную функцию наиболее полноценно выражают единицы лексического уровня — лексемы и фразеологизмы. Каждая новая, усвоенная лексическая единица означает квант информации о мире.

Ролью языка в познавательных процессах занимается когнитивная лингвистика, а также лингвокультурология. В первом случае внимание уделяется, главным образом, процессам категоризации, т.е. концептуализации эмпирических данных с помощью языковых знаков (Johnson 1987). Во втором случае лингвистов интересуют стереотипные — в рамках определенного культурного сообщества — представления о явлениях окружающего мира, отраженные в системе языка.

В основе когнитивных исследований лежит обоснованный в русле психологического языкознания XIX века тезис о мотивационной природе языка, т.е. обусловленности его внутренней структуры психическими процессами, происходящими в сознании и подсознании языковых субъектов. Во второй половине XX века, как пишет В. З. Демьянков (1994, 21), в мировом языкознании произошла «когнитивная революция», сущность которой состоит в распространении интерпретативного подхода к описанию знаковых систем (см. также: Tabakowska 2001, 30).

3.2.10. Креативная функция

Креативная функция языка реализуется в силу действующего в каждой культуре языкового детерминизма, т.е. воздействия структуры языка, в первую очередь его лексических категорий (которые Э. Сепир называл «концептуальными»), на познание и поведение языковых субъектов. Тезис о языковом детерминизме (другими словами — глоттоцентризме) был выдвинут в XVIII веке немецким ученым Й. Г. Гердером (позднее к этой идее возвращались другие ученые: В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Л. Вайсгербер, А. Р. Лурия и др.), хотя значительно раньше — еще в X веке, идея языковой относительности обсуждалась в арабской философии, в частности, в труде Абу Хайяна-ат-Таухиди «Книга услады и развлечения» (1988). По словам Гердера, язык определяет границы и сферу всего человеческого познания (см. Heinz 1978, 108). В одной из современных версий тезиса Гердера, а именно — в концепции П. Либермана (Lieberman 1993; см. также: Vanich 2003), язык рассматривается как важнейший фактор прогресса в сфере морали.

В середине и во второй половине прошлого столетия широкую известность получила лингво-культурологическая теория Э. Сепира. Признавая естественную связь между языком и мышлением, языком и культурой (его слова: «Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же» — 1993, 193), выдающийся американский лингвист в то же время подчеркивал, что эти понятия отождествлять нельзя. Мышление Сепир трактовал как

наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью [...] Язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения (ibidem, 36).

Парадоксально, но в работах Сепира, который считается одним из родоначальников лингво-культурологического направления в XX веке, чаще встречаются высказывания, критикующие антропологический абсолютизм в языкознании, весьма распространенный в первой половине прошлого столетия как в США, так и в Европе. Например, в таком критическом духе целиком написана статья «Язык и среда» (1993, 270 ссл.), которая начинается так:

В настоящее время наблюдается отчетливая тенденция объяснять многие явления человеческой цивилизации как результат воздействия окружающей среды, в которой эта цивилизация существует. Есть даже и совершенно крайняя точка зрения, сводящая все проявления человеческой жизни или мысли к влиянию среды [...] Мне представляется, однако, что думать, будто бы любая особенность человеческой культуры может быть сведена к тому или иному физическому фактору окружающей среды, означает основываться на заведомо ложной предпосылке (1993, 270).

Сепир, конечно, имел в виду и неправомерность механической интерпретации фактов языка с точки зрения внешней по отношению к языку физической, психической или социальной среды его бытования. Ученый признавал, что «язык подвергается материальному воздействию факторов, связанных с условиями существования его носителей» (ibidem, 271), но рассматривал это явление, главным образом, по отношению к лексике:

Полный словарь того или иного языка [...] можно рассматривать как комплексный инвентарь всех идей, интересов и занятий, привлекающих внимание данного общества; окажись в нашем распоряжении таковой полный тезаурус языка какого-нибудь племени, мы могли бы составить себе достаточно точное представление о физической среде и основных особенностях культуры людей, говорящих на этом языке (ibidem, 272; см. также: 193 ссл.).

В то же время Сепир писал, что вне словаря (т.е. вне содержательной стороны языка) влияние среды на язык практически не ощущается, например, не существует непосредственной связи между физической средой и фонетической системой языка (ibidem, 277), подобно тому, как независимо от физической среды формируется и функционирует грамматическая система языка (ibidem, 278 ссл.). Из наблюдений Сепира над структурой современных языков следует вывод:

Если бы можно было показать, что у культуры, независимо от ее реального состава, есть присущая ей врожденная форма, ряд определенных контуров, мы имели бы в культуре нечто, могущее послужить в качестве основания сравнения с языком и, пожалуй, средства связи с ним. Но покуда нами не обнаружены и не выделены такие чисто формальные стороны культуры, лучше будет, если мы признаем развитие языка и развитие культуры несопоставимыми, взаимно не связанными процессами (ibidem, 193; разрядка моя. — А. К.).

[...] Кроме отражения реалий среды в словаре, в самом языке не существует ничего такого, что можно было бы поставить в зависимость от [...] реалий (ibidem, 281).

Впрочем, Сепир также обращал внимание на зависимость отношений между языком и культурой от типа культуры, а также от стадии развития цивилизации. На ранних этапах развития человечества степень влияния среды на язык была довольно высокой: грамматические структуры формировались на базе типов практической и мыслительной деятельности. «На протяжении значительного временного отрезка, — писал Сепир, — язык и культура находились в состоянии прямой взаимосвязи и взаимодействия» (ibidem, 282). Однако с течением времени в культуре происходят значительные изменения, тогда как язык в большой степени сохраняет традиционные формы и структуры.

Из этого с необходимостью следует, что формы языка с течением времени перестают выполнять функцию символов для соответствующих форм культуры, в этом и заключается основная мысль данной статьи. Другое следствие состоит в том, что формы языка более адекватно отражают состояние прошлых стадий культуры, нежели ее современное состояние. Я не утверждаю тем самым, что на определенном этапе развития язык и культура оказываются совершенно не связанными друг с другом, просто скорости их изменения различаются столь значительно, что обнаружить эту взаимосвязь становится почти невозможно (ibidem, 283; разрядка моя. — А. К.).

Креативная функция языка проявляется, в частности, в лексикализации грамматических значений, например, в явлении персонификации значений грамматической категории рода (Успенский 1971). В качестве примеров можно привести женский образ смерти в русской народной мифологии, основанный грамматическом значении женского рода существительного *смерть*, или мужской образ смерти в немецкой мифологии — в немецком языке существительное *der Tod* мужского рода.

Существительное *Kunst* в немецком языке, напротив, женского рода, поэтому нет ничего удивительного, что на картине *Die freien Künste* («Свободные искусства»), которую видят посетители виллы Хюгель семьи Круппов в Эссене, искусства представлены образами прекрасных женщин. Впрочем, эта традиция в изобразительном искусстве имеет античный источник, ведь и в латыни существительное *ars* ‘искусство’ — женского рода.

Влиянием грамматической категории рода можно объяснить название известной книги Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», а также строки из стихотворения Булата Окуджавы:

*Любили женщину одну —
Она звалась Победа.*

Переводчик с русского языка на польский встретился бы в этом случае с трудностью: дело в том, что в польском языке существительное *zwycięstwo* ‘победа’ среднего рода, а значит, буквальный перевод стихотворения не передаст символического смысла оригинала — олицетворения победы, ср.:

*Kochaliśmy jedną kobietę —
Nazywała się Zwycięstwo.*

Другим интересным примером такого рода является функционирование в разных европейских языках существительного *звезда*. В русском и в польском языке оно относится к словам женского рода, в немецком языке (*der Stern*) — к словам мужского рода. Неслучайно в русском языке (особенно в поэтических текстах) *звезда* выступает символом любимой женщины. Такая символика присутствует, например, в стихотворении Иннокентия Анненского «Среди миров»:

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.*

*И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с ней не надо света.*

В немецком языке существительное *Stern* имеет несколько иную символику: в немецкой поэзии XVII-XIX веков оно, главным образом, символизировало женщину как объект любовных переживаний, но в XX веке выражение

Du bist mein Stern

превратилось в топик женской поэзии и больше ассоциируется с мужчиной. Ср. стихотворение современной австрийской поэтессы Хильдегранд Майке Опаски:

*Du bist Grenze mir
und bist Überschreitung dieser
Du bist Ferne
und bist Näherrücken
Es ist schwer zu leben
ohne dich
Aber so leicht,
Dich zu lieben,
denn ich hab einen Stern
den ich hüte
über alle Grenzen und Fernen hinweg —
DICH*

В польском языке реже, чем в русском, существительное *gwiazda* ‘звезда’ выступает с эротической символикой — видимо, под влиянием религиозной традиции (о символике звезды в христианском богословии см.: Леон-Дюфура 1974, 996).

3.2.11. Конститутивная функция

Конститутивная функция реализуется по отношению к языковым ситуациям и означает статус языка в социальной структуре общества, в частности — его административный статус. В социолингвистике языковая ситуация понимается как

совокупность форм существования одного языка или совокупность нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии в пределах определенных территорий: регионов или административно-политических образований (Вахтин/Головки 2004, 47).

Так, в бывшей Югославии (СФРЮ) сербско-хорватский язык имел статус одного из государственных языков (кроме словенского и македонского), а также употреблялся в речи на территории четырех республик: в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также в Черногории (Spagińska-Pruszk 2005, 10). После политических событий 80-х и 90-х годов прошлого столетия стали формироваться две независимые литературные нормы — сербская и хорватская; сфера функционирования этих языков сузилась и теперь они обладают преимущественно моноэтническим статусом.

В зависимости от социо-культурно ранга, а также от спектра функционирования этнические языки обладают разными конститутивными свойствами. С учетом этих свойств можно представить несколько оппозиций языковых систем (см. Мечковская 2001, 130 ссл.):

1. кодифицированные (письменные) — некодифицированные (устные);
2. интердиалектные — диалектные;
3. литературные — нелитературные (в работе: Obi 1996, — рассматривается конститутивная функция языка в африканских литературах);
4. полиэтнические (употребляемые несколькими народами) — моноэтнические;
5. государственные (официальные, конституционные, национальные) — негосударственные (местные, региональные, языки национальных меньшинств);
6. документные (языки, на которые в официальном порядке переводятся резолюции Государственной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН) — полудокументные;
7. пророческие (профетические, сакральные, апостольские, например: ведийский, древнееврейский, древнегреческий, классический арабский, веньянь и др.) — непророческие (народные, vernaculae);
8. язык как вспомогательное средство при обучении другому языку — язык, на котором ведется преподавание — язык как учебный предмет.

3.2.12. Интерлингвистическая функция

Интерлингвистическая функция состоит в воздействии одной языковой системы на другую (на другие). Можно различать несколько типов обусловленности языковых изменений:

1. контактные — неконтактные;
2. однонаправленные — взаимные;
3. конвергенционные — дивергенционные.

Результатом языковых контактов (в рамках определенного культурно-географического ареала) обычно является интерференция языковых систем — проникновение элементов одного языка в систему другого, и наоборот. В условиях неконтактного взаимодействия интерлингвистическую функцию выполняют языки, имеющие высокий культурный статус, например, классические языки.

Она может иметь декларативное, директивное, императивное, комиссивное, репрезентативное значение и др. (Motsch 1987, 120; Eisenberg 1989, 82; Meyer 1983, 168; Busch 1993, 67; Brinker 1985, 93 и др.). Один из возможных эффектов речевого воздействия — комический, поэтому можно говорить и о комической функции языковых знаков, ведь еще Квинтилиан (поздняя античность) писал о существовании смешного, которое вытекает из «природы слов». Важность этой стороны функционирования языковых единиц в характерной для себя парадоксальной форме подчеркивает Владимир Казаков:

Только прошу без шуток и без других доказательств собственного существования.

Разновидностью прагматической является стилистическая функция — соотнесенность языкового знака с определенным стилем, т.е. типом взаимодействия субъектов, в процессе которого используются соответствующие знаки.

Для отдельных подтипов языковых знаков, а также с учетом конкретных задач того или иного исследования определяются специфические наборы функций, ср. референтную, падежную, модальную и модификационную функции местоимений в работе: Kattein 1984, 14.

С увеличением формата знака увеличивается количество его функций, поэтому уровни языка принято рассматривать как «функциональные единства» (Богушевич 1985, 29). Так, при переходе от слова к предложению и тексту мы обнаруживаем коммуникативную функцию, которая заключается в передаче информации, в том, что в процессе социального взаимодействия высказывание и текст выступают как носители более или менее сложных по содержанию сообщений. Коммуникативная функция номинативных единиц обычно рассматривается в аспекте так называемого актуального членения высказывания, т.е. выделения в его содержании темы — известной, данной информации, и ремы — новой, актуальной информации. Принято считать, что изучение актуального членения высказывания составляет ядро функционального синтаксиса (Kuno 1980, 126 ссл.; Schlobinski 1996, 233).

Наибольшим разнообразием функций характеризуется текст. К. Бринкер, беря за основу типологию речевых актов Дж. Серля (Searle 1979; Серль 1982; 1986), дифференцирует функции текста в зависимости от типа коммуникативного контакта между субъектами, а именно — выделяет следующие функции: 1) информативную,

2) апеллятивную, 3) облигативную, 4) контактивную и 5) декларативную (Brinker 1985, 7 ссл.).

В работе В. Хайнеманна/Д. Вивегера под функцией текста понимается его роль в интеракции (взаимодействии), в реализации социально значимых или индивидуальных намерений и установок субъекта, а также место текста в системе социальных отношений (Heinemann/Viehweger 1991, 149 ссл.). При определении функций текста используется прагматический подход (иногда он трактуется как этологический, см. Аветян 1989, 31): различаются четыре функции текста, в зависимости от того, что в процессе информационного обмена корреспондент должен:

1. реализовать свои психологические потенции — функция самовыражения или психологической разгрузки;
2. установить и поддерживать контакт с партнером — функция контактирования;
3. получить или передать информацию — функция информирования;
4. побудить партнера к определенным действиям — функция управления.

4. Функциональная грамматика

Дарвин был убедителен в силу своего простодушия, можно сказать — тупоумия. Эта детская наивность и прозрачность постепенно уходят из мира науки. Ученые начинают, как говорится, входить во вкус [...] Они все больше склоняются к эстетике, как и все прочие: начинают писать слово «Истина» с заглавной буквы.

Гилберт Кит Честертон

Поскольку грамматика представляет собой наиболее сложноорганизованный раздел языковой системы — тот ее уровень, где во взаимодействии различных факторов формируются коммуникативные единицы, то функциональный подход к изучению грамматических единиц выглядит естественным и очевидным. Грамматический уровень языка включает два субуровня: морфемику (морфологию) и синтаксис. В соответствии с этим делением одни версии функциональной грамматики ориентированы на морфемику, как, к примеру, теория А. В. Бондарко, другие же, например, теория С. Дика, ориентированы на синтаксис.

Под функциональной грамматикой понимается лингвистическая дисциплина, изучающая грамматические формы, значения и категории с точки зрения их коммуникативно-прагматической реализации в речи (Lewandowski 1984, 316; Ehrich 1990, 9). В рамках функциональной грамматики интегрируются синтаксическое, семантическое и прагматическое описание языковых единиц (Peyer 1997, 10).

Основы функциональной грамматики в русском языкознании заложил А. М. Пешковский (2001; первое издание — 1914). Ю. Д. Апресян подчеркивает, что Пешковский исходил из того, что «синтаксические конструкции, как и прочие единицы языка, являются средством выражения значений» (2001, XI). Значительный вклад в развитие функционального направления грамматических исследований внесли Т. П. Ломтев, В. А. Звегинцев, Ю. С. Маслов, А. А. Холодович, В. Н. Ярцева, О. А. Лаптева, В. Г. Гак, Ю. С. Степанов, Т. Б. Алисова, Т. В. Булыгина, Н. Ю. Шведова, В. С. Храковский, Е. В. Падучева, Н. А. Слюсарева, М. И. Откупщикова, П. П. Шуба, Н. Н. Арват, В. З. Санников, И. М. Богуславский и др. В следующих разделах будут рассмотрены наиболее известные теории функциональной грамматики.

4.1. Функциональная грамматика: версия А. В. Бондарко

По определению А. В. Бондарко, главы Санкт-Петербургской лингвистической школы,

функциональная грамматика — это грамматика, а) включающая описание семантических категорий, опирающихся на различные средства грамматического выражения в данном языке в их взаимодействии со средствами лексическими и контекстуальными [...] б) направленная на описание закономерностей и правил функционирования грамматических форм и конструкций, участвующих во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы в передаче содержания высказывания (1983, 32; см. также: 1985, 16).

В центре внимания находится функционирование грамматических единиц, которое понимается как 1) выбор необходимых для передачи смысла высказывания грамматических средств; 2) соотнесение грамматических моделей высказывания (структурных схем) с правилами их лексического наполнения; 3) взаимодействие грамматических единиц с единицами других уровней. Описывая грамматические формы и категории в функциональном аспекте, Бондарко, во-первых, определяет основное значение данной формы, т.е. проводит ее анализ по принципу «от средства к функции»; во-вторых, определяет языковые средства, которые, кроме данного, выражают аналогичную семантику, т.е. проводит анализ по принципу «от функции к средствам»; в-третьих, определяет инвариантные (обязательные) и вариантные (факультативные) семантические признаки.

Основным принципом функциональной грамматики является построение функционально-семантических полей (ФСП):

Функционально-семантическое поле — это двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне (1983, 40).

ФСП — один из возможных типов полевых структур в естественном языке, классификация которых проведена в работе: Sommerfeldt/Starke 1984, 21.

ФСП представляет собой иерархическую систему, включающую три уровня: 1) группировки ФСП; 2) комплексы ФСП и 3) отдельные ФСП. К сожалению, не всегда четко определяется, почему те или

- 1.3. ФСП таксиса (временные отношения между действиями).
2. Комплекс ФСП модально-бытийных отношений.
  - 2.1. ФСП объективной модальности.
  - 2.2. ФСП субъективной модальности.
  - 2.3. ФСП аффирмативности/негативности.
  - 2.4. ФСП повествовательности/вопросительности.
  - 2.5. ФСП бытийности (экзистенциальности).
3. Комплекс ФСП акционально-субъектно-объектных отношений.
  - 3.1. ФСП залоговости.
  - 3.2. ФСП персональности.
  - 3.3. ФСП состояния.

Строгая иерархическая упорядоченность этой системы только кажущаяся, в действительности

взаимные связи и пересечения, касающиеся как отдельных полей в рамках каждой из указанных группировок, так и отношений между группировками, свидетельствуют о сложной многоаспектной системности всего комплекса ФСП (Бондарко 1983, 42).

Оказывается, что далеко не всегда ФСП сопоставимы по уровню обобщенности: в одних случаях они группируются вокруг грамматических (морфологических) категорий, в других — представляют собой «комплексы более частных ФСП». Впрочем, как раз раскрытие системных связей и взаимодействия ФСП, по определению Бондарко, является одной из важнейших задач функциональной грамматики.

Различаются моно- и полицентрические ФСП: ядро первых составляет некоторая фиксированная грамматическая категория, например, вида. Во втором случае имеется несколько грамматических категорий, составляющих ФСП, таково, к примеру, поле количественности, которое опирается на грамматическую категорию числа, а также на грамматический класс числительных, количественно-именные сочетания и др.

Конкретное описание ФСП сводится к двум задачам: 1) описанию инвентаря средств выражения определенного круга смыслов и 2) выявлению структуры поля, т.е. выделению элементов ядра и элементов периферии.

Функциональная грамматика Бондарко строится по принципу асимметрического дуализма С. О. Карцевского: с одной стороны, рассматривается исходная грамматическая категория и множество соответствующих ей в предложении и тексте функций; с дру-

мацией; 2) отсутствием жестко определенных границ; 3) градуально-стью; 4) растяжимостью. Подобно тому, как в функциональной грамматике структура категории включает ядро (центр) и периферию, структура лексического значения в когнитивной лингвистике также является радиальной. Рассмотрим это свойство на примере концепта «мать». Как указывает Дж. Лакофф (Lakoff 1987; см. также: Kardela 1999, 25 ссл.), понятие «мать» складывается из нескольких когнитивных моделей:

1. модели рождения (*birth model*): лицо, которое в состоянии родить ребенка, является матерью;
2. генетической модели: самка, которая передает генетический материал потомству, является его матерью;
3. энергетической и педагогической модели (*the nurturance model*): взрослое лицо женского пола (или самка), которая кормит и воспитывает ребенка, является матерью;
4. супружеской модели: супруга отца является матерью;
5. генеалогической модели: ближайшим предком женского пола является мать.

В ядре радиальной структуры концепта «мать» когнитивные модели пересекаются; именно та интерпретация объекта, которая включает в себя максимальное количество когнитивных моделей, и является ядерной, ср. интерпретацию:

мать = ‘женщина, которая родила ребенка, передала ему половину его генов, вскормила и воспитала его, является супругой его отца и ближайшим предком женского пола’.

С другой стороны, имеются периферийные зоны семантической категории матери, в которых представлены единичные когнитивные модели или небольшие группы моделей. Им соответствуют специальные лексические номинации, например:

мачеха = ‘не родила ребенка, не передала ему своих генов, является женой отца’.

приемная мать = ‘не родила ребенка, не передала ему своих генов, является законным опекуном ребенка, на ней лежит обязанность воспитания ребенка’.

несовершеннолетняя мать = ‘родила ребенка, по причине своего юного возраста не может вступить в брачный союз с отцом ребенка’.

С радиальной структурой естественных категорий непосредственно связана другая их характеристика — отсутствие жестких, строго детерминированных границ. Эта особенность естественного языка проявляется, во-первых, в отсутствии четких контуров лексического зна-

зом, в Западной Европе, хотя нельзя обойти вниманием и серьезную критику этой теории, например, со стороны известного лингвиста Э. Косериу (Coseriu 1987, 180). Функциональная грамматика понимается Диком как общая теория грамматической организации естественных языков. Данная теория языка:

1. основывается на функциональном понимании языка как инструмента социального взаимодействия и межличностной коммуникации;
2. исходит из приоритета прагматики, которая включает в свои рамки семантику и синтаксис;
3. рассматривает семантику как подчиненную прагматике, а синтаксис — как подчиненный семантике, и не допускает какой-либо автономности синтаксиса или семантики;
4. предполагает построение грамматических моделей, которые удовлетворяют требованиям:
  - 4.1. психологической адекватности — модель должна соотноситься с психологическими механизмами переработки информации;
  - 4.2. прагматической адекватности — модель должна лежать в основе общей теории вербального взаимодействия;
  - 4.3. типологической адекватности — модель должна быть применима для описания языков разных типов;
5. строится с применением функциональных и реляционных понятий трех типов:
  - 5.1. семантическая функция — отражает различные роли участников, т.е. обозначаемых членами предложения участников описываемой ситуации (например: агенс, пациенс, реципиент и т.п.);
  - 5.2. синтаксическая функция — отражает разные способы презентации одного и того же события (например: субъект и объект);
  - 5.3. прагматическая функция — отражает ситуативно обусловленное членение передаваемой высказыванием информации (тема — рема);
6. строится путем постулирования (т.е. исходного, априорного определения) базовых предикаций, в основе которых лежат заложенные в лексиконе предикативные образцы;
7. отражает базовые предикации в конкретных языковых выражениях, используя систему правил выражения (манифестации), которая определяет форму и порядок компонентов (конституентов);

реципиент, т.е. одушевленный объект воздействия (субъект восприятия). Формула может быть переведена на естественный язык: 'Некоторый одушевленный предмет, инициатор действия, передает некоторый предмет в распоряжение некоторого одушевленного предмета'. Как видим, предикативная модель указывает на трехместный глагольный предикат, при котором имеются аргументы с семантическими функциями агенса, пациенса и реципиента.

Выбор термов с семантическими функциями агенса и реципиента ограничивается дополнительными селективными правилами, в рассматриваемом случае — семантическим признаком одушевленности (можно уточнить, что для агенса актуален также селективный признак антропонимности — субъект акции *давать* при нормальном положении дел является человеком).

Дик подчеркивает, что отправной момент для него — не абстрактная синтаксическая структура, а лексикон, в частности — значение слова, в котором базовые синтаксические структуры уже заложены изначально, т.е. исключается такое (широко распространенное в 70-е годы XX века) понятие, как «лексическое наполнение» структурной схемы предложения.

Порядок следования предикатов и термов в предикативной модели не указывается — он отражается на последующих этапах описания с учетом конвенциональных ограничений (здесь вступают в силу разнообразные ситуативные, культурные и этнознаковые факторы).

Каждая предикативная модель рассматривается как отражение класса конкретных положений дел (событий), например, предикативная модель глагола *давать* соотносится с классом событий, которые характеризуются свойством 'давать'. Типы событий можно дифференцировать по двум параметрам: 1) контроль — один из партнеров определяет ход событий; 2) динамика — событие предусматривает возможное изменение. По этим параметрам и проводится исчисление событий (см. таблицу 14).

ТАБЛИЦА 14. ИСЧИСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ С. ДИКА

		Контроль	
		+	–
Динамика	+	Действия	Процессы
	–	Позиции	Состояния

«Позициями» называются события, которые контролируются одним из участников, но которые не изменяются, например, события, отраженные в выражениях:

оставаться где-либо
сидеть где-либо
стоять где-либо и др.

Определение лексического значения, как считает Дик, должно быть связано с понятием предикативной модели. Дефиниция слова выглядит таким образом, что значение предиката делится на менее сложные по содержанию элементы; пределом такого расщепления слова является выделение элементарных, далее не делимых компонентов.

Предикативная модель отражает не столько действительность, сколько способ ее представления в конкретном языке, поэтому близкие по значению предикаты в разных языках могут соотноситься с разными предикативными моделями. Ср. семантически сходные глаголы: нем. *unterrichten* и англ. *teach*:

*Hans*_{Ag} *unterrichtet* *Physikstudenten*_{Pat} *in* *Mathematik*_{Compl}
*John*_{Ag} *teaches* *mathematics*_{Pat} *to* *physics students*_{Rec}

По своей аргументной структуре английский глагол соответствует русскому *преподавать* (*X преподает Y-у Z*), а немецкий глагол — русскому *обучать* (*X обучает Y-а Z-у*).

Ядерная предикативная модель, состоящая из предикатов и термов, может быть расширена с помощью сателлитов — термов, которые определяют ядерную предикацию как целое. Они именуются также свободными указателями (*free adjuncts*). Ср.:

Вчера Петр купил в магазине своему отцу часы.

В основе данного высказывания лежит предикативная модель:

*ЗАМЕЧАНИЕ: квалификация существительного *ивы* как носителя семантической функции инструмента является спорной.

Формула (49) читается: ‘известный, представленный в одном экземпляре предмет, такой, который является мужчиной, который является богатым и который засадил свой сад ивами’.

В рамках предикативной модели термы, как мы уже видели, различаются своими семантическими функциями. Кроме того им могут также приписываться синтаксические функции, которые отражают характер представления, другими словами — ракурс описываемого в высказывании положения дел. Дик различает две синтаксические функции: субъект и объект. Функция субъекта заключается в указании на исходную позицию терма в рассматриваемой перспективе события, а функция объекта — в указании на второй план этой перспективы. Так, высказывания

Петр прочел книгу
Книга прочтена Петром

имеют одинаковую семантическую структуру, но различаются перспективой события: в первом случае исходным компонентом является *Петр*, а во втором — *книга*. По мнению Дика, семантические функции имеют разную предрасположенность к синтаксическим функциям субъекта и объекта. Так, аргументы с агентивной функцией преимущественно выступают как субъекты, все же остальные тяготеют к объектному употреблению.

Прагматическая функция структурирует высказывание в зависимости от контекста, конситуации и других экстралингвистических факторов. Выделяются четыре типа таких функций: тема, кода, топик, фокус. Тема — это функция конститuentов, которые предшествуют предикации и актуализируют для коммуникантов «область релевантности», внутри которой должно быть интерпретировано содержание предикации, ср. функцию выражения *фильмы Фасбиндера* в высказывании:

Фильмы Фасбинтера, я считаю их интересными.

Кода — это функция, которую выполняют конститuentы, следующие после предикации, например, функция выражения *эти мандарины* в высказывании:

Они немного кислые, эти мандарины.

Т о п и к — это функция конstituентов внутри предикации, которые обозначают предмет сообщения, например, функция выражения *в этой коробке*:

– *Что это за коробка?*

– *В этой коробке я храню свои рукописи.*

Ф о к у с — это функция конstituентов, передающих неизвестную, важную, актуальную информацию, например, функция выражения *на даче*:

– *Где вы, собственно, живете?*

– *Я живу на даче.*

После того, как базовой предикации приписаны синтаксические и прагматические функции, она является полной. Теперь к ней применяются правила манифестации. Они определяют форму и порядок следования конstituентов. Термы выражаются с помощью грамматических значений падежа, предлогов и послелогов. При этом Дик обращает внимание на то, что количество форм обычно меньше, чем количество функций, поэтому выражение функций сопровождается дополнительными условиями.

Для выражения предикативной семантики используются грамматические категории времени, вида, лица, наклонения и др. Следует, однако, отметить, что трактовка грамматики как сферы манифестации семантических функций слишком узкая, потому что грамматические категории слова реализуют также значительное число функций, которые не имеют прямого отношения к предикатно-аргументной структуре высказывания. Так, категория числа существительных характеризует референт термина как множество или как единичный объект; категория вида характеризует действие как результативное или нерезультативное (курсивное) и т.д. Некоторые грамматические категории, как, например, число или падеж прилагательных, носят дистрибутивный характер.

Референтным грамматическим категориям в рамках функциональной теории должна соответствовать отдельная часть плана содержания высказывания, многообразие таких категорий никак нельзя свести только к набору семантических, синтаксических и прагматических функций, как они понимаются Диком. Критикуя ряд положений этой

теории, Э. Косериу отмечает, что семантические функции вообще не могут быть определены без учета синтаксических позиций и соответствующих грамматических (в частности, морфологических) значений (Coseriu 1987, 180 и др.).

4.3. Функциональная грамматика: версия Х. Яхнова

Хотя Х. Яхнов, автор серии фундаментальных работ в области функциональной лингвистики (Jachnow 1976; 1981; 1987 и др.), не представил целостной концепции функциональной грамматики, его исследования заслуживают внимания как пример последовательного применения функционального подхода к типологии грамматических категорий в естественных языках. Так, рассматривая грамматическую категорию падежа в русском языке, Яхнов отталкивается от представления традиционной грамматики, где принято, что падежные окончания определяют отношения словоформы существительного к другим членам предложения. Но при этом в грамматических трудах (автор ссылается на известную грамматику русского языка 1970 г.) приводится такой обширный список функций каждого падежа, что возникает естественный вопрос: соответствует ли всем этим многочисленным функциям какое-либо общее категориальное значение, иначе говоря — общая суперфункция, которая бы отличала один падеж от другого? С этим, отмечает Яхнов, связан вопрос о том, является ли вообще падеж самостоятельной категорией грамматики.

Составляющие грамматическую категорию значения (граммемы) включают два вида признаков: конвергентные (идентичные) и дивергентные. Так, конвергентные признаки граммем в составе категории времени имеют содержание: ‘процесс’, ‘выполнение действия’ и др., а дивергентные — ‘локализация действия во времени’ и др. Требуется, чтобы дивергентные признаки были сопоставимы по содержанию и формату.

В зависимости от функций в коммуникативных процессах Яхнов выделяет три типа языковых единиц (см. 1.5):

1. репрезентативные — единицы с функцией указания на объект;
2. организативные — единицы, функция которых заключается в объединении знаков меньшего формата в знаки большего формата, что позволяет структурно упорядочить сложноорганизованные единицы языка. Вместе с тем организативные

единицы могут указывать также на внешние объекты. Например, в предложении *Hans liebt Maria* — Ганс любит Марию порядок слов выполняет не только структурную, но и номинативную (репрезентивную) функцию: первая линейная позиция существительного *Hans* обозначает субъекта действия/состояния;

3. конвентивные — единицы, которые выполняют коммуникативную «нуль-функцию». Например, в русском сочетании *из Берлина* реализуется правило, согласно которому предлог *из* сопровождается формой существительного в род. пад. Но это правило — чистая условность, конвенция — какой-либо дополнительной семантической информацией его выполнение не сопровождается. При анализе грамматических категорий и сопоставлении граммем нуль-функции обычно не рассматриваются из-за того, что у них нет видимых содержательных признаков.

Для грамматической категории постулируется требование, согласно которому все граммемы и соответствующие им морфологические показатели должны быть изофункциональны и иметь общую референтную область. Это относится, в первую очередь, к категории падежа. Рассмотрим вслед за Яхновым примеры:

Отец пишет вечером.

Ваня отцу сосед.

Христо из Болгарии.

В морфологической структуре существительных *вечером*, *отцу* и *из Болгарии* можно выделить аффиксы: *-ом*, *-у*, *-и*. Окончание *-ом* выступает как репрезентативная единица — она указывает на время осуществления действия. Это значение записывается как [Zeitpunkt ist], т.е. ‘момент времени равняется...’. Окончание *-у* выступает как организативная единица — она указывает на то, что *отец* находится в определенном отношении к *Ване*, содержание этого отношения конкретизируется с помощью словоформы *соседом*. Таким образом, значение морфемы *-у* — ‘быть в некотором отношении к...’. Наконец, окончание *-и* в словоформе *Болгарии* Яхнов считает конвентивным, потому что оно содержательно дублирует уже имеющийся в структуре сочетания предлог *из*.

Таким образом, выясняется, что падежные окончания существительных значительно варьируются и фактически лишены общей семантической функции, тогда как для грамматической категории тре-

буется функциональное единство. Для доказательства гипотезы о том, что падеж не представляет собой единой грамматической категории, Яхнов рассматривает с функциональной точки зрения все падежные значения существительных в русском языке. Покажем это на примере именительного падежа, формам которого приписываются четыре функции (или граммемы):

1. G_1^0 = 'субъект действия'. Это — организативная граммема, которая в зависимости от контекста может выражать также другие семантические функции, например, инструмента, локатива, объектива, ср.:

Танк разрушил орудие.

Голова болит.

Солдат наказан офицером.

2. G_1^r — репрезентативная граммема, которая употребляется, например, в составном сказуемом при функциональном глаголе *быть*. Окончание существительного указывает здесь на то, что названный предикативный признак оценивается как постоянный, фиксированный. В этом значении именительный падеж составляет оппозицию творительному падежу, который обозначает непостоянный, окказиональный признак, ср.:

Юрий был учитель.

Юрий был учителем.

3. G_2^r — вокативное употребление именительного падежа, при котором окончание существительного является репрезентативной единицей, указывая на адресат сообщения, ср.:

Молодой человек, здесь не обслуживаем!

4. G_1^{0+r} — граммема, употребляемая в конструкциях типа:

В лес налетели птицы.

С одной стороны, именительный падеж выражает здесь 'субъект действия', с другой стороны, как пишет Яхнов, выступает как репрезентативная единица, противопоставленная своей номинативной функцией граммеме родительного падежа в конструкциях типа *налетело птиц*.

4.4. Функциональная грамматика: версия М. А. Шелякина

Русский языковед М. А. Шелякин предложил целостную систему функционального описания грамматики языка — морфологии и синтаксиса. Исследователь считает, что функциональное направление в языке вытекает из структурной лингвистики, хотя вносит и свою новизну: «система языка понимается [...] как целое, состоящее из элементов, обладающими определенными функциями в речи человека» (2001, 6).

В основе функционального подхода, в его понимании Шелякиным, лежит ориентация на коммуникативную функцию языка. Функциональная грамматика

ставит перед собой задачу определить функциональный диапазон (потенциал) своих единиц, структур, целых классов и др. в системе языка и речи. [...] Уделяет специальное внимание описанию условий (среды) реализации каждой функции [...] рассматривает каждую функцию в единстве со спецификой ее знакового носителя (*ibidem*).

Шелякин кроме того подчеркивает важность таких задач функциональной грамматики, как установление связи разных функций в языке и речи, а также выделение «однородных типов функций, в пределах которых фиксируется их дифференциация».

Различаются две версии функционального подхода в современной теории грамматики. Первый подход Шелякин квалифицирует как ономаσιологический (идеологический, идеографический): он основывается на изучении грамматики и языковой системы в целом по принципу «содержание (мысль, смысл) — средства выражения» (*ibidem*, 7), как, например, в лингвистической концепции А. В. Бондарко (см. раздел 4.1).

Данная стратегия функционального изучения грамматики понимает функцию как результат использования грамматической системы в речи во взаимодействии с другими уровнями языка и носит наиболее «поисковый» и дискуссионный характер (*ibidem*).

Шелякин является сторонником другого подхода — семасиологического, в основе которого лежит изучение грамматики по принципу «средство выражения (носитель функции) — функция». Так, при описании функциональной морфологии исходным пунктом является грамматическая форма слова; для выделенных классов грамматических форм определяются соотносимые с ними классы грамматических значений (или функций — различие этих понятий для Шелякина

не существенно). Отдельно описываются функции лексико-грамматических разрядов и словоформ существительных, прилагательных, глаголов, наречий, частиц и междометий. Так, при описании категории вида определяется конститутивный признак данной категории — предельность/непредельность, а также частные значения совершенного вида (конкретно-фактическое, суммарное, налично-результативное) и несовершенного вида (конкретно-процессное, конативное, значение незавершенности прерванного действия, неограниченно-продолжительное, потенциально-постоянное). Описываются также типы употребления видовых форм, их синтаксические и текстовые функции, а также аспектуальные разряды глаголов, т.е. способы глагольного действия.

4.5. Функциональный синтаксис: версия Г. А. Золотовой

Функциональное направление в синтаксисе разрабатывается Г. А. Золотовой, начиная с 70-х годов XX века (1973; 1982; 1988 и др.). В работе Золотова/Онипенко/Сидорова 1998 функциональность трактуется как существенная характеристика синтаксических единиц, а функция определяется как predisposition элемента к определенному способу существования в системе других элементов (*ibidem*, 45).

Базовым понятием функционального синтаксиса считается синтаксема — носитель элементарного смысла (на уровне синтаксиса) и одновременно конструктивный компонент более сложных синтаксических выражений. Функциональная типология синтаксем опирается на понимании синтаксической функции как роли лексических единиц в создании единиц большего формата — словосочетаний и предложений. (Золотова 1985, 87; 1988, 4). При этом различаются три типа синтаксических функций:

1. автономные — изолированное употребление единицы как свободной синтаксем;
2. употребление единицы как члена предложения — функция обусловленных синтаксем;
3. употребление единицы как компонента словосочетания — функция связанных синтаксем.

Каждой конструктивно-семантической функции словоформ соответствует определенное количество синтаксических позиций. Например, функция свободных синтаксем реализуется, главным образом, в заголовках. Обусловленные синтаксеммы выступают в таких позициях:

1. подлежащее или прямое дополнения («предсказуемый компонент предложения»);
2. сказуемое («предсказывающий компонент предложения»);
3. обстоятельство («ситуант»);
4. «полупредикативный осложнитель предложения».

Связанным синтаксемам свойственны следующие позиции:

1. прилагательная;
2. присубстантивная;
3. придъективная или приадвербиальная.

Порядок функционального анализа отражен в «Синтаксическом словаре» (1988): сначала материал классифицируется по морфологическим признакам, т.е. падежным окончаниям, затем — с точки зрения функции и синтаксической позиции.

Предметом функционального описания синтаксических моделей являются семантические свойства типов предложений. Ср. фрагмент такого описания:

1. Глагольные предложения.
  - 1.1. Информация о действиях лица: *Пахарь пашет; Врач лечит.*
  - 1.2. Информация о функционировании предмета: *Мотор работает; Будильник звонит.*
  - 1.3. Информация о состоянии лица или предмета: *Гость скучает; Рожь наливаются.*
2. Адъективные предложения: *Воздух тих; Учитель строгий.*
3. Субстантивные предложения.
  - 3.1. Информация о принадлежности к классу: *Хорек — хищник; Москва — столица.*
  - 3.2. Информация о свойствах лица или предмета: *Мандарины — с Кавказа; Записка — от Павла.*
  - 3.3. Информация о свойствах времени или пространства: *Зима; Вдоль улицы сугробы.*
4. Адвербиальные предложения.
  - 4.1. Информация о характеристиках предмета: *Яйца — всмятку; Метро — рядом.*
  - 4.2. Информация о состоянии лица: *Всем весело; Детям страшно.*
  - 4.3. Информация о состоянии среды: *На дворе морозно; В доме спокойно.*
5. Квантитативные — информируют о количественной характеристике предметов: *Любопытных — сотни; Картошки — полведра.*

Для каждой модели определяются дополнительные условия реализации: морфологическая форма субъекта действия, коммуникативный тип речи и семантико-экспрессивные особенности. При этом различаются пять коммуникативных реестров (речевых жанров):

1. репродуктивный — представление положений дел;
2. информативный — информирование адресата о ситуациях и событиях при абстрагировании от конкретных временных и пространственных характеристик;
3. обобщающий — концептуализация данных;
4. волюнтаривный — выражение воли говорящего;
5. реактивный — вербальные реакции говорящего на окружающие события.

Комплексное, функциональное описание синтаксических моделей можно показать на примере инфинитивных предложений.

ТАБЛИЦА 15. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Тип инфинитивного предложения	Форма субъекта	Коммуникативный регистр	Семантико-экспрессивные характеристики
1. Акционально-экспрессивный: <i>Она — хохотать</i>	3-е, 1-е лицо, имен. пад.	Репродуктивный	Информирование о наблюдаемых (активных, неожиданных) действиях
2. Рефлексивный: <i>Что же делать? Забыть?</i>	1-е лицо, дат. пад.	Репродуктивный	Представление процесса рефлексии, выбора планируемых действий
3. Оптативный: <i>Только успеть! Закурить бы!</i>	1-е лицо, дат. пад.	Репродуктивный	Эмоциональное выражение желания, которое не согласуется с обстоятельствами
4. Эпистемический: <i>Быть грозе; Мне не дойти</i>	1-е, 2-е, 3-е лицо, дат. пад.	Информативный	Информирование с уверенностью о неизбежности события
5. Оценочно-характеризующий: <i>Тебя не переспорить</i>	1-е, 2-е, 3-е лицо, род. пад.	Информативный	Характеристика лица на основе обобщенного опыта, вытекающего из предшествующих контактов

4.6. Функциональный синтаксис: версия М. В. Всеволодовой

М. В. Всеволодова определяет свою версию функционального синтаксиса как прикладную или, другими словами, педагогическую — она возникла в процессе преподавания русского языка как иностранного (2000, 3) — видимо, этим ее «прикладной» характер и ограничивается. Хотя московская исследовательница рассматривает свой «функционально-коммуникативный синтаксис» как альтернативу по отношению к академическим версиям функциональной грамматики — Г. А. Золотовой и А. В. Бондарко, в содержании этой теоретической концепции трудно найти принципиальные отличия от других функциональных теорий, хотя нет сомнения, что мы имеем дело с оригинальной конфигурацией, главным образом, семантических и коммуникативно-прагматических аспектов словосочетания и предложения. Всеволодову интересуют 1) семантическая система языка, в которой представлены объективные и субъективные значения; 2) реестр средств выражения языковых значений; 3) типология языковых форм с точки зрения их функционирования в речевых актах; 4) механизмы функционирования языковых категорий. Подчеркивается, что функционально-коммуникативный синтаксис занимается предложением не как структурной схемой (формально-грамматической моделью), а как единицей речи, употребляемой с учетом особенностей коммуникативного контекста.

Значительное место Всеволодова уделяет принципам синтаксической классификации слов. Традиционная система частей речи расширяется за счет новых классов: реляторов — имен отношений участников референциальной ситуации — примеры группы (а), экспликаторов — имен отношений между референтом именной группы и его свойством — примеры группы (б), а также классификаторов — имен классов, к которым принадлежат называемые явления — примеры группы (в):

(а)

Дожди привели к наводнению.

Дожди — причина наводнения.

Волк относится к хищникам.

(б)

Маша скромная.

Мальчик занимается рисованием.

Шаль — синего цвета.

(в)

Началась реакция окисления.

Ощущает чувство голода.

Относится к классу рыб.

Рассматриваются следующие типы семантических категорий: 1) функционально-семантические поля; 2) системы значений; 3) типовые ситуации и 4) денотативные роли. Первая из приведенных категорий, в целом, соответствует ее пониманию в грамматике А. В. Бондарко (см. 4.1.). Функционально-семантическое поле делится на несколько уровней — в зависимости от типа формальной манифестации — морфологической, лексической, синтаксической или контекстной (внеязыковой). Каждая такая зона трактуется как система значений. Ср. систему значений грамматической категории времени глагола, выражаемых морфологическими средствами:

1. Настоящее время.
2. Ненастоящее время.
  - 2.1. Прошедшее время.
    - 2.1.1. Прошедшее время законченных действий.
    - 2.1.2. Прошедшее время незаконченных действий.
  - 2.2. Будущее время.
    - 2.2.1. Будущее время законченных действий.
    - 2.2.2. Будущее время законченных действий.

Другая система значений в функционально-семантическом поле темпоральности реализуется с помощью синтаксических средств. Ср. относящиеся к этой системе значения настоящего времени:

1. Настоящее время — основное употребление.
  - 1.1. Настоящее время — актуальное.
    - 1.1.1. Настоящее время процессное: — *Что вы тут делаете?* — *Помогаю Дуняше.*
    - 1.1.2. Настоящее время расширенное: *Давно он любит ее?*
    - 1.1.3. Настоящее время постоянное: *Земля вращается вокруг Солнца.*
  - 1.2. Настоящее время — неактуальное.
    - 1.2.1. Настоящее время абстрактное: *Я тебе всегда пишу именно в это время.*
    - 1.2.2. Настоящее время цикличное: *Левый берег низкий, его заливают в половодье.*

- 1.2.3. Настоящее время типизированное: *Что имеем — не храним, потерявши — плачем.*
- 1.2.4. Настоящее время качественной характеристики: *Птицы летают.*
- 2. Настоящее время — переносное употребление.
  - 2.1. Прошедшее время.
    - 2.1.1. Настоящее время историческое: *Валька за бугром из миномета палил. Вдруг меня зовут. Гляжу, лицо у него разворочено.*
    - 2.1.2. Настоящее время эмоциональной актуализации: *Это черт знает, что такое! Живешь смирно, никого не трогаешь, и вдруг тебя обзывают как нельзя хуже.*
  - 2.2. Будущее время: *Я будущей зимой уезжаю за границу.*

Типизированная ситуация представляет инвариант серии высказываний, информирующих о ситуациях однотипной структуры. Например, семантический инвариант «определенный класс предметов существует, наличествует в определенном фрагменте пространства» реализуется в высказываниях:

*Поначалу родным домом египетских цапель были Азия и Африка.
Лагуна не случайно стала пристанищем этих гусей.
В соленых озерах на побережье обитают фламинго.*

Все лексические формы упорядочены здесь в соответствии с тремя семантическими, другими словами — денотативными, функциями: 1) экзистент — субъект существования; 2) фрагмент мира — локум; 3) отношение между экзистентом и локумом.

Языковые механизмы, в понимании Всеволодовой, — это характерные для языка свойства, которые обуславливают оптимальное функционирование языковых выражений. Например, существуют механизмы коррекции, которые регулируют содержательную и формальную правильность выражений; коммуникативные механизмы обеспечивают их контекстуализацию, т.е. вхождение в релевантный коммуникативный контекст. Перифразирование является механизмом, который позволяет поместить словоформу в наиболее приемлемую с определенной точки зрения, приоритетную позицию, в первую очередь это — позиция подлежащего:

*На улице душно; ср.: На улице духота.
Увлечаться музыкой он начал рано; ср.: Увлечение музыкой началось у него рано.
Золотую медаль — дебютанту; ср.: Золотая медаль — дебютанту.*

С учетом комплексности, многоаспектности лингвистического анализа богатого языкового материала — в формально-грамматическом, семантическом и коммуникативном аспектах, последовательности применения функционального подхода исследование Всеволодовой можно с полным правом считать одним из наиболее полных и репрезентативных функциональных описаний одного из современных этнических языков.

4.7. Функциональный синтаксис: версия З. Новоженовой

З. Новоженова исходит из положения, согласно которому «семантическая ориентация синтаксических теорий» вытекает из ставшей актуальной необходимости описать «диалектическое единство формы и содержания в языке» (2001, 40). Опираясь на сложившуюся традицию (в частности, на работы П. Адамца), исследовательница считает, что

модель (структурно-семантический тип) (глагольного предложения. — А. К.) определяет способ синтаксического представления смысла предложения и является возможностью его структурирования, а также проявлением синтаксической категоризации действительности (ibidem, 85).

Из этого тезиса вытекает другое положение — о существовании типовых значений, соотносимых с грамматическими моделями предложений. Так, вслед за Т. В. Шмелевой различаются событийные и логические пропозиции: первые «портретируют» действительность, представляют референциальную ситуацию как отношение участников (например, субъекта и объекта действия), а вторые «сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» (ibidem, 86). Необходимо, однако, заметить, что различие событийных и логических пропозиций, видимо, не связано с различием грамматических моделей предложения, потому что одна и та же модель может выражать пропозиции обоих типов, например, модель $S_{nom} - V - S_{acc}$:

Иван моет машину.

Иван чинит машины.

Иван читает Каутского.

Иван уважает соседа.

В основе предложенного Новоженовой функционального описания русских глагольных предложений лежит полевой подход: вво-

дится понятие поля глагольных предложений как системно организованного фрагмента русского синтаксиса, содержащего массив простых предложений, базирующихся на личной форме глагола. В структуре поля выделяются зоны: центральная и периферийные, в зависимости от наличия или отсутствия у языковых единиц «определенных свойств» (*ibidem*, 82). В качестве основного критерия дифференциации зон Новоженова использует «антропологическую установку» содержания предложения, считая, что

антропологическое начало в языке проявляется [...] в системно-структурном плане на уровне категориально-семантических и грамматических абстракций (*ibidem*, 88).

Таким образом, в синтаксической системе русского языка выделяются шесть зон — ядерные, приядерные и неядерные:

1. Модели действия и движения с акциональными предикатами.
  - 1.1. Модели физического действия.
  - 1.2. Модели движения и перемещения.
  - 1.3. Модели социальных и ментальных действий.
2. Модели процессов с функтивными и статуальными предикатами.
3. Модели состояния со статуальными предикатами.
4. Модели процессов с экзистенциальными (функтивными) предикатами.
5. Модели бытия с экзистенциальными предикатами.
  - 5.1. Модели наличия/отсутствия.
  - 5.2. Модели локализованного наличия (местонахождения).
  - 5.3. Модели посессивного наличия (владения).
  - 5.4. Модели квантитативного наличия (количества).
  - 5.5. Темпоративная модель.
6. Модели со значением характеристики, отношений, классификаций с простыми глагольными и аналитическими предикатами, в состав которых входит глагол.

В зависимости от зоны различаются функции глагольного предиката. В ядерной зоне находятся собственно глагольные предложения, в которых полнозначный (изосемичный) глагол реализует свои валентностные свойства, определяя тем самым «компонентный состав модели предложения» (*ibidem*, 94). В приядерных и неядерных зонах находятся модели, в которых глагол выполняет связочную функцию и

функцию экспликатора предикативных категорий предложения, например:

*После смерти жены он стал еще замкнутее.
Это показалось нам особенно обидным.
Он считался состоятельным человеком.*

Предикаты первого типа описываются как, преимущественно, референтные, т.е. соотнесенные с действиями, процессами, состояниями в действительности (перцептивно воспринимаемой или виртуальной), а предикаты второго типа — как нереференциальные, другими словами — характеризующие (*ibidem*, 103).

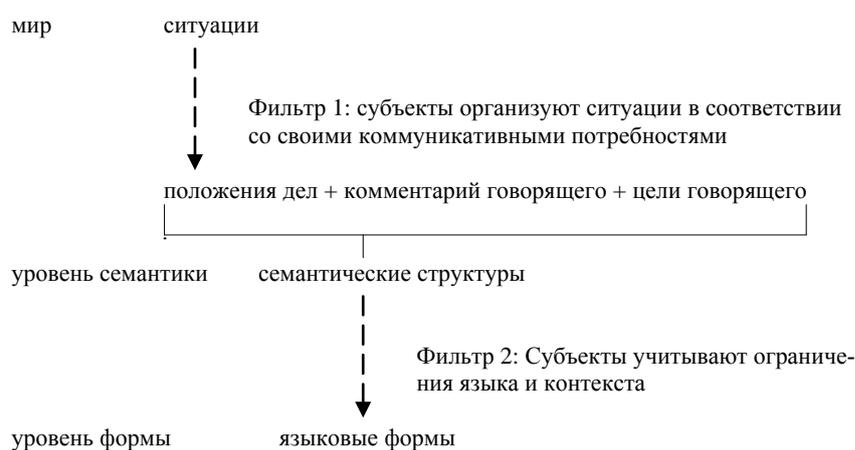
4.8. Функциональный синтаксис: версия А. Мустайоки

Финский русист А. Мустайоки опирается на исходном положении, что поскольку языковой знак имеет асимметричный характер — с точки зрения соответствия между его планом содержания и планом выражения, то исследователям с необходимостью приходится выбирать один из принципов описания языкового материала: «от формы к значению» или «от значения к форме» (см. также раздел 4.4). Подход «от формы к значению» более традиционен и отражает позицию слушающего (получателя языковой информации). С точки зрения говорящего (отправителя информации) актуальна иная перспектива исследования: «от значения к форме», т.е. от исходных смыслов к средствам их манифестации (Мустайоки 1997, 15; см. также: Алпатов 1985, 55). В «Теории функционального синтаксиса» принимается подход «от значения к форме» (2006, 21). Это роднит функциональный синтаксис Мустайоки с функциональной грамматикой А. В. Бондарко, хотя сразу же обнаруживаются и существенные различия: в отличие от иерархической структуры функционально-грамматического поля, в теоретической модели Мустайоки

[...] все языковые средства выражения определенного значения на поверхностном уровне считаются равноценными с точки зрения грамматического описания. Вопрос о том, выражается ли определенная смысловая структура при помощи морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических или просодических средств, является, таким образом, второстепенным (2006, 21 сл.; но тогда — спрашивается — в чем же заключается подход «от значения к форме»? — А. К.; см. дальше).

Задача функционального синтаксиса состоит в том, чтобы, во-первых, системно представить базовые семантические структуры конкретного этнического языка, во-вторых, инвентаризировать разнородные формальные средства. Модель функционального синтаксиса опирается на систему отношений между языком и действительностью:

Рисунок 5. Отношения между языком и действительностью
(согласно А. Мустайоки)

На уровне языковой семантики субъект — в соответствии со своими планами поведения — проводит селекцию элементов референциальной ситуации, т.е. выбирает те ее фрагменты, которые наиболее существенны с точки зрения конкретных условий коммуникации. Так, высказывание

Нина дала Ивану книгу

отражает только часть элементов ситуации, в которой происходит передача книги Ниной Ивану — не учтены такие параметры, как время, место, способ действия и др.

В качестве иллюстрации принятого им принцип описания Мустайоки рассматривает значение «Спешка вызвала то, что я забыл оплатить счет», которое в русском языке может быть выражено разными способами, а именно — разными синтаксическими моделями:

В спешке я забыл оплатить счет.
Из-за спешки я забыл оплатить счет.
Из-за того, что я спешил, я забыл оплатить счет.
Спешиа/торопясь, я забыл оплатить счет.
Так как я спешил, я забыл оплатить счет.
Я спешил и забыл оплатить счет.
Я спешил и поэтому забыл оплатить счет.
Я спешил, вот и забыл оплатить счет.
Причиной того, что я забыл оплатить счет, была моя спешка.
Спешка привела к тому, что я забыл оплатить счет.

Все эти разные синтаксические формы подводятся под одну функциональную категорию — как средства выражения причинно-следственных отношений.

В основе описания лежит реестр ядерных семантических структур, в соответствие которым должны быть поставлены реестры формальных средств. Мустайоки рассматривает следующие семантические структуры:

1. физическое действие и деятельность;
2. передвижение и локация;
3. социальное действие и деятельность;
4. интеллектуальная деятельность;
5. существование;
6. обладание, владение;
7. эмоции;
8. физиологическое состояние;
9. физическое состояние;
10. состояние окружающей среды;
11. характеристика;
12. идентификация.

В связи с определением этого списка исходных семантических структур появляется и первое замечание: Мустайоки отказывается сгруппировать ядерные семантические структуры непосредственно «на основе классификации предикатов», в качестве такой основы он предпочитает «степень их близости с точки зрения их функций в речи» (2006, 203), хотя не уточняет, какие функции имеются в виду: номинативные? стилистические? прагматические? Выясняется, что речь идет о тематических классах глаголов — Мустайоки ссылается при этом на теорию семантических полей. Но если в основе семантической классификации предложений лежит лексическое значение глагольного предиката, т.е. значение грамматически маркированной формы слова, на которой базируется синтаксическая структура, то мы имеем

дело не с подходом «от значения к форме», что декларируется автором, а скорее, с подходом «от формы к значению», точнее — с определенной конфигурацией обоих подходов.

Не иначе как парадоксом является и тот факт, что принцип «от значения к форме» в исследовании Мустайоки оказался нереализованным. Читатель ожидает, что в главе 5 «Ядерные синтаксические структуры» будут описаны их языковые формы выражения, другими словами — «поверхностные структуры», соответствующие исходным смыслам, хранящимся в когнитивной памяти носителей языка. На с. 204 Мустайоки лишь упоминает, что «одни и те же поверхностные структуры могут быть использованы для выражения разных семантических структур», но при описании конкретных ядерных смыслов рассматривает лишь особенности семантической конфигурации актантов (аргументов), структурные же схемы (формально-грамматические модели) предложения, которые и являются реальными формами выражения пропозициональных смыслов, остаются в стороне. Так, в разделе 5.1 описывается ядерная семантическая структура «Физическое действие и деятельность». Автор пишет:

В семантических структурах, выражающих физическое действие или деятельность, всегда присутствует Агнс, активно участвующий в положении дел (2006, 205; разрядка моя. — А. К.).

Если «физическое действие и деятельность» — тип ядерной семантической структуры (*ibidem*, 203), то непонятно, почему содержащая агнс семантическая структура является средством выражения семантической структуры «физическое действие и деятельность». Здесь мы имеем дело не с формой пропозиционального смысла, а с заполнением мест при пропозициональном предикате, называющем физическое действие или физическую деятельность — что касается «поверхностных структур», а именно — их типологии, то они вообще в работе Мустайоки не рассматриваются.

Хотя финский исследователь принимает точку зрения, согласно которой языковая семантика представляет собой результат специфической, субъективной концептуализации объективных положений дел, при анализе конкретного эмпирического материала он более склоняется к реистической установке, т.е. принимает точку зрения онтологического детерминизма. Это, например, касается интерпретации предложений, содержащих семантическую (денотативную) функцию инструмента действия. Вопрос о том, выделять или не выделять

лять в данной пропозициональной структуре инструментальный актант, Мустайоки решает, так сказать, с позиций здравого рассудка: в предложении

Нина рубит дрова новым топором

выделяется инструментальный актант *новым топором*, поскольку, как пишет ученый,

в конкретных [...] ситуациях действительности Субъект-Агент всегда использует какой-либо инструмент [...] Инструмент не может быть устранен, поскольку он является неотъемлемой частью таких положений дел, в которых активный субъект вообще делает что-то. Например, когда мы говорим, что *Он ест борщ*, мы не имеем в виду, что он ест без ложки (2006, 48).

В современном семантическом синтаксисе, особенно в работах С. Кароляка (1984; 2002) или Я. Паневовай (Paněvová 1980; 1999; 2001; Paněvová/Klimonow 1984), используются достаточно точные методы определения пропозиционального состава предложения. В работе: Kiklewicz 2007b, 31 ссл., описаны четыре типа критериев разграничения аргументов как обязательных компонентов пропозиции и адъюнктов (в другой терминологии — сирконстантов) как необязательных компонентов: 1) формальный; 2) трансформационный; 3) диалогический и 4) семантический. В качестве аргументов рассматриваются такие распространители предиката, которые, с одной стороны, коннотируются предикатом, а с другой стороны, не входят в структуру его лексического значения. Например, предложения с глаголами движения всегда обозначают положения дел, в которых имеется отправная и конечная точка в пространстве, ср.:

Иван едет из Москвы в Петербург.

Иван выехал из Москвы в Петербург.

Иван поехал/приехал из Москвы в Петербург.

Иван вернулся из Москвы в Петербург.

Это, однако, не значит, что в предложениях с глаголами движения, кроме субъекта-агенса, мы должны выделить еще два аргумента — адлативный и аблативный, потому что каждый глагол, в зависимости от своей лексической семантики и морфологической структуры, обладает разными коннотативными свойствами. Так, глагол *выехать* — благодаря семантике приставки — коннотирует только обязательный

С онтологической точки зрения: *Кто-то поцеловал кого-то во что-то (в какую-то часть)*.

ЗАМЕЧАНИЕ: Предложение с глаголом *целовать* может иметь несколько лексических распространителей, например: *Иван поцеловал Машу в шею холодными губами*. Синтаксема *холодными губами* может быть рассмотрена, с одной стороны, как форма «встроенного аргумента», а с другой стороны, как элемент включенной пропозиции: ‘Иван поцеловал Машу в шею, при этом его губы были холодными’ (интерпретации второго типа рассматривает и Мустайоки, см. 2006, 49). Синтагматическая группа *Машу в шею* представляет собой результат семантического расщепления второго аргумента.

Следует признать, что проблема разграничения обязательных и факультативных элементов пропозиции настолько сложна, что в этой сфере трудно требовать однозначных и категорических решений. В связи с этим заслуживает внимания мнение, высказанное Плунианом и Рахилиной:

[...] Можно указать имеющий достаточно строгие границы класс «собственно актантов» — это синтаксически обязательные участники ситуации, т.е. те, обозначение которых обязательно в предложениях, содержащих соответствующую предикатную лексему. Однако то, что противопоставлено этому классу актантов *par excellence*, не может быть, с нашей точки зрения, объединено никаким общим признаком. Не существует такого теоретического понятия, с помощью которого можно было бы описать все «не-актанты» [...] Дело, по-видимому, в том, что в класс не-актантов входят участники ситуации, связанные с семантикой предикатной лексики весьма различной степенью жесткости. Существуют участники ситуации [...] степень связи которых с предикатной лексемой может считаться минимальной, и в этом смысле они являются наиболее близкими к традиционному представлению о сирконстантах. Но между подобными участниками и собственно актантами располагается целый ряд промежуточных случаев [...] (1990, 208 сл.).

Подобную позицию, как кажется, занимает и Мустайоки. О предложениях типа

Нина рубит дрова

он пишет:

Когда мы предполагаем наличие невыраженного Инструмента [...] де-ло вкуса толковать такой случай как инкорпорацию (Инструмент «входит» в предикат) или как эллипсис (Инструмент пропущен) (2006, 49; разрядка моя. — А. К.).

Что касается интерпретации данного конкретного выражения, то, как представляется, есть основания квалифицировать предикат *рубить* как двухместный. Хотя Плуноян/Рахилина пишут: «Какая бы ситуация ни обозначалась словом *рубить*, в ней всегда будет присутствовать инструмент» (1990, 207), — надо иметь в виду фразеологизованный характер словосочетания *рубить дрова*, т.е. тот факт, что в нашем языковом сознании, в словарной памяти — с учетом фоновых знаний о мире — данная ситуация автоматически ассоциируется с употреблением инструмента (топора или разновидности этого орудия). Таким образом, инструмент в сочетании *рубить дрова* имеет, скорее всего, инкорпорированный характер.

5. Функциональная классификация в парадигматике

Я вам хочу рассказать одно происшествие, случившееся с рыбой или даже вернее не с рыбой, а с человеком Патрулевым, или даже еще вернее с дочерью Патрулева.

Даниил Хармс

В парадигматической системе языка — на каждом его уровне — выделяются классы (категории) и подклассы (подкатегории) единиц разного формата. Каждый класс может быть определен тремя способами:

1. перечислением входящих в него компонентов, это — т е р м и н а л ь н о е (экстенсивное) определение класса;
2. указанием на общий для всех элементов характеристический признак, это — д е с к р и п т и в н о е определение класса;
3. выделением основного, типичного представителя класса — п р о т о т и п и ч е с к о е определение класса.

Поскольку языковая единица (знаковая или незнаковая) имеет две стороны — план выражения и план содержания (лучше было бы его определять как план функционирования), то принципиально возможны два пути дескриптивной (признаковой) классификации: на основе формальных признаков или на основе содержательных (функциональных) признаков. В традиционном языкознании доминировал первый подход, например, классификация звуков по их артикуляционным и акустическим свойствам. Начиная с XX века, распространились функциональные классификации, например, в области фонологии — на основе смысловозначительных функций гласных и согласных. В следующих разделах будут рассмотрены типы функциональной классификации в лексической и грамматической системах языка.

5.1. Функциональный подход к определению частей речи

При классификации лексики одной из наиболее продуктивных считается дистрибутивная методика. Она основывается на сходстве с о ч е т а е м о с т и слов. Преимуществом дистрибутивного подхода является объективный характер классификации, ведь он позволяет определить группировки знаков независимо от интуиции исследователя (в любом случае — при его минимальном «участии»), т.е. исключи-

тельно с опорой на синтагматическое «поведение» слова. Одним из примеров дистрибутивно-статистической классификации частей речи является работа А. Е. Супруна (1971). Немецкий славист С. Кемпген, негативно оценивший это исследование, критически высказывается по отношению к самому дистрибутивному методу: по его мнению, пользуясь этим методом, исследователь — будучи независимым от своей интуиции — попадает в зависимость от языковых контекстов, т.е. описываемых синтагматических групп: поскольку их количество принципиально не ограничено, нельзя быть уверенным в том, что все репрезентативные контексты исчерпаны (Kempgen 1981, 55).

Другой немецкий исследователь, В. Флеммиг (Flämmig 1977, 41 ссл.) предупреждает, что, пользуясь дистрибутивным критерием, можно выделить довольно большое число мелких лексических классов, которым нельзя приписать статуса частей речи.

Ц. Перникарский (Piernikarski 1990, 204) указывал, что в оптимальном случае дистрибутивный подход должен сочетаться с референциальным (номинативным), потому что кроме «техники» сочетаемости существуют более глубокие структурные основания для группировок языковых единиц.

Части речи являются максимально широкими парадигматическими классами в языке (см. Sommerfeldt/Starke 1992). Известно, что в грамматической традиции части речи определяются на основе трех типов признаков: 1) грамматических (или морфологических), которые считаются основными; 2) лексико-семантических и 3) синтаксических. Комплексный подход к определению частей речи объясняется сложностью и многоаспектностью содержания единиц языка.

М. И. Откупщикова указывает, что функциональное определение частей речи возможно с использованием нескольких критериев: 1) синтаксической сочетаемости слова (в синтагме); 2) синтаксической функции слова (в предложении) и 3) словоизменения (1978, 51). При этом синтаксическая сочетаемость может быть активной или пассивной — в зависимости от того, какими словами (или позициями) данная единица «управляет» и какими «управляется». Этот важный признак позволяет, например, различать предикативные и непредикативные наречия (см. таблицу 16).

Однако названных критериев, по мнению Откупщиковой, недостаточно для строгого выделения некоторых частей речи, прежде всего — такого контроверсивного класса слов, как местоимения, которые не обладают ни морфологическим, ни лексико-семантическим, ни

синтаксическим единством. Откупщикова считает, что в этом случае необходимо привлечение нового критерия — текстового, а именно — учета функционирования слова на уровне связного текста.

Таблица 16. Классификация наречий (согласно М. И. Откупщиковой)

	Наречие	Предикативное наречие (категория состояния)
Могут управлять	Вспомогательным глаголом или связкой	
	нет	да: <i>было/будет, стало/станет холодно</i>
	Инфинитивом	
	нет	да: <i>целесообразно отметить</i>
	Придаточным предложением	
	нет	да: <i>жалько, что он не придет</i>
	Существительным в дат. пад. в функции субъекта	
	нет	да: <i>мне грустно</i>
	Другим наречием (степени)	
	да: <i>очень весело (смеется)</i>	да: <i>мне очень грустно</i>
	Существительным с предлогом (не в субъектной функции)	
	да: <i>вблизи от дома</i>	да: <i>мне стало грустно от этого</i>
	Союзным словом	
да: <i>идет туда, где его не ждут</i>	да: <i>неизвестно, куда он уехал</i>	
Существительным не в субъектной функции		
да: <i>наперекор ему</i>	нет	
Могут управляться	Другим наречием	
	да: <i>глаза очень холодно поблескивали</i>	нет
	Любой формой глагола	
	да: <i>весело смеется, весело танцует</i>	нет
	Существительным	
да: <i>яйца всмятку, движение вспать</i>	нет	

Система частей речи обычно представлена двумя классами. Согласно одной версии, эти классы составляют флективные и нефлективные лексемы — данная оппозиция базируется на морфологических признаках — наличии/отсутствии словоизменительной аффиксации. Согласно другой версии это — главные (самостоятельные, автосемантические) и служебные (синсемантические) лексемы — данная оппозиция базируется на синтаксических признаках — способности/неспособности слова употребляться в качестве самостоятельного члена синтагмы. В синтетических языках названные оппози-

ции, в основном, совпадают: флективные части речи оказываются автосемантическими, а служебные — синсемантическими. Исключение составляют разве что наречия, которые можно определить как нефлективную автосемантическую категорию слов. Впрочем, и у наречий имеются определенные черты аффиксальности — например, категориальные суффиксы (*близк-о*), а также морфологические показатели степеней сравнения (*сильн-ее*).

В классификации Э. Косериу (Coseriu 1987, 87 сл.) различаются три категории языковых единиц. Понимая под лексиконом множество слов, которые непосредственно отражают языковую действительность, исследователь выделил:

1. лексемы (*Lexemwörter*), которые отражают внешние объекты, например: *человек, лес, бежать, белый*;
2. категоремы (*Kategoremwörter*) — местоимения, которые указывают только на форму отражения действительности, например: *я, этот, здесь, теперь*;
3. морфемы (*Morphemwörter*) — служебные единицы, которые лишены отношения к объектам действительности, зато активно используются для связи слов в структуре предложений, например: *и, или, на, при*.

Перечень частей речи в разных классификациях незначительно варьируется. Их ядро составляют:

1. существительное — S;
2. глагол — V;
3. прилагательное — Adj;
4. наречие — Adv;
5. местоимение — Pron;
6. числительное — Num;
7. союз — Konj;
8. частица — Part;
9. предлог — Praep;
10. междометие — Interjekt.

В некоторых классификациях к ним добавляются:

11. артикль (в артиклевых языках) — Art;
12. модальные слова — Mod;
13. отрицательные слова — Neg;
14. слова-предложения — Sent;
15. предикативы (категория состояния) — Adj/Pred.

Рассмотрим одну из наиболее полных классификаций частей речи, построенную О. И. Москальской на материале немецкого языка (1971, 44

ssl.). Москальская исходит из теоретической предпосылки, согласно которой части речи должны определяться на основе их общей языковой функции, которая обусловлена синтаксическими, морфологическими и лексико-семантическими факторами.

1. Слова, функционально тождественные предложению.
  - 1.1. Автосемантические слова — модальные слова.
  - 1.2. Синсемантические слова — междометия.
2. Слова, функционально не тождественные предложению.
  - 2.1. Автосемантические слова, имеющий статус члена предложения (собственно части речи).
    - 2.1.1. С номинативной функцией.
      - 2.1.1.1. Предметные слова (*Gegenstandswörter*) — существительные.
      - 2.1.1.2. Акциональные слова (*Vorgangswörter*) — глаголы.
      - 2.1.1.3. Признаковые слова (*Artwörter*) — прилагательные.
      - 2.1.1.4. обстоятельственные слова (*Umstandswörter*) — наречия.
    - 2.1.2. С указательной функцией — местоимения.
    - 2.1.3. С количественной функцией — числительные.
  - 2.2. Синсемантические (функциональные) слова.
    - 2.2.1. С синтаксической функцией.
      - 2.2.1.1. Маркеры отношений (*Verhältniswörter*) — предлоги.
      - 2.2.1.2. Маркеры связи (*Bindewörter*) — союзы.
      - 2.2.1.3. Маркеры наполнения (*Füllwörter*) — частицы.
      - 2.2.1.4. Маркеры сказуемого (*prädikatsprägende Wörter*) — связочные глаголы.
    - 2.2.2. С морфологической функцией.
      - 2.2.2.1. В сфере существительного — артикли.
      - 2.2.2.2. В сфере глагола — вспомогательные глаголы.

Поскольку для определения частей речи принимаются во внимание различные признаки, которые не всегда согласованы друг с другом (например, единицы одного и того же формально-грамматического класса могут иметь различную номинативную природу или разнообразные синтаксические свойства), оказывается, что границы между

отдельными частями речи недостаточно строги и определены (Braunmüller 1985, 300). В структуре частей речи иногда выделяется ядро — наиболее типичные для данной категории слова, и периферия — слова, которые обладают свойствами других категорий (Schaefer/Knobloch 1992, 35). При этом к частям речи применяется вероятностный подход, а также анализ с помощью методики выделения прототипов. С теоретической точки зрения, а именно — с позиций современных воззрений на язык как на открытую, нежестко-детерминированную систему, «неопределеннозначность» какой-то части лексикона — вполне нормальное явление. Однако с практической точки зрения такая расплывчатость языковых категорий нежелательна, ведь исследовательская работа требует конкретных, точных дефиниций. Этим объясняется стремление к уточнению границ между отдельными парадигматическими категориями. Далее будут рассмотрены классификации частей речи, в основу которых кладется определенный критерий — лексико-семантический, морфологический или синтаксический. Разумеется, основное внимание будет сосредоточено на том, какую роль в подобных классификациях играет понятие функции.

5.1.1. Лексико-семантические классификации частей речи

Данный критерий опирается на устойчивые корреляции между частями речи и понятийными (концептуальными) категориями, «отражающими в человеческом сознании объективную реальность» (Schmidt 1992, 299). Обычно рассматривают четыре таких класса: 1) субстанция; 2) действие (акция); 3) свойство и 4) обстоятельство. Им соответствуют четыре важнейших части речи: 1) существительное; 2) глагол; 3) прилагательное и 4) наречие. К.-Э. Зоммерфельдт/Г. Штарке (Sommerfeldt/Starke 1992, 41) подчеркивают, что категориальное значение слова является важнейшим фактором отнесения его к той или иной части речи, поэтому ему должны быть подчинены все остальные принципы классификации.

В основе семантического членения лексикона на части речи лежит тип номинативной функции слова. Если строго следовать этому критерию классификации, то окажется, что далеко не всегда лексико-семантические классы соответствуют традиционным частям речи. Так, слова *бег*, *бегать*, *беготня* с семантической точки зрения должны быть отнесены к одной части речи — глаголу, ведь это — по-разному грамматически оформленные обозначения действия. Подобная ситуация наблюдается с лексемами *часть*, *частичный*, *частично*, которые обозначают свойства — типичный признак прилагательных.

Обычно считается, что четыре базовые категории универсальны, а основные части речи, таким образом, отражают общие закономерности познания и имеют логическую природу. Это положение, однако, критикуется в этнолингвистических и типологических исследованиях. Так, известный немецкий лингвист Х.-Ю. Зассе (Sasse 1992; 1993) показал, что категоризация мира в языках разных типов существенно варьируется, а это свою очередь находит отражение в парадигматике. К примеру, в гайуга, одном из ирокезских языков на территории Канады, глагол отчасти соответствует индоевропейскому, а вот сформировать категорию, подобную индоевропейскому существительному, затруднительно, если вообще возможно: тому, что мы связываем с понятием имени, в гайуга соответствует четыре лексических класса, при этом различие между именем и глаголом вообще не очевидно. Такие категории, как «человек», «явления природы», «пространственные объекты», обозначаются единицами одного типа, категории «наблюдаемые объекты», «животные» — единицами другого типа, «растения» — единицами третьего типа и т.д. Специфика системы частей речи в гайуга обусловлена не только этническими стереотипами восприятия и отражения мира, но и, как подчеркивает Зассе, отношениями между лексикой и синтаксисом: часть информации, которая в индоевропейских языках реализуется на синтаксическом уровне, в языке гайуга заложена в лексическом значении слова.

Очередной недостаток лексико-семантических классификаций заключается в их фрагментарности: они охватывают только часть (пусть и значительную) лексикона, потому что далеко не все элементы языковой системы соотносены с внеязыковыми объектами. Номинативной функции лишены так называемые служебные (или, в западной терминологии, функциональные) слова — артикли, модальные, вспомогательные глаголы, предлоги, союзы, частицы, междометия и др., которые, как указывает Т. Левандовский, вообще не обладают лексическим значением, а выполняют лишь структурные функции в составе единиц большего формата — предложения и текста (Lewandowski 1984, 320 сл.). Так, немецкая лексема *seit* может употребляться в конструкциях двух типов:

seit drei Tagen 'уже три дня/в течение трех дней'
seit ich hier wohne — 'с тех пор, как я здесь живу'

В первом случае *seit* выступает как предлог, во втором — как союз. Б. Шедер/К. Кноблах подчеркивают, что это различие никак не связано с особенностями лексического значения *seit* — в обоих случаях оно

остаётся одним и тем же, частеречная же квалификация служебного слова определяется с опорой на их синтаксические признаки (Schaefer/Knobloch 1992, 35).

И ещё одна деталь. Г. Хельбиг пишет, что так называемый семантический критерий (впрочем, как и все остальные) многими понимается по-разному (Helbig 1977, 95). Обычно он имеет лексико-семантический характер, т.е. основывается на обобщённом лексическом значении слова (а в некоторых случаях — на значении корня). Но, опираясь на работу: Schmidt 1992, 299, сравним ряд немецких слов:

der Frieden 'мир, покой' — S

friedlich 'мирный' — Adj

befrieden 'умиротворять' — V

Частеречная определённость слова здесь зависит от грамматических показателей — словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Значит, для выделения парадигматических классов существительных, прилагательных и глаголов (а также других частей речи) номинативная функция слова оказывается явно недостаточной, она должна выступать как дополнительный фактор классификации либо вообще элиминироваться, если части речи понимаются как грамматические классы слов, т.е. результат обобщения грамматических категорий, значений и форм, а лексико-семантические группировки при этом носят частный характер и рассматриваются внутри частей речи (ср. синонимические ряды) либо не зависят от частеречной характеристики (ср. ассоциативные поля и тематические классы).

5.1.2. Морфологические классификации частей речи

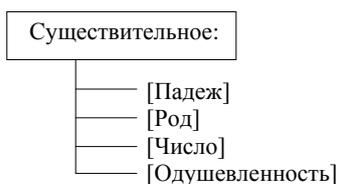
В 70-е и особенно в 80-90-е годы XX века функционализм глубоко проникает в методологию лингвистической науки. С одной стороны, это воплощается в появлении нового объекта языкознания — текста, и новой дисциплины — грамматики текста. М. И. Откупщиковой принадлежит программное утверждение о том, что связный текст является «естественно функционирующим объектом лингвистического исследования» (1978, 49). С другой стороны, функциональная грамматика показала (и доказала), что функции носят не только окказиональный, речевой характер, но представляют собой неотъемлемую часть системы языка и выступают в качестве важнейшего фактора категоризации языковых единиц.

Избежать функционального принципа классификации в грамматике довольно сложно, поэтому даже те грамматические классификации, которые квалифицируются как формальные, чаще всего имеют также и функциональное содержание: в качестве основания единства классов и категорий всегда рассматриваются не только грамматические формы, но и грамматические значения. В качестве примера может служить заслуживающий внимания опыт грамматической классификации немецкого слависта С. Кемпгена (Kempgen 1981).

Отношение плана содержания и плана выражения в грамматике носит диалектический характер: на уровне слова грамматическое значение выступает как функция соответствующей морфемы, а на уровне предложения грамматическое значение — уже элемент плана выражения. Поэтому лексическая классификация, в основе которой лежат грамматические значения, носит очевидный функциональный характер, что, например, подчеркивают авторы академической польской грамматики (Grzegorzczkova/Laskowski/Wróbel 1984, 30 ссл.).

Реализация функциональной грамматической классификации частей речи встречается на практике с многими сложностями. Первая из них — проблема грамматического описания аналитических языков. Грамматика (морфология) представляет собой, как уже указывалось, наиболее стабильный, но при этом наименее обязательный уровень языка: трудно было бы отказаться от фонетики, лексики или синтаксиса, но морфология как инвентарь «технических» средств передачи языковой информации во многих языках отсутствует (Кацнельсон 1972, 104 сл.; Леонтьев 1979, 31). Правило «Нет слов без корня, но есть слова без аффиксов» верно и по отношению к синтетическим языкам, в которых имеется часть нефлективных, грамматически неизменяемых слов. Использовать грамматический критерий для частеречной классификации таких единиц, естественно, невозможно.

Грамматическая классификация встречается и с некоторыми «техническими» проблемами. Как, например, мы должны поступить с лексемами *сальто*, *колибри*, *киви*, *какаду*, *дерби* и т.п., которые фактически не имеют материальной словоизменительной парадигмы? С морфологической точки зрения у нас нет оснований, чтобы рассматривать подобные слова как существительные. В идеальном случае при грамматическом подходе каждая часть речи должна быть соотнесена с множеством грамматических категорий, например:

Но картину усложняет проблема неполных (как в случае с *киви*) парадигм, а также проблема бивалентности: одна и та же лексическая единица (как и группа лексических единиц) может обладать одновременно признаками нескольких грамматических классов (в этом случае мы имеем дело с так называемыми гибридными категориями).

Для решения подобных спорных вопросов немецкий лингвист К. Бринкманн (Brinkmann 1962, 114) предложил довольно простое решение: нужно ориентироваться на те признаки, которые присущи данному и только данному классу. Так, по мнению ученого, сущность прилагательных в немецком языке заключается в том, что они (и только они) обладают грамматическими значениями категории степени, хотя можно возразить, что сказанное верно и по отношению к наречиям. С другой стороны, семантика степени может сопровождать употребление глаголов, ср. нем.:

Du solltest dich mehr schonen — Ты должен был больше беречь себя.

Как считает Бринкманн, причастия (в немецком, как и в русском) лишены морфологически выраженной категории степени, зато, напротив, для них характерны прототипические категории глагола — вид, время, залог, что давало бы основания для рассмотрения причастий как субкласса внутри глагольной парадигмы.

Другую концепцию грамматической классификации слов по частям речи предложил С. Кемпген (Kempgen 1981). В качестве классификационного признака он избрал характер словоизменительной парадигмы, которая именуется содержательной (*Inhaltsparadigma*). Содержательную парадигму нельзя отождествлять с грамматической категорией — она представляет собой объединение грамматических значений и категорий, которые реализуются разными формами слова. Кемпген выделяет 24 такие парадигмы. Например, первая парадигма основана только на одном общем признаке — падежном. Ее составляют числительные *пять* и т.д. (сюда же относятся лексемы *сколько, столько, несколько, полтора* и др.) (*ibidem*, 186 сл.). Дру-

гую парадигму составляют лексемы, словоизменительные характеристики которых регулируются категориями падежа и числа; сюда относятся личные местоимения 1-го и 2-го лица. В третью парадигму входят личные местоимения 3-го лица, которые выражают грамматические категории падежа, числа и (в единственном числе) рода. Традиционным существительным соответствуют парадигмы 5-7 с характеристиками: падеж, число, род. Не представляется возможным более подробно характеризовать все выделенные Кемпгеном содержательные парадигмы, поэтому представим их, как это делает и сам автор, в таблице 17 (*ibidem*, 230).

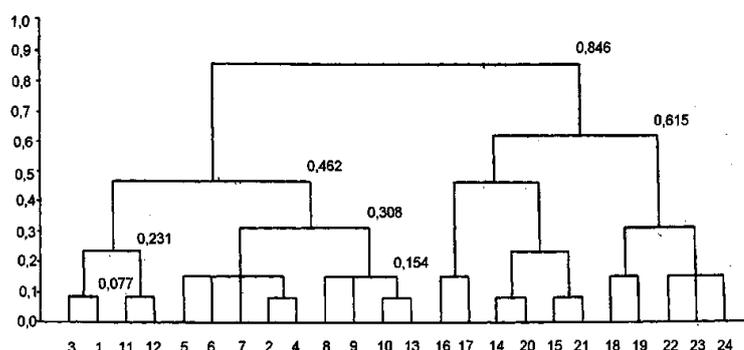
Обратим внимание на то, что перечень и содержание парадигм не бесспорны. Так, несклоняемые существительные относятся к парадигмам 8-10, их характеризуют признаки [+мужской род], [+женский род], [+средний род]. Это кажется странным, ведь у несклоняемых существительных нет морфологических показателей рода, а если уж для них фиксируются родовые грамматические значения, то почему тогда не фиксируются соответствующие значения категории падежа и числа? Вне рассмотрения оказываются наречия, которым может быть поставлен в соответствие признак категории степени. В системе Кемпгена не нашлось места для обобщающих, отрицательных, неопределенных, относительных, притяжательных, указательных местоимений, ведь с грамматической точки зрения они не тождественны ни существительным, ни личным местоимениям, ни прилагательным.

Выделенные содержательные парадигмы, однако, еще не являются частями речи. Кемпген идет дальше. Учитывая различие классификационных и реляционных грамматических категорий, он использует специальный алгоритм, позволяющий определить дистанции между отдельными парадигмами (Kemrpen 1981, 234). Иногда эти дистанции противоречат нашим сложившимся интуитивным представлениям о частях речи, например, интервал между числительными и местоимениями 1-го и 2-го лица оказывается меньше, чем интервал между существительными мужского, женского и среднего рода.

Но и это еще не все. Содержательные парадигмы и дистанции между ними — лишь предварительный этап определения частей речи. На заключительном этапе отдельные парадигмы, характеризующиеся наименьшими интервалами, объединяются в группы, группы (по тому же принципу) — в мезогруппы, те в свою очередь — в макрогруппы, до тех пор пока объединение не достигнет своей высшей точки — уровня мегагруппы (*ibidem*, 239) (на рис. 6 вертикальная шкала отражает степень подобия, а горизонтальная — приведенные в таблице 17 порядковые номера содержательных парадигм).

РИСУНОК 6. Группировки СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Определение границ между частями речи зависит от того, какая степень подобия будет принята за достаточную, чтобы отдельные содержательные парадигмы воспринимались как части речи. Если условиться, что эта степень равна 0,5, выделяются три части речи, если считать, что она равна 0,25 — семь частей речи, если равна 0,20 — девять частей речи. В качестве оптимального Кемпген принимает коэффициент близости 0,4, что позволяет выделить пять частей речи (*ibidem*, 254):

1. (парадигмы 1-4): класс с признаками [-вид] [-род глагола] [+род];
2. (парадигмы 5-13): класс с признаками [-вид] [-род глагола] [-род];
3. (парадигмы 14-15): класс с признаками [+вид] [+род глагола] [-род] [+число] [+лицо] [+наклонение];

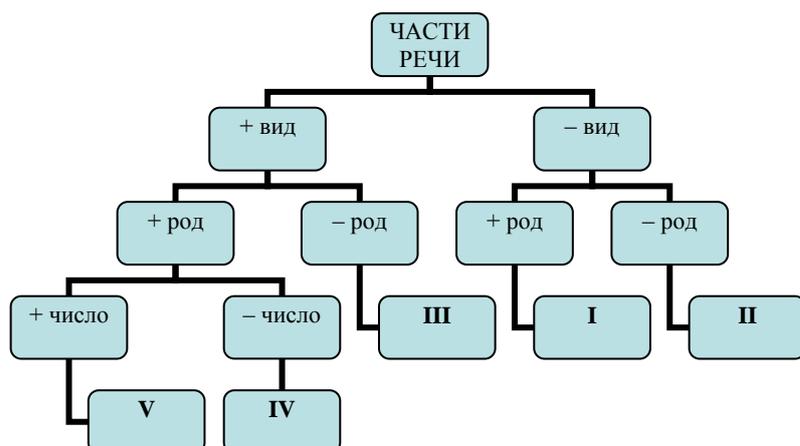
4. (парадигмы 16-19): класс с признаками [+вид] [+род глагола] [+род] [-число] [-лицо] [-наклонение];
5. (парадигмы 20-24): класс с признаками [+вид] [+род глагола] [+род].

Третий, четвертый и пятый классы охватывают глаголы: инфинитивные, личные и именные формы. В первом классе объединены числительные и личные местоимения. Второй класс выделяется, скорее, как остаточный — никаких положительных признаков у него нет.

Достоинством классификации С. Кемпгена является объективный, количественный подход, независимость от традиционной классификации (Кемпген критикует подход А. Е. Супруна (1971), который, по его мнению, «подгоняет» свою «вероятностную» классификацию частей речи под традиционную). С другой стороны исходное множество содержательных парадигм у Кемпгена не полно, из-за чего все дальнейшие скрупулезные расчеты в какой-то степени теряют смысл, а вся модель в целом воспринимается, скорее, лишь как опыт морфологической классификации — пример того, как подобная классификация могла бы выглядеть в результате применения количественного метода. Различая категории рода имени и рода глагола (*Genus — Genus Verbi*), Кемпген априорно исходит из существующей оппозиции имени и глагола, т.е. традиционная классификация оказывается частично заложенной в исходных определениях грамматических признаков.

В классификации Кемпгена непривычно то, что выделенные алгоритмическим способом части речи содержат разнородные по грамматическим признакам единицы. Поэтому имеет смысл, используя определенные Кемпгеном грамматические признаки частей речи, упорядочить все классы, как это показано на рис. 7

Рисунок 7. КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ (по С. КЕМПГЕНУ)

Возражение здесь может вызывать использование отрицательных дифференциальных признаков. Если при описании отдельных единиц языка принцип построения привативных оппозиций, при котором один компонент является положительно, а другой — отрицательно маркированным, представляется обоснованным, то вряд ли он может быть использован при определении классов. Языковая категория должна обладать самостоятельными позитивными характеристиками (см. далее). Кемпген определяет вторую часть речи в своем списке как категорию слов, лишенных признаков вида и рода. Такое определение уязвимо с «технической» с содержательной точки зрения: в эту группу можно поместить не только существительные и прилагательные, но и грамматически неизменяемые служебные слова — наречия, предлоги, союзы, частицы. Грамматические признаки единиц данного класса оказываются настолько разнородными, что сам он теряет функциональную значимость, становится непригодным для лингвистического анализа — указание на «часть речи» в этом случае дает слабое представление о ее единицах.

5.1.3. Синтаксические классификации частей речи

Поскольку ни лексико-семантический, ни морфологический критерий не могут охватить всего лексикона, то, как считают некоторые исследователи, следует обратиться к иному, более надежному критерию —

синтаксическому. Слово может быть лишено морфологических или номинативных признаков, но в его содержании неизбежно отражается характер употребления в высказывании и тексте. В этом употреблении и воплощено языковое предназначение каждой (полнозначной или служебной) лексической единицы. Синтаксический подход к лексическим классификациям обычно называют функциональным, и именно этим, функциональным содержанием противопоставляют его другим подходам.

Функционально-синтаксический подход к лексической классификации в последние десятилетия стал едва ли не доминирующим, ср. немецкие работы: Helbig/Buscha 1983; Drosdowski 1984; Flämmig 1977; Kattein 1984 и др. Серьезное обоснование этот метод лингвистического анализа получил в исследованиях Э. Хэрманна, который, как ранее Е. Курилович, противопоставляет функционально-синтаксический подход номинативному (Hermann 1992, 154). Впрочем, собственный опыт синтаксической классификации Хэрманна вряд ли можно признать удачным: содержание многих выделенных им частей речи (а всего их тринадцать) выглядит скорее номинативным, чем функционально-синтаксическим, ср. такие части речи, как:

1. слова с семантикой действия (*Tätigwörter*);
2. слова с семантикой поведения (*Vorgangswörter*);
3. слова с семантикой сущности (*Wesenswörter*);
4. слова с семантикой предмета (*Sachwörter*) и т.д.

Именно благодаря применению синтаксического критерия становится возможной классификация неполнозначных (служебных) слов, общая функция которых, как пишет К. Браунмюллер (Braunmüller 1985, 301), состоит в том, чтобы реализовывать на синтаксическом уровне отношения полнозначных лексических единиц — самостоятельных членов предложения. Отсутствие номинативной функции и морфологических признаков компенсируется синтаксической активностью этих слов. Например, было замечено, что «чем уже сфера употребления, тем богаче содержание (смысл) понятия; чем шире употребление, тем беднее содержание понятия» (Курилович 1962, 11). Под «семантическим выветриванием» в современной семантике принято понимать полную зависимость слова от контекста, особую значимость синтагматических признаков по сравнению со всеми остальными. Служебный характер неполнозначных слов проявляется психолингвистически: они чрезвычайно редко выступают в качестве реакций в свободном ассоциативном эксперименте.

Таким образом, в знаках разного типа функционирования как бы сохраняется некоторый общий объем репрезентативного и синтагматического содержания. Именно в этом смысле можно понимать слова Л. Ельмслева: «Мы не должны считать, например, что существительное более значимо, чем предлог» (2006).

Применительно к частицам Х. Вейдт/К.-Х. Элерс пишут, что единицы этого класса могут быть определены (как класс, категория) только на основании их вхождения в состав единиц более сложной структуры, т.е. благодаря их рассмотрению в синтаксическом аспекте (Weydt/Ehlers 1987, 7 ссл.).

Весьма характерна с рассматриваемой точки зрения классификация частей речи В. Флеммига (Flämmig 1972, 129; 1991, 358; см. также: Kong 1993, 45):

1. Есть словоизменение.
  - 1.1. Спрягается ГЛАГОЛ.
  - 1.2. Не спрягается.
    - 1.2.1. Присоединяет к себе артикль СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.
    - 1.2.2. Не присоединяет к себе артикль.
      - 1.2.2.1. Есть формы степени ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.
      - 1.2.2.2. Нет форм степени МЕСТОИМЕНИЕ.
2. Нет словоизменения.
  - 2.1. Имеет статус предложения МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА.
  - 2.2. Не имеет статуса предложения.
    - 2.2.1. Имеет статус члена предложения НАРЕЧИЕ.
    - 2.2.2. Не имеет статуса члена предложения.
      - 2.2.2.1. Имеет функцию связки.
        - 2.2.2.1.1. Есть падежные ограничения ПРЕДЛОГ.
        - 2.2.2.1.2. Нет падежных ограничений СОЮЗ.
      - 2.2.2.2. Не имеет функции связки ЧАСТИЦА.

Обратим внимание на то, что применительно к изменяемым частям речи актуализируются морфологические признаки (спрягается / не спрягается и т.п.), а применительно к неизменяемым — синтаксические признаки (имеет/не имеет статус члена предложения и т.п.). Более последовательно применяет синтаксический подход к классификации частей речи Р. Лясковский (Grzegorzczkova/Laskowski/Wróbel 1984, 30 ссл.).

1. Синтагматическая лексема (входит в синтаксические связи с другими лексемами).
  - 1.1. Автосинтагматическая лексема (выполняет функцию члена предложения, вступая в подчинительные связи с другими членами).
    - 1.1.1. Главный член высказывания — предикатив, глагол.
    - 1.1.2. Зависимый член высказывания.
      - 1.1.2.1. Член именной группы (именная группа = существительное + распространитель).
        - 1.1.2.1.1. Главный член именной группы — существительное, местоимение.
        - 1.1.2.1.2. Зависимый член именной группы.
          - 1.1.2.1.2.1. Односторонняя синтаксическая связь — прилагательное.
          - 1.1.2.1.2.2. Двусторонняя синтаксическая связь — числительное.
      - 1.1.2.2. Вне именной группы.
        - 1.1.2.2.1. Свобода синтаксических связей ограничена — наречие.
        - 1.1.2.2.2. Свобода синтаксических связей не ограничена — модальные слова.
  - 1.2. Синсинтагматическая лексема (не выполняет функцию члена предложения, не вступает в подчинительные связи с другими членами).
    - 1.2.1. Коннектор (показатель синтаксической связи).
      - 1.2.1.1. Показатель синтаксической зависимости.
        - 1.2.1.1.1. Показатель синтаксической зависимости в высказывании.
          - 1.2.1.1.1.1. Компонент зависимого предложения — относительный коннектор.
          - 1.2.1.1.1.2. Вне зависимого предложения — подчинительный союз.
        - 1.2.1.1.2. Показатель синтаксической зависимости в именной группе — предлог.
      - 1.2.1.2. Показатель отсутствия синтаксической зависимости.
    - 1.2.2. Не коннектор — частица.
2. Асинтагматическая лексема (не входит в синтаксические связи с другими лексемами).

- 2.1. Контекстуальная лексема (ведет себя как высказывание, подразумевает существование текста, в который она входит как составная часть) — *приложение*.
- 2.2. Не контекстуальная лексема (может самостоятельно создавать текст) — *междометие*.

Наиболее серьезные трудности при синтаксическом подходе возникают в связи с классификацией служебных слов. Дело в том, что, хотя содержание служебных слов носит преимущественно синтаксический характер, в системе традиционных синтаксических понятий они отражены крайне слабо. Их нет в традиционной системе членов предложения, они не охвачены морфосинтаксическими отношениями (согласованием, управлением, примыканием) (Теньер 1988, 354; Левицкий 1987, 48). Исключение составляют лишь разве что союзы, которые принимаются во внимание при описании средств связи простых предложений в составе сложного.

Содержание синтаксического критерия частеречной классификации понимается, как мы уже видели, по-разному. В одних случаях принимаются во внимание формальные синтаксические признаки, например, характер грамматической сочетаемости, в других — содержательные синтаксические признаки, например, номинативные функции предикатов и аргументов (Sommerfeldt 1993, 1 ссл.). Нередко синтаксические признаки разной природы объединяются. Н. Фриз считает такой прием естественным и даже необходимым (Fries 1988, 39). Так, в «Duden-Grammatik» при классификации частей речи (их в сумме насчитывается восемь: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, предлоги, союзы, междометия и артикли/местоимения) используется комплексный подход, при этом синтаксические признаки представлены двумя типами: функцией и дистрибуцией слова в предложении. Глагол, к примеру, с синтаксической точки зрения определяется так: функция — предикат (сказуемое), дистрибуция — конгруэнтная связь с подлежащим (Drozdowski 1984, 88-91).

Необходимость интеграции дистрибутивных и функциональных признаков подчеркивает П. Борисевич (Borisevič 1977, 8 ссл.), хотя на практике отдает предпочтение методу субституции — подстановки лексических единиц в синтагмы, маркированные с точки зрения определенных синтаксических отношений:

N ↔ V	субъектно-предикатное отношение
V ↔ N	объектное отношение
V ↔ Adv	адвербиальное отношение
A ↔ N	атрибутивное отношение

Слово получает соответствующую парадигматическую квалификацию в зависимости от того, в какие синтагматические отношения оно вступает и позицию какого члена в том или ином типе синтагмы занимает.

Понятие с у б с т и т у ц и и используется и при синтаксическом определении частей речи немецкими грамматистами. В работе: Helbig/Buscha 1988, часть речи понимается как класс слов, которые характеризуются тождеством подстановки в фиксированный синтагматический контекст. Допустим, имеется выражение с пустым местом, т.е. с незаполненной синтаксической позицией:

Der Lehrer _____ fleißig.
Учитель _____ прилежно.

Все соответствующие норме подстановочные примеры можно рассматривать как одну часть речи, ср.:

Der Lehrer ARBEITET / SCHREIBT / TREIBT / TURNT / ÜBT fleißig.
Учитель РАБОТАЕТ / ПИШЕТ / ЗАНИМАЕТСЯ / ТРЕНИРУЕТСЯ прилежно.

Авторы подчеркивают, что «соответствие норме», которое должно соблюдаться при субституции, может быть полным — грамматическим и семантическим, либо частичным — только грамматическим. К одной и той же части речи относятся все подстановки, которые удовлетворяют одному из этих критериев правильности, в том числе и подстановки типа:

Der Lehrer arbeitet fleißig — Der Tisch arbeitet fleißig (Стол работает прилежно).

Возникает, однако, вопрос: в чем заключается грамматическая правильность? Известно, что естественный язык обладает свойством онтологической амбивалентности: с помощью языка мы можем не только описывать действительность, но и строить гипотезы, фантазировать, описывать состояния, недоступные нашему прямому наблюдению. В этом смысле грамматическая правильность означала бы, что выражение может быть осмыслено по отношению к одному из эпистемических возможных миров. В связи с этим иногда говорят о приеме з а к а в ы ч и в а н и я (Б. А. Успенский): взятое в кавычки

слово употребляется метафорически — в новом, иногда необычном для себя значении, иначе говоря — соотносится с иным возможным миром. Поэтому если в результате закавычивания одного или нескольких слов высказывание становится осмысленным (осмысливаемым), это значит, что высказывание обладает грамматической правильностью, которая означает, что есть хотя бы один возможный мир, по отношению к которому оно может истинным или ложным (например, мир нашего воображения), ср.:

Пушкин «получил прописку» в сердцах людей.

Роль кавычек в подобных случаях может выполнять лексический оператор *как бы* или его аналоги: *представим себе, что; допустим; к примеру; условно говоря; условимся* и т.п., ср.:

Пушкин как бы получил прописку в сердцах людей.

Подобным образом могут быть интерпретированы и другие метафорические выражения:

Может быть, в этом есть тень правды. Ср.: *как бы тень правды.*

Анализы насплетничали о скрытой болезни (В. Токарева). Ср.: *как бы насплетничали.*

...И небосвод голубизны зеленой (А. Тарковский). Ср.: *как бы зеленой.*

Изба-старуха челюстью порога жует как бы пахучий мякиш тишины (С. Есенин). Ср.: *как бы челюстью порога как бы жует как бы пахучий как бы мякиш тишины.*

Существительное *тень* в выражении *тень правды* можно рассматривать как результат подстановки в позицию существительного *часть*, ср.:

Может быть, в этом есть часть правды.

Подобную операцию можно произвести и с другими словами: *доля правды, крупница правды, частица правды*. При этом обратим внимание, что лексемы *часть, тень, доля, крупница, частица* обладают однотипной, а именно — партитивной семантикой. Но в позицию существительного может быть подставлена также лексема с иной категориальной семантикой, ср.:

Der Lehrer arbeitet fleißig — Gut arbeitet fleißig (*Хорошо работает прилежно*).

Оказывается, и такое преобразование может быть осмыслено в результате закавычивания, ведь *Gut* — встречаемая немецкая фамилия ('Некто по фамилии Гут работает прилежно'). Если в случае *часть* — *тень* мы имели дело с субституцией, которая базируется на грамматическом тождестве лексем (и тогда подстановка, действительно, свидетельствует об их частеречном единстве), то в случае *der Lehrer* — *gut* замена одной словоформы на другую практически ничем не мотивирована, разве что наличие у обоих знаков плана выражения, которому можно приписать (в силу онтологической амбивалентности языка) любое содержание. На этом основании осмысленными (и, следовательно, грамматически правильными!) следовало бы признать все возможные подстановки, причем не только лексические, но и другие:

Gut arbeitet fleißig — Хорошо работает прилежно.

Zurück arbeitet fleißig — Обрато работает прилежно.

Auch arbeitet fleißig — Также работает прилежно.

Auf arbeitet fleißig — На работает прилежно.

E arbeitet fleißig — Е работает прилежно.

Важнейшим основанием синтаксической субституции считается грамматическая отмеченность фразы. Положение осложняется тем, что многие сочетания формируются без участия грамматики, грамматических значений слова, например, сочетания с примыканием: *работать хорошо*, *учиться хорошо*, *плавать хорошо* и т.д. В этих случаях наша уверенность в том, что данное выражение является правильным или неправильным в разной степени зависит от внеязыковых знаний, иногда даже — от способности фантазировать, преодолевать стереотипы, ср.:

Х работает хорошо.

Х спит хорошо.

Х удивляется хорошо.

Х устает хорошо.

Х болеет хорошо.

Х существует хорошо.

Здесь грамматическая правильность не отделима от семантической, поэтому дать однозначную оценку высказывания с точки зрения отмеченности/неотмеченности достаточно трудно.

Осознавая ограниченные возможности субституции, Г. Хельбиг/Й. Буша используют дополнительно трансформационный метод: единицы одного парадигматического класса должны характеризоваться одинаковыми преобразованиями:

Der Vater kam schnell zurück — Отец быстро вернулся
→ *das schnelle Zurückkommen — быстрое возвращение*
Der Vater kam sofort zurück — Отец сразу вернулся
→ *das sofortige Zurückkommen — немедленное возвращение*
Der Vater kam gesund zurück — Отец вернулся здоровым
→ *der gesunde Vater — здоровый отец*

Приведенные трансформации дают основание для отнесения лексем *schnell*, *sofort* к одному, лексемы *gesund* — к другому лексическому классу.

Последовательно применяемый синтаксический подход, считают Хельбиг/Буша, дает результаты, которые лишь частично соответствуют традиционным классификациям. Так, местоимения и числительные не выделяются как отдельные части речи, потому что у них нет специфических синтаксических функций, а их субститутивные, дистрибутивные и трансформационные характеристики в целом соответствуют характеристикам существительных, прилагательных и артиклей (1988, 21).

Синтаксический критерий классификации слова по частям речи можно понимать по-разному. Например, он может опираться на частоту употребления слова в тексте. Эту идею положила в основу своего исследования М. Зарембина (Zarębina 1970), которая провела сравнительный количественный анализ употребления существительных, глаголов, прилагательных и др. частей речи в языке и в тексте (см. таблицу 18). Материалом для исследования послужила сплошная выборка объемом 10000 словоформ — письменные художественные тексты, а также тексты средств массовой информации.

ТАБЛИЦА 18. УПОТРЕБЛЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ (СОГЛАСНО М. ЗАРЕМБИНОЙ)

Часть речи	Общее количество словоупотреблений	% употреблений в тексте	% употреблений в словнике
Существительное	3037	30,37	44,7
Глагол	1703	17,03	24,7
Местоимение	1290	12,90	2,1
Предлог	1270	12,70	1,1
Прилагательное	954	9,54	16,3
Союз	687	6,87	1,2
Наречие	554	5,54	6,4
Числительное	288	2,88	2,9
Частица	197	1,97	0,3
Междометие	20	0,20	0,3
	10000	100	100

Зарембина строит свое исследование функциональной зависимости между частеречной принадлежностью и частотой слова на показателе частотности (*wykladnik frekwencji*), который получается в результате деления количества словоупотреблений на количество разных слов, хотя, быть может, было бы более удобным осуществить обратную операцию — деления частоты в словнике на частоту в тексте, причем принимая за частоту доли употребления, указанные в столбцах 4 и 5 таблицы 18. Так мы получаем величину, которая означает степень преобладания языковых употреблений над текстовыми. По этому показателю все части речи можно разбить на два класса: 1) величина преобладания больше или приблизительно равна единице; 2) величина преобладания меньше единицы (см. таблицу 19).

ТАБЛИЦА 19. ДЕЛЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ (СОГЛАСНО М. ЗАРЕМБИНОЙ)

Прилагательное $16,30 > 9,54$ (1,71)	Междометие $0,20 < 0,30$ (0,67)
Существительное $44,70 > 30,37$ (1,47)	Союз $1,2 < 6,87$ (0,17)
Глагол $24,70 > 17,03$ (1,45)	Местоимение $2,1 < 12,90$ (0,16)
Числительное $2,88 < 2,9$ (0,99)	Частица $0,3 < 1,97$ (0,15)
Наречие $5,54 < 6,4$ (0,87)	Предлог $1,1 < 12,70$ (0,09)

Уже эти, довольно грубые подсчеты частоты употребления довольно отчетливо выявляют два макрокласса слов, которые в целом соответствуют полнозначным (первый столбец) и служебным (второй столбец) частям речи в традиционной классификации. Полную корреляцию нарушает лишь местоимение, оказавшееся среди грамматически неизменяемых, служебных частей речи. Впрочем, частота как, скорее, метасинтаксическая характеристика в данном случае коррелирует с типовой для каждой части речи семантико-синтаксической функцией: прилагательные, существительные, глаголы, числительные и наречия выступают в семантической структуре высказывания как аргументы и предикаты, для междометий, союзов, местоимений, частиц и предлогов в целом характерна функция операторов.

Обратим внимание на то, что местоимение, в отличие от других операторов, занимает довольно высокий ранг по общему количеству употреблений (а именно — третье место, после существительных и глаголов). Это дает основание ввести новую характеристику — коэффициент мощности, который определяется как арифметическая доля части речи в общем количестве употреблений. Затем коэффициент мощности и величина преобладания перемножаются, полученный в результате этой операции коэффициент регулярности дает более точное представление о частотной характеристике той или иной части речи (см. таблицу 20).

ТАБЛИЦА 20. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ (СОГЛАСНО М. ЗАРЕМБИНОЙ)

Существительное 1,47 / 0,30 (0,44)
Глагол 1,45 / 0,17 (0,25)
Прилагательное 1,71 / 0,09 (0,15)
Наречие 0,87 / 0,06 (0,05)
Числительное 0,99 / 0,03 (0,03)
Местоимение 0,16 / 0,13 (0,021)
Союз 0,17 / 0,07 (0,012)
Междометие 0,67 / 0,01 (0,007)
Частица 0,15 / 0,02 (0,003)
Предлог 0,09 / 0,013 (0,001)

КОММЕНТАРИЙ: первой приводится величина преобладания, затем следует коэффициент мощности, в скобках — коэффициент регулярности.

С введением коэффициента регулярности общая градация частей речи существенно не меняется, за исключением, пожалуй, лишь местоиме-

ний, которые повышают свой ранг и оказываются как бы на границе между номинативными, другими словами, репрезентативными частями речи (в высказывании — предикатами и аргументами) и нерепрезентативными частями речи (в высказывании — операторами).

Хотя рассмотренная здесь процедура и не представляет собой формирования частей речи по синтаксическим признакам — здесь, скорее, устанавливаются соответствия между традиционными частеречными характеристиками и функционально-синтаксическими признаками лексических классов, тем менее доказывает безусловную полезность синтаксического подхода, во всяком случае — как способа уточнения морфологической и лексико-семантической классификаций.

5.1.3.1. Классификация А. Я. Шайкевича

Рассмотрим опыт дистрибутивной классификации частей речи в английском языке А. Я. Шайкевича (1980). Автор различает искусственные и естественные классификации. В первом случае на множество объектов накладывается определяемая исследователем концептуальная сеть, что позволяет разделить множество на подмножества. При естественной классификации фактор интуиции исследователя сведен к минимуму. Шайкевич пишет:

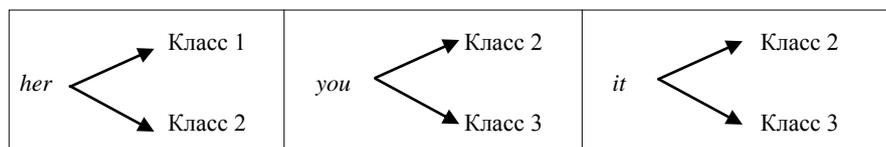
Части речи античных грамматик во многом похожи на естественные классы, но как и всякие естественные классы, они смущали умы логиков и грамматистов отсутствием единого принципа деления. Многие бились над тем, чтобы сохранить старые части речи, заключив их в рамки искусственной многосторонней классификации, либо создать новую систематику частей речи, опираясь на новые принципы деления. По многим причинам ни тот, ни другой путь не привели пока к результатам, приемлемым для большинства лингвистов. Старые классификации не укладывались в логические формы, а новые классификации поражали своей необычностью (1980, 345).

Задачу естественной классификации частей речи Шайкевич видит в том, чтобы для большого числа слов по их лексическому окружению (сочетаемости) в тексте (принимая во внимание два слова слева и два слова справа) выделить дистрибутивные классы, т.е. классы по общности сочетаемости. Исследуемый корпус состоит из 251 слова из комедий Шекспира. Строятся две матрицы с числом строк и столбцов, равным числу рассматриваемых слов (т.е. так называемое декартово произведение). Строки матрицы соответствуют слову, находящемуся

в тексте слева, а столбцы — находящемуся справа. Вторая матрица содержит ту же информацию для пар слов, разделенных третьих словом. На пересечении столбца и строки записывается количественная величина, соответствующая частоте совместного употребления каждой лексической пары. К этим величинам применяется статистическая обработка, например, определяется коэффициент корреляции. Группы слов, характеризующиеся наивысшим коэффициентом корреляции, рассматриваются как части речи:

1. приименные детерминативы: *a, an, another, the, any, each, every, her, his* и др.;
2. объектные местоимения: *her, him, it, me, thee, them, us, you* и др.;
3. субъектные местоимения: *he, I, she, there, they, we, you* и др.;
4. союзы и союзные слова: *as, ere, how, if, indeed, lest, that, till, what* и др.;
5. модальные, флективные и инфинитивные глаголы;
6. предлоги: *about, above, after, at, before, by, for, from* и др.;
7. пассивные причастия: *been, done, forsworn, found, given, got, known* и др.;
8. слова степени: *far, long, many, much, often* и др.;
9. существительные: *boy, brother, day, duke* и др.;
10. прилагательные: *best, dear, fair, first* и др.;
11. компаративы: *better, further, less, longer* и др.

К сожалению, не удастся избежать явления многозначности: некоторые классы пересекаются, ср.:

Подобные случаи могут интерпретированы по-разному: либо следует признать существование переходных (гибридных) классов, либо — существование омонимичных единиц, которые нейтрализуют отдельные оппозиции. Шайкевич считает возможным применение обоих решений: если в конкретном употреблении слово одновременно обладает признаками двух классов, то надо отдать предпочтение первой гипотезе; если же слово обладает признаками либо одного, либо другого класса (как, например, *you*), следует остановиться на второй трактовке.

5.1.3.2. Классификация Ц. Перникарского

Дистрибутивный анализ — яркий пример функционального подхода в лингвистике, ведь характеристика слова по его сочетаемости — одна из его функций, а именно — дистрибутивная функция, область значения которой составляет множество синтагматических партнеров данной единицы. Дистрибутивная функция может определяться для первичных элементов, например, при анализе лексики — слов (как это наблюдается в дистрибутивно-статистическом анализе), но она может определяться и для множеств. В последнем случае внимание исследователя направлено на то, как сочетаются друг с другом единицы определенных категорий. Именно такова по своему содержанию лингвистическая концепция, предложенная в известного польского лингвиста работе: Piernikarski 1990. Автор скептически относится к реистическим доктринам в языкознании, например, критикует ориентированную на логическую семантику польскую академическую Грамматику 1984 года (Topolińska 1984; Grzegorzycykowa/Laskowski/Wróbel 1984). Но Перникарский отказывается и от радикальных дескриптивистских теорий, которые целиком замыкаются на анализе языковых сочетаемостей. Он рассматривает дистрибуцию слов в аспекте их категориальной принадлежности, как представителей определенных семантических категорий. Так, сочетания типа

te wszystkie trzy szklanki wody — все эти три стакана воды

интересны, по мнению ученого, как возможность объединения в одной синтагме оператора референтности, оператора квантификации, оператора числа, оператора меры, а также существительного с предметной номинацией (1990, 81 сл.). Учитывая категориальную сочетаемость, все лексемы можно разбить на четыре класса: S, AdS, V, AdV, которые лишь частично соответствуют традиционным существительным, глаголам, наречиям и прилагательным. В основу классификации частей речи Перникарский кладет принятое в польской грамматической традиции (и восходящее к К. Бюлеру) понятие коннотации — структурно-синтаксической обусловленности одного члена предложения другим (в чешской лингвистической традиции принят термин *глагольная интенция*, см. Мразек 1964, 51). Так, прилагательное коннотирует существительное, потому что наличие первого обычно предусматривает наличие второго.

ТАБЛИЦА 21. КОННОТАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
(СОГЛАСНО Ц. ПЕРНИКАРСКОМУ)

S	1. Может выступать как самостоятельный член предложения. 2. Факультативно коннотирует AdS.
AdS	Обязательно коннотирует S.
V	1. Факультативно коннотирует AdV. 2. Связан с категорией наклонения.
AdV	Обязательно коннотирует V.

Основные четыре класса далее дробятся на подклассы, ср. класс V (ibidem, 129 ссл.):

1. В первичной функции связаны с формальным субъектом.
  - 1.1. Синтетический способ выражения грамматических категорий.
    - 1.1.1. Могут выступать отдельно от других V.
      - 1.1.1.1. Изменяются: *pisać* — *писать*, *malować* — *рисовать*.
      - 1.1.1.2. Не изменяются: *bęc*, *buch*, *fr*.
    - 1.1.2. Могут выступать вместе с другими V: *widzieć* — *видеть* (*Jan widzi, jak Wojtek maluje*).
    - 1.1.3. Имплицируют другой V.
      - 1.1.3.1. Сочетаются с AdV без ограничений: *zadecydować*, *postanowić* — *решишь*.
      - 1.1.3.2. Сочетаются с AdV с ограничениями: *przypuszczać* — *допускать*, *wątpić* — *сомневаться*, *sądzić* — *считать*.
  - 1.2. Аналитический способ выражения грамматических категорий.
    - 1.2.1. Могут выступать без других V.
      - 1.2.1.1. В конструкциях типа V+S: *mieć (wpływ)*, *wywierać (wpływ)* — *иметь (влияние)*.
      - 1.2.1.2. В конструкциях типа V+AdS: *jest (zdrow)* — *здоров*.
    - 1.2.2. Могут выступать вместе с другими V: *przekazywać (wiadomość)* — *передавать (известие)*.
    - 1.2.3. Имплицируют другой V: *podjąć (decyzję)*, *powziąć (postanowienie)* — *принять (решение)*.
2. В первичной функции не связаны с формальным субъектом.
  - 2.1. Синтетический способ выражения грамматических категорий: *dnieć* — *светлеть*, *trzczyć się* — *смеркаться*.
  - 2.2. Аналитический способ выражения грамматических категорий.
    - 2.2.1. Могут выступать отдельно от других V: *rochmurno* — *пасмурно*, *bidno* — *скудно*, *biało* — *белого цвета*.

- 2.2.2. Могут выступать вместе с другими V: *widać* — видно, *czuć* — слышно.
- 2.2.3. Имплицируют другой V: *miło* (*mi, że...*) — приятно (*мне, что...*), *przysłono* (*że...*) — жалко (*что...*), *dziw* (*że*) — удивительно (*что...*).

Дистрибутивно-семантические классы, как уже отмечалось, лишь частично совпадают с традиционным делением на части речи. Так, фазовые и модальные глаголы, имеющие, как и AdV, глагольную коннотацию (*chce/zaczyna/dobrze pisać* — *хочет/начинает/хорошо писать*), Перникарский относит к классу AdV, т.е. объединяет с традиционными наречиями. К классу AdS, помимо прилагательных, относятся количественные и порядковые числительные, причастия и мензуративные существительные (со значением меры).

Перникарский оставляет вне поля зрения практически все служебные слова, для описания которых критерий коннотации оказывается непригодным. Отчасти это объясняется тем, что Перникарский рассматривал только лексемы — номинативные единицы. Разного рода соединители (*łączniki*), которые выполняют не номинативную, а синтаксическую функцию и которые могут быть морфемными (аффиксы) или лексическими (служебные слова) составляют отдельный макроклас (ibidem, 36 сл.).

Нельзя не отметить логического противоречия в определении основных четырех категорий S, AdS, V, AdV, например: «S факультативно коннотирует AdS» и «AdS обязательно коннотирует S» — налицо логический круг толкования. К тому же признак ‘обязательно коннотирует S’ не является для AdS очевидным, и Перникарский сам отмечает, что имеются случаи опосредованной связи (*pośredniego powiązania*), например, в выражениях типа *Dom jest wysoki* — *Дом высокий*.

5.1.3.3. Классификация М. Гроховского

Функционально-синтаксические признаки играют важнейшую роль в классификации служебных слов, которую предложил известный польский языковед М. Гроховский (Grochowski (1986; 1997; в общих чертах эту классификацию повторила В. Малджиева (Maldjieva 1995). Критерии классификации Гроховский представляет в виде системы признаков (1997, 12 сл.):

1. Самостоятельно функционируют как высказывания.
  - 1.1. Не зависят от вербального контекста (А).
  - 1.2. Зависят от вербального контекста (В).
2. Самостоятельно не функционируют как высказывания.
  - 2.1. Имеют соединительную функцию.
    - 2.1.1. Управляют падежными формами (С).
    - 2.1.2. Не управляют падежными формами.
    - 2.1.3. Занимают синтаксическую позицию компонента одного из связанных выражений (D).
    - 2.1.4. Не занимают синтаксическую позицию компонента одного из связанных выражений (Е).
  - 2.2. Не имеют соединительной функции.
    - 2.2.1. Имеют нефиксированную линейную позицию в высказывании.
      - 2.2.1.1. Могут вступать в синтаксические отношения с существительным (F).
      - 2.2.1.2. Не могут вступать в синтаксические отношения с существительным (G).
    - 2.2.2. Имеют фиксированную линейную позицию в высказывании.
      - 2.2.2.1. Могут вступать в синтаксические отношения с глаголом.
        - 2.2.2.1.1. Определяют некоторые грамматические формы глагола (H).
        - 2.2.2.1.2. Не определяют грамматических форм глагола (I).
      - 2.2.2.2. Не могут вступать в синтаксические отношения с глаголом.
        - 2.2.2.2.1. Способны вступать в синтаксические отношения с числительным (J).
        - 2.2.2.2.2. Способны вступать в синтаксические отношения с существительным (K).

Буквенные символы обозначают классы:

А — междометия (*cip-cip, fuj, precz* и др.)

В — слова-предложения (*no, owszem, tak* и др.)

С — предлоги (*do, na, wobec* и др.)

D — союзные слова — *relatory* (*gdziekolwiek, którędy, skąd* и др.)

Е — союзы (*czyli, jeśli, zanim* и др.)

F — частицы (*nawet, tylko, zwłaszcza* и др.)

- G — наречия (*coraz, dotychczas, teraz* и др.)
H — операторы наклонения (*niech, oby, żeby* и др.)
I — декларативные модификаторы (*ależ, czy, gdzież* и др.)
J — денумеративные операторы (*niespełna, około, przeszło* и др.)
K — десубстантивные операторы (*tuż, wprost, zaraz* и др.)

В основе данной классификации лежит дистрибутивно-семантический критерий, ср. такие признаки, как 2.2.2.2.1 или 2.2.2.2.2, где конкретный класс неизменяемых слов определяется в зависимости от его сочетаемости с теми или иными традиционными частями речи.

Гроховский исходит из принципа минимального описания, при котором для характеристики объекта используются те и только те признаки, которых достаточно для установления его значимости в системе. При этом считается, что значимость может быть позитивной или негативной. Перечислим все признаки, которыми Гроховский характеризует, к примеру, класс I — «декларативные модификаторы»:

1. Самостоятельно НЕ функционируют как высказывания.
2. НЕ имеют соединительной функции.
3. Имеют фиксированную позицию в высказывании.
4. Могут вступать в синтаксические отношения с глаголом.
5. НЕ определяют грамматических форм глагола.

Здесь специально выделена отрицательная частица *nie* в определении: из пяти признаков данного класса три оказываются отрицательно определенными (в версии этой классификации 1986 года все пять признаков были отрицательными!). Что же касается позитивного содержания декларативных модификаторов, то оно сводится к фиксированной позиции в высказывании и синтаксическим отношениям с глаголами. Чисто «техническая» функция классификации сомнений не вызывает, но признаки, которыми характеризуется тот или иной класс зачастую оказываются бессодержательными, ведь сущность декларативных модификаторов не в том, что они занимают фиксированную позицию в высказывании и сочетаются с глаголами, а в том, что они определенным образом преобразуют прагматическую функцию высказывания. Классификация, таким образом, оказывается оторванной от объективной функциональной характеристики лексем (на что обращает внимание также А. Авдеев, см. Awdiejew 2004, ссл.). Так, частицы — в классификации Гроховского — обладают признаками неизменяемых слов, которые не функционируют как высказывания, не имеют соединительной функции и могут вступать в синтакси-

ческие отношения с существительным. Но в лексикографическом описании частиц, которое Гроховский приводит в своей работе, этих характеристик нет, зато, например, о частице *akurat* ‘как раз’ автор пишет как о «показателе тематизации высказывания», о частице *bodaj* ‘пожалуй’ — как о «показателе отношения говорящего к истинности сообщения», о частице *chociaż* ‘хотя’ — как о «показателе предельности и оценки» и т.д. (1997, 49 ссл.).

5.1.3.4. Классификация Ю. А. Левицкого

Заслуживает внимания также опыт функционально-семантической классификации Ю. А. Левицкого (1987). Автор критически относится к стремлению любыми средствами, пусть даже по случайным признакам распределить слова по частеречным ячейкам. Левицкий исходит из предпосылки, согласно которой классификация частей речи должна отражать существенные, объективно проявляющиеся в речи свойства языковых знаков. При этом, по его мнению, нет нужды отказываться от имеющийся традиционной системы частей речи, она лишь требует корректировки и, главное, логико-семантической интерпретации. Левицкий ставит акцент на функциональном характере частеречной классификации:

Для того, чтобы учесть все реальные языковые явления, в основу ее (классификации. — А.К.) должен быть положен прежде всего функциональный признак. При этом под функцией следует понимать роль слова (класса слов) не в составе предложения (синтаксическая функция), а роль его в процессе коммуникации (1987, 37).

Для определения частей речи Левицкий использует довольно сложную систему функциональных признаков. Всего Левицкий выделяет 27 частей речи.

1. Функционально самостоятельные (полнозначные) слова.
  - 1.1. Слова-наименования.
    - 1.1.1. Названия предметов — СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.
    - 1.1.2. Названия признаков.
      - 1.1.2.1. Названия процессуальных признаков — ГЛАГОЛЫ.
      - 1.1.2.2. Названия статичных признаков.
        - 1.1.2.2.1. Названия предметных признаков — ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

- 1.1.2.2.2. Названия непредметных признаков — НАРЕЧИЯ.
  - 1.2. Указательно-заместительные слова.
    - 1.2.1. Указатели.
      - 1.2.1.1. Указатели партнеров коммуникации.
        - 1.2.1.1.1. Указатели говорящего — I ЛИЦО.
        - 1.2.1.1.2. Указатели слушающего — II ЛИЦО.
      - 1.2.1.2. Указатели компонентов ситуации.
        - 1.2.1.2.1. Указатели компонентов ситуации сферы говорящего — *это, здесь, теперь, сейчас*.
        - 1.2.1.2.2. Указатели компонентов ситуации вне сферы говорящего — *то, там, тогда (не сейчас)*.
    - 1.2.2. Заместители.
      - 1.2.2.1. Заместители слов.
        - 1.2.2.1.1. Заместители существительного.
        - 1.2.2.1.2. Заместители глагола.
        - 1.2.2.1.3. Заместители прилагательного.
        - 1.2.2.1.4. Заместители наречия.
        - 1.2.2.1.5. Заместители предложений.
          - 1.2.2.1.5.1. Зависимые заместители предложений — *что, который* и т.п.
          - 1.2.2.1.5.2. Независимые заместители предложений.
            - 1.2.2.1.5.2.1. Категорические — *да, нет*.
            - 1.2.2.1.5.2.2. Некатегорические.
              - 1.2.2.1.5.2.2.1. Эмоциональные — МЕЖДОМЕТИЯ.
              - 1.2.2.1.5.2.2.2. Неэмоциональные — МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА.
      - 1.2.2.1.5.2. Независимые заместители предложений.
        - 1.2.2.1.5.2.1. Категорические — *да, нет*.
        - 1.2.2.1.5.2.2. Некатегорические.
          - 1.2.2.1.5.2.2.1. Эмоциональные — МЕЖДОМЕТИЯ.
          - 1.2.2.1.5.2.2.2. Неэмоциональные — МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА.
2. Функционально несамостоятельные (служебные) слова.
  - 2.1. Уточняющие (модификаторы).
    - 2.1.1. Неграмматические — ЧАСТИЦЫ.
    - 2.1.2. Грамматические (маркеры).
      - 2.1.2.1. Маркеры, не выражающие зависимости.
        - 2.1.2.1.1. Неглагольные маркеры.
          - 2.1.2.1.1.1. Определители.
            - 2.1.2.1.1.1.1. Идентификаторы — ОПРЕДЕЛЕННЫЕ АРТИКЛИ, ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ, УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ, ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.

- 2.1.2.1.1.1.2. Квантификаторы — НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ АРТИКЛИ, НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ, КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.
- 2.1.2.1.1.2. Трансляторы — СВЯЗОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ.
- 2.1.2.1.2. Глагольные маркеры.
  - 2.1.2.1.2.1. Форманты — ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ.
  - 2.1.2.1.2.2. Операторы.
    - 2.1.2.1.2.2.1. Аспектно-фазисные — АСПЕКТНЫЕ (ФАЗИСНЫЕ) ГЛАГОЛЫ.
    - 2.1.2.1.2.2.2. Модальные — МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ.
- 2.1.2.2. Маркеры, выражающие зависимость.
  - 2.1.2.2.1. В простом предложении — ПРЕДЛОГИ.
  - 2.1.2.2.2. В сложном предложении — ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.
- 2.2. Соединяющие (коннекторы).
  - 2.2.1. Специфичные — МОДАЛЬНЫЕ, ВВОДНЫЕ СЛОВА.
  - 2.2.2. Универсальные — СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.

Приведенная классификация, является, пожалуй, наиболее полной из известных (по крайней мере в русском языкознании). Ее достоинство состоит также в том, что при делении слов на части речи довольно последовательно используется функциональный подход, что позволяет Левицкому провести детальную типологию служебных слов.

К сожалению, не все известные грамматические разряды слов можно идентифицировать с тем или иным классом в модели Левицкого — например, это касается обобщающих, вопросительных, возвратных местоимений. Не ясно, как следовало бы поступить с существительными, глаголами, прилагательными и наречиями, которые обладают семантикой квантификаторов (см.: Киклевич 1998, 116), речь идет о словах *часть, половина, существует, встречается, имеется, частичный, всегдашний, постоянно, насквозь, настежь, наглухо* и др. С другой стороны, если, например, лексема *часть* относится к классу существительных — функционально самостоятельных слов, то неясно, почему количественные числительные и неопределенные местоимения, выполняющие в высказывании ту же категориальную функцию, получают у Левицкого другую характеристику.

Требует дополнительного комментария и то, почему модальные слова отнесены к трем различным классам: классу 2.1.2.1.2.2.2, классу 1.2.2.2.2.2.2 и классу 2.2.1. Если классификация, действительно, ориентирована на функциональные признаки, все модальные слова, независимо от их морфологических характеристик, должны находиться в одной парадигматической группе.

Дискуссионным является также вопрос о том, что определенный артикль причисляется к классу квантификаторов — количественная функция артикля является так или иначе вторичной. Класс субститутов кажется чрезмерно расширенным. К примеру, слова *да*, *нет* не являются, скорее всего, субститутивными, во всяком случае они могут быть интерпретированы как операторы эпистемической или деонтической модальности со значениями 'верно', 'неверно', 'согласен', 'не согласен' и др., ср.:

— *Иван приехал?*

— *Да, приехал.*

Декларируемый автором функционально-коммуникативный подход, к сожалению, соблюдается не всегда достаточно строго. Например, противопоставление полных и служебных слов основано на их способности/неспособности «выступать в качестве отдельного члена предложения» (1987, 41), но, как было показано в предыдущих разделах, члены предложения отчасти определяются на морфологической основе, что создает логический круг в определении обеих категорий.

5.1.3.5. Классификация П. В. Чеснокова

П. В. Чесноков (1992) в основу своей концепции грамматических классов положил идею о том, что сущность частей речи — не в характеристике обозначаемых реалий, а в том, как достигается указание на то или иное явление, какой «форме отражения фактов объективной действительности» она соответствует. Именно этот аспект содержания слова и составляет ядро категориальной семантики каждой части речи. Чесноков пишет, что конкретные характеристики категориальных значений «недостаточны и нуждаются в уточнении». Например, функцию носителя признака может выполнять не только существительное, но и глагол, ср.:

Орлиный полет величествен.

Орел летит величественно.

Поэтому существительные должны быть квалифицированы как первичные носители признака и противопоставляться глаголам и прилагательным, которые способны выступать в качестве вторичного носителя признака. Чесноков подчеркивает, что

при сходном [...] семантическом содержании слова разных частей речи различаются способом представления этого содержания, иначе говоря, формой его осмысления (1992, 94).

В зависимости от степени «самостоятельности отражаемого содержания» все слова делятся на две, уже довольно хорошо нам знакомые группы: структурно самостоятельные, или полнозначные, и несамостоятельные, или служебные. Чесноков и здесь подчеркивает, что различие между полнозначными и служебными словами состоит «не в объективном содержании, а в форме его отражения», что

доказывается возможностью выражения одного и того же содержания как служебными, так и структурно-самостоятельными словами (ср.: *Он отсутствовал из-за болезни* и *Его отсутствие было обусловлено болезнью*; *Он работал и пел* и *Пенье сопровождало его работу*; *Он не придет* и *Его приход исключается*) (ibidem, 94).

Служебные слова делятся на два больших класса: 1) частицы — обладающие семейной оценкой отношения предметов с точки зрения его наличия/отсутствия и 2) все прочие служебные слова — обладающие семейной оценкой отношения как такового. Слова второго класса различаются смысловым отношением, которое направлено «в сторону содержания того структурно самостоятельного компонента, к которому присоединяется служебное слово, или от него». Первое отношение Чесноков называет прямым, второе — обратным (ibidem, 95). Компонент, от которого исходит отношение, называется референтом, а компонент, к которому оно направлено, — релатом.

Чесноков выделяет пять видов служебных слов:

1. связка;
2. обратную связку;
3. подчинительный предложно-союзный компонент (объединяющий предлоги и подчинительные союзы);
4. сочинительный союз;
5. модальные служебные слова (ibidem, 96).

Связка, как указывает автор, раскрывает отношение тождества, направленное от «стержневого» компонента к зависимому — релату (связка структурно связка именно с последним). Так, в словосочета-

нии *специалист, являющийся (ставший) руководителем*, выражается отношение (а именно — отношение тождества) специалиста к руководителю.

Обратная связка указывает на отношение тождества, которое направлено от того референта — компонента, к которому она структурно присоединяется. Обратными связками Чесноков называет слова *то есть, или* (в значении *то есть*), *именно (а именно), в частности, в особенности (особенно)* и др.

Подчинительный предложно-союзный компонент, объединяющий предлоги и подчинительные союзы, служит для выражения прямого отношения, направленного от содержания стержневого компонента, являющегося референтом, к содержанию зависимого компонента, являющегося релатом. В высказывании

Дети идут в лес

предлог раскрывает «локальное отношение» действия к лесу, причем, отмечает Чесноков,

это отношение является внешним для содержания стержневого слова *идут*, так как оно не представляет собой собственной характеристики движения (движение не есть его локальное отношение к предмету) (ibidem, 98).

Очередной класс служебных слов составляют сочинительные союзы, которые объединяются по признакам структурной несамостоятельности, внешнего отношения и его обратной направленности (по Чеснокову, сочинительный союз структурно объединен с референтом).

Модальные служебные слова (*пожалуй, вероятно, разумеется* и др.) «воспроизводят» отношение степени соответствия логического предиката логическому субъекту, другими словами — «достоверности мысли». Слова этого класса структурно объединяются с логическим предикатом — референтом логического отношения, поэтому выражаемое ими отношение характеризуется обратной направленностью. Модальные служебные слова, подчеркивает Чесноков, «органически включаются в структуру предложения», поэтому их следует отличать от всех видов модальных и прочих оценочных слов, которые не входят в структуру предложения. Чесноков даже обращает внимание на то, что в связи с функциональной природой модальных служебных слов их традиционное выделение на письме запятыми «нельзя считать оправданным» (ibidem, 99).

Обратим внимание на то, что классификация Чеснокова по своей природе глубоко функциональна, ведь автор подчеркивает:

Различия, между структурно несамостоятельными (служебными) и структурно самостоятельными словами устанавливаются на основе их роли и места в структуре более крупных строений (ibidem, 99).

Структурно самостоятельные слова делятся на два типа: 1) изолированные и 2) знаменательные, или части речи в узком смысле слова. Изолированные слова выражают понятийные единицы, способные «выступать в определенном смысловом отношении к какому-либо иному содержанию». Важная особенность этих слов в том, что они «образуют самостоятельный коммуникативный акт», содержащий оценку другого высказывания или описываемого им события. В речи единицы этого класса представлены вводными словами или «коммуникативно неполными предложениями», например:

Зайти, жаль, нет времени.

С точки зрения охвата отражаемого содержания изолированные слова делятся на мыслительно-оценочные и эмоционально-волевые оценочные, или междометия. Мыслительно-оценочные слова выступают в качестве ремы,

воплощающей в себе логический предикат коммуникативно-мыслительного акта, наслаивающегося на оцениваемый коммуникативно-мыслительный акт, содержание или форма (способ выражения) которого в целом играет роль темы-субъекта для этого наслаивающегося оценивающего коммуникативно-мыслительного акта (ibidem, 101).

Чесноков предлагает следующие толкования некоторых модально-оценочных предикатов: *жаль* = ‘имеет место сожаление’, *короче* = ‘состоит краткий итог сказанного раньше’, *по-моему* = ‘состоит мое мнение’, *да* = ‘имеет место утверждение’, *нет* = ‘имеет место отрицание’, *конечно* = ‘имеет место уверенное допущение реальности’, *вероятно* = ‘имеет место предположительное допущение реальности’ и т.д. С учетом этих толкований соответствующим образом интерпретируются и высказывания с модально-оценочными словами (1992, 102):

Зайти, жаль, времени нет = ‘По поводу того факта, что зайти нет времени, имеет место сожаление’.

По-моему, нужно повернуть направо = 'В утверждении *Нужно повернуть направо* состоит мое мнение'.

Короче, мы опоздали на целые сутки = 'В предложении *Мы опоздали на целые сутки* состоит краткий итог сказанного выше'.

Чесноков подчеркивает, что мыслительно-оценочные слова могут заключать в себе не только оценку самого объективного факта, отраженного в содержании предложения, но и оценку формы (способа) изложения, оценку соотношения между частями повествования, оценку содержания предложения (например, со стороны его авторства), оценку высказывания со стороны его достоверности, степени уверенности и т.д.

Мыслительно-оценочные слова с семантикой достоверности являются по своему содержанию модальными, но модальные изолированные слова как структурно самостоятельные предикатные компоненты Чесноков отличает от омонимичных им служебных модальных слов (см. выше).

Таким образом, категориальное значение мыслительно-оценочных изолированных слов включает признаки: структурная самостоятельность, семантическая изолированность, смысловая оценка и обратная направленность смыслового отношения.

Другой подкласс изолированных слов составляют междометия, общая семантика которых состоит в «выявлении эмоциональных состояний или волевых импульсов», ср.: *ах, уввы, эй, ну* (*ibidem*, 103). Чесноков отмечает, что в содержание междометий входит также незначительный «смысловой элемент», иначе «содержание междометий было бы недоступно сознанию тех людей, которые в момент их восприятия не испытывают соответствующих эмоционально-волевых состояний». Ср. некоторые толкования:

(при виде красивой картины) *Ах!* = 'По отношению к воспринимаемой картине испытывается восторг'.

Уввы! = 'По поводу событий, изображенных в контексте, испытывается сожаление'.

(как призыв подойти) *Эй!* = 'Тебе следует подойти'.

Слова, относящиеся к собственно частям речи, характеризуются структурной самостоятельностью и «структурной семантической соединимостью с однопорядковыми языковыми единицами». Чесноков предлагает изначально для классификации собственно частей речи ввести два различных критерия и сохранять их «на протяжении всей классификации с постепенной детализацией каждого из них, что должно привести к многоступенчатому распределению слов по клас-

сам» (1992, 105). Этими признаками являются: 1) характер охвата основного содержания; 2) характер охвата отношений этого содержания.

По первому признаку знаменательные слова делятся на имена (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, слова категории состояния) и глаголы.

Имена отражают факты действительности в их наличии (бытии, существовании), глаголы отражают факты действительности в их проявлении (ibidem, 105).

Деление глаголов на личные и безличные (*Темнеет — Небо темнеет*) Чесноков интерпретирует так: в первом предложении с помощью безличного глагола «отображается проявление темноты в ее бытии (в ее становлении)», а во втором «мы изображаем не проявление признака темноты как такового в его становлении, а проявление неба в признаке темноты».

Имена по признаку достаточности/недостаточности содержания делятся на два класса: собственно имена и местоимения. Местоимения обладают «очень обобщенным бедным содержанием», которое обогащается в речевых и ситуативных контекстах.

Собственно имена и местоимения далее подразделяются на качественные и количественные слова. К качественным собственно именам относятся существительные (*человек, победа*), прилагательные (*новый, добрый*), наречия неместоименного характера (*быстро, дома, ласково*) и слова категории состояния (*можно, холодно*). Количественные собственно имена объединяют определенно-количественные и собирательные числительные (*пять, сто, оба, трое*), порядковые числительные с определенным значением (*третий, сотый*) и наречия неместоименного характера с определенным количественным значением (*дважды, втроем*). Слов категории состояния с количественным значением, определенным или неопределенным, отмечает Чесноков, в русском языке нет, «хотя теоретически они представляются возможными».

К качественным местоимениям относятся субстантивные качественные местоимения (*я, он, никто, что-то*), адъективно-качественные местоимения (*этот, наш, такой*), качественно-местоименные наречия (*там, тогда, по-твоему*), качественно-местоименные слова категории состояния (*как, так, каково, таково*). В состав количественных местоимений Чесноков включает субстантивно-количественные местоимения (*много, все, многие — Все молчали, Многие пришли с детьми*), адъективно-количественные местоимения,

(*все, некоторые — все студенты, некоторые представители*), количественно-местоименные наречия (*много, мало, сколько*).

Глагол в русском языке не представлен подклассом с признаком содержательной недостаточности (хотя в языках мира он встречается). Нет в сфере глагола и четкой оппозиций качественной и количественной семантики, как пишет Чесноков, «в русском языке нет глаголов, которые выражали бы идею проявления чего-то в виде определенного количества» (*ibidem*, 109).

По характеру охвата отношений основного содержания все знаменательные слова делятся на субстантивные и несубстантивные.

Первые характеризуются отсутствием в их категориальном значении семы отношения их основного содержания к содержанию других единиц, вторые — наличием этой семы (*ibidem*, 109).

Субстантивные слова отражают факты действительности «сами по себе», вне отношения к другим фактам, и обладают способностью сочетаться с другими словами с помощью своих категориальных значений. Несубстантивные слова отражают объекты «как соотносенные с другими фактами, в силу чего именно их категориальные значения позволяют соединить их с другими словами в одном синтагматическом ряду». Эта характеристика отчасти напоминает упомянутую ранее коннотацию: в слове *смелый*, как указывает Чесноков, уже содержится идея отношения между признаком и его носителем, в слове *быстро* — идея отношения действия к признаку. Автор отмечает, что и субстантивные слова могут выражать отношения, но исключительно с помощью своих грамматических значений (например, в словосочетании *кабинет отца* отношение принадлежности выражается родительным падежом).

С учетом признаков характера охвата основного содержания и характера охвата отношений все части речи классифицируются так, как показано в таблице 22.

ТАБЛИЦА 22. КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛНОЗНАЧНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
(по П. В. ЧЕСНОКОВУ)

По характеру охвата основного содержания		По характеру охвата отношений				
		Субстантивные слова	Несубстантивные слова			
			С прямой направленностью отношений		С обратной направленностью отношений	
		С внутренними отношениями	С внешними отношениями			
Имена	Собственно имена	Качественные собственнo имена	Существительные: <i>человек, отвага, полет</i>	Прилагательные: <i>новый, смелый, добр</i>	Качественные наречия: <i>домой, впереди, быстро</i>	Именные слова категории состояния: <i>стыдно, нельзя</i>
		Количеств. собственнo имена	Определенно-количественные числительные: <i>пять</i>	Порядковые числительные: <i>третий, сотый, двадцатый</i>	Определенно-количественные наречия: <i>дважды, вчетвером</i>	
	Местоимения	Качественные местоимения	Субстантивно-качественные местоимения: <i>я, кто-то, никто</i>	Адъективно-качественные местоимения: <i>мой, этот, такой, таков</i>	Качественно-местоименные наречия: <i>там, по-моему, когда-то</i>	Местоименные слова категории состояния: — <i>Как у вас?</i>
		Количеств. местоимения	Субстантивно-количественные местоимения: <i>много (студентов), несколько (городов), все (пришли)</i>	Адъективно-количественные местоимения: <i>все (люди), некоторые (книги), в котором (году)</i>	Количественно-местоименные наречия: <i>много (работал), сколько (весит)</i>	
Глаголы	Без семы предикативности	Инфинитив: <i>бежать, петь</i>	Причастие: <i>идущий, написанный</i>	Деепричастие: <i>смеясь, входя</i>		
	С семой предикативности		Личный финитивный глагол: <i>бегу</i>		Безличный финитивный глагол: <i>светает</i>	

В класс субстантивных слов попадают не только существительные, но и количественные выражения *пять, сто, много (студентов), все (пришли)*. С другой стороны, выражения *все (люди), много (работал), сколько (весит)* Чесноков относит к несубстантивным словам. Такая трактовка представляется небесспорной, потому что независимо от синтагматического контекста количественные выражения выступают в качестве определителей существительных, а точнее — аргументов высказывания, что относится и к словам, которые Чесноков квалифицирует как «количественно-местоименные наречия», ср.: *много работал* → *много времени отдавал работе*; *сколько весит* → *сколько граммов / килограммов весит*.

Сам критерий противопоставления субстантивных и несубстантивных слов — «сема отношения их основного содержания к содержанию других единиц», представляется недостаточно строгим и, может быть, недостаточно обоснованным, ведь так называемые анафорические субстантивные местоимения *он, она, оно, они* не отражают фактов действительности «сами по себе», как это требуется от субстантивных слов, а только благодаря отношению кореферентности в тексте, поэтому у Чеснокова неверно одно из двух: либо личные и возвратные местоимения не являются (с функциональной точки зрения) субстантивными, либо критерий выделения субстантивных слов определен неправильно.

Несубстантивные слова подразделяются на два класса в зависимости от «направленности отношения, отражаемого в их категориальном значении» (*ibidem*, 110). Так, прилагательные выражают прямую направленность отношения, например, в сочетании *добрый человек* — от словоформы *человек* к словоформе *добрый*, что Чесноков квалифицирует как «обладание человека добротой». Автор подчеркивает:

Если бы мы хотели выразить обратное отношение — принадлежность признака доброты человеку, мы бы сказали *доброта человека* (– *Чья доброта? — Человека*). Но в этом случае отношение выражалось бы словоформой *человека* (*ibidem*, 110 сл.).

В подкласс слов с обратной направленностью отношения (от содержания этих слов к какому-либо иному содержанию) входят слова категории состояния и безличные финитные глаголы, которые выражают семантику экзистенциальности «как отношение предмета или явления к определенному месту и определенному времени».

Слова с прямой направленностью отношения делятся на две группы: 1) слова, раскрывающие внутренние отношения; 2) слова, вы-

являющие внешние отношения. Чесноков пишет, что этот критерий классификации зависит от «общего характера самих отношений, их общего содержания» (*ibidem*, 112), хотя следует признать, что критерий этот остается недостаточно определенным. Чесноков пишет:

Если мы хотим соблюсти логическую последовательность в выделении, конкретных частей речи, т.е. выделить их на одном уровне деления (и обобщения) знаменательных слов, а именно том уровне, на котором выделяются существительные и прилагательные, мы должны признать собственно частями речи наименьшие группировки знаменательных слов, получившиеся в результате их деления с использованием двух основных критериев, видоизменяющихся на каждой новой ступени (1992, 112-113).

Основываясь на этих теоретических предпосылках, Чесноков выделяет 19 частей речи. Категориальное значение каждой части речи представляет собой совокупность сем, соответствующих каждой ступени деления знаменательных слов на классы. Ср. категориальное значение существительных: структурная самостоятельность, структурная соединимость с однопорядковыми единицами, отражение факта действительности лишь в его наличии (бытии), достаточность содержания, качественность, отражение фактов действительности вне отношения к другим фактам. По такому же образцу Чесноков (*ibidem*, 114 ссл.) определяет все остальные части речи:

Существительное — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их качественной определенности лишь в их наличии и вне отношения к другим фактам.

Определенно-количественное числительное — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их количественной определенности лишь в их наличии и вне отношения к другим фактам.

Субстантивно-качественное местоимение — часть речи, характеризующаяся недостаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их качественной определенности лишь в их наличии и вне отношения к другим фактам.

Субстантивно-количественное местоимение — часть речи, характеризующаяся недостаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их количественной определенности лишь в их наличии и вне отношения к другим фактам.

Инфинитив — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности в их проявлении и вне отношения к другим фактам.

Прилагательное — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их качественной определенности лишь в их наличии совместно с внутренним прямонаправленным отношением.

Порядковое числительное — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их количественной определенности лишь в их наличии совместно с внутренним прямонаправленным отношением.

Адъективно-качественное местоимение — часть речи, характеризующаяся недостаточностью содержания и отражающая фактор действительности со стороны их качественной определенности лишь в их наличии совместно с внутренним прямонаправленным отношением.

Адъективно-количественное местоимение — часть речи, характеризующаяся недостаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их количественной определенности лишь в их наличии совместно с внутренним прямонаправленным отношением.

Причастие — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности в их проявлении совместно с внутренним прямонаправленным отношением.

Личный финитный глагол — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания, включенностью в него семы предикативности и отражающая факты действительности в их проявлении совместно с внутренним прямонаправленным отношением.

Качественное наречие — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их качественной определенности лишь в их наличии совместно с внешним прямонаправленным отношением.

Определенно-количественное наречие — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их количественной определенности лишь в их наличии совместно с внешним прямонаправленным отношением.

Качественно-местоименное наречие — часть речи, характеризующаяся недостаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их качественной определенности

лишь в их наличии совместно с внешним прямонаправленным отношением.

Количественно-местоименное наречие — часть речи, характеризующаяся недостаточностью содержания и отражающая факты действительности со стороны их количественной определенности лишь в их наличии совместно с внешним прямонаправленным отношением.

Деепричастие — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания и отражающая факты действительности в их проявлении совместно с внешним прямонаправленным отношением.

Именное слово категории состояния — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания, включенностью в него семы предикативности и отражающая факты действительности со стороны их качественной определенности лишь в их наличии совместно с обратнаправленным отношением.

Местоименное слово категории состояния — часть речи, характеризующаяся недостаточностью содержания, включенностью в него семы предикативности и отражающая факты действительности со стороны их качественной определенности лишь в их наличии совместно с обратнаправленным отношением.

Безличный финитный глагол — часть речи, характеризующаяся достаточностью содержания, включенностью в него семы предикативности и отражающая факты действительности в их проявлении совместно с обратнаправленным отношением.

Среди выделенных Чесноковым частей речи в традиционном объеме сохраняются лишь существительное и прилагательное.

Остальные (числительное, местоимение, наречие, глагол, категория состояния) квалифицируются как группировки частей речи, в которых части речи объединяются на основе общности лишь в отдельных признаках, что недостаточно для объединения слов в одной части речи при наличии двух критериев, конкретизирующихся на каждом новом уровне многоступенчатой классификации знаменательных слов (*ibidem*, 114).

В заключение Чесноков подчеркивает, что предлагаемая им система грамматических классов слов имеет периодический характер, таким образом, она наследует принцип построения ряда известных классификаций, относящихся к другим предметным областям:

При анализе предлагаемой системы частей речи обращает на себя внимание периодическая повторяемость признаков (рядка моя. — А.К.), связанных с характером охвата отношений основ-

ного содержания слов к содержанию других единиц, в пределах всех классов слов, выделяемых в аспекте охвата основного содержания. Подобная периодичность повторения признаков обнаружена Д. И. Менделеевым в системе химических элементов, Н. И. Вавиловым — в сфере изменения наследственности у живых организмов. Очевидно, ее следует считать общим законом природы (*ibidem*, 114).

5.2. Принципы классификации слов в парадигматике

Э. Косериу, который считал, что проблема частей речи может быть решена только с функциональной точки зрения, подчеркивал, что части речи никоим образом нельзя трактовать как лексические классы: во-первых, потому, что единицы разного формата — морфемы, лексемы, синтагмы, высказывания, в одном и том же языке, а тем более в разных языках по своим функциональным признакам могут быть идентичны (Coseriu 1987, 27; подобная идея лежит в основе известной теории И. А. Мельчука «Смысл — текст»). Во-вторых, в основу классификации частей речи должны быть положены **категориальные значения** — общие семантические функции, свойственные единицам разного формата. В-третьих, считал Косериу, части речи нельзя определить только на уровне системы языка (1987, 34). В связи с этим можно сформулировать первый принцип грамматической классификации — принцип коммуникативности: критерием выделения частей речи должны быть функции некоммуникативных единиц языка в составе коммуникативных, причем коммуникативные единицы понимаются не как абстрактные синтаксические модели (структурные схемы), а как конкретные высказывания — реальные единицы информационного обмена в конкретных речевых актах.

Принцип системности означает, что базу для классификации должна составлять системная функциональная модель коммуникативных единиц языка (высказывания и текста). Только имея упорядоченный реестр функций целого, можно понять предназначение его элементов и только при этом условии можно рассчитывать на сколько-нибудь удовлетворительное, релевантное и логически непротиворечивое функциональное описание языка.

Принцип позитивности исключает (во всяком случае — ограничивает) использование в классификации отрицательных признаков типа ‘не обладает свойством _____’. Привативная оппозиция (т.е. оппозиция положительно и отрицательно маркированных единиц) должна быть исключена из области функциональных класси-

фикаций, потому что отрицательная характеристика не дает представления о том, какую позитивную роль играет тот или иной компонент в системе, для чего он предназначен. Так, выделение «остаточных классов» (не обладающих ни одним из применяемых в классификации признаков) А. Пейер считает недостатком многих классификаций (Peuer 1997, 64). Например, типичным остаточным классом считается наречие, которое иногда определяется как не-существительное, не-глагол и не-прилагательное (Braunmüller 1985, 300; Glinz 1971, 230). Высказывается, однако, и иная точка зрения, согласно которой только наречия обладают единой, характерной только для них синтаксической функцией — обстоятельственной (Schaeffer/Knobloch 1992, 16 сл.). Принцип позитивности, разумеется, исключает какие бы то ни было остаточные классы.

Принцип полноты следует понимать как стремление к максимальному охвату первичных элементов классификации. Именно неполнотой описания страдают многие морфологические и лексико-семантические описания. Напротив, классификации, построенные по функционально-синтаксическим признакам, являются более полными, потому что этот аспект содержания языковых знаков универсален: нет знаков, которые бы не выполняли в речевом сообщении ту или иную (семантическую, синтаксическую или прагматическую) функцию.

Принцип синкретичности обусловлен тем, что количество функций превышает число специализированных для выражения той или иной конкретной функции парадигматических классов. Идеальной представлялась бы ситуация, в которой каждой функции соответствовал бы отдельный формальный класс (и наоборот). В реальности же одному классу может соответствовать несколько функций, точнее, единицы одного формального класса могут быть многофункциональны.

Противники функционально-семантических классификаций обычно ссылаются на то, что в силу многозначности (полифункциональности) языковых единиц функция не может быть использована в качестве дифференциального признака, иначе будут получены нечеткие, пересекающиеся классы (ср.: Kempgen 1981, 51). Но многозначность в классификации нередко возникает, оттого, что функции языковых единиц представляются в сильно сокращенном, «урезанном» виде. К примеру, если в основу частеречной классификации положить традиционную систему членов предложения, то, действительно, полученные парадигматические классы будут многозначны, ведь у существительного будет и функция подлежащего, и функция сказуемого,

и функция дополнения, и функция определения, и функция обстоятельства. Причина этой неоднозначности в том, что члены предложения плохо, недостаточно полно отражают синтаксические функции. Поэтому проблема многозначности классов является, видимо, искусственной: она возникает потому, что функции просто-напросто плохо определены. При недостаточном наборе функций некоторые классы иногда вообще не выделяются.

В действительности же проблема имеет обратный ракурс: количество языковых и речевых функций так велико, что никакая естественная парадигматика принципиально не способна отразить этого многообразия в виде системы соответствующих классов и субклассов (что было бы связано с перегрузкой долгосрочной памяти). Поэтому во всех естественных языках в силу закона экономии языковых и речевых усилий распространено явление синкретичности знака: в каждом речевом употреблении знак одновременно реализует несколько функций. Степень синкретичности варьируется в зависимости от синтетического и аналитического типа языка; наиболее сильна она в фузийных синтетических языках (о чем писал еще Г. Пауль).

С учетом принципа синкретичности совершенно естественным выглядит включение одного и того же знака в несколько функциональных классов. Например, личные местоимения выражают синтаксическую функцию аргументов высказывания ('предмет, который') и семантическую функцию определенности ('известен как идентифицируемый с одним из активных или пассивных участников речевого акта'). Отдельные парадигматические классы при таком подходе выделяются, во-первых, по совокупности присущих им функций, во-вторых, по наиболее типичным для той или иной совокупности знаков, прототипическим функциям.

Принцип открытости означает, что классификация не может представлять собой дихотомию или множество дихотомических цепочек с жестко детерминированной структурой. Напротив, классификация должна допускать модификацию отдельных своих звеньев, не изменяющую ее структуры в целом. Открытость парадигматической классификации отвечала бы открытой природе языковой системы, которая активно взаимодействует со средой. Кроме того открытость позволяет постоянно уточнять классификацию, не перекраивая ее целиком. При этом сохраняется преемственность научного описания: совершенствуя тот или иной участок системы, исследователь продолжает работу, начатую предшественниками, избавляется от

необходимости при каждом появлении новой информации разрабатывать очередную классификацию.

Важнейшим принципом парадигматической классификации является принцип структурной релевантности: отношения функциональных классов должны отражать не субъективные предпочтения исследователей, а объективные структурные характеристики номинативных и коммуникативных единиц. В сущности, здесь речь идет о единстве референциального и дистрибутивного подходов, о чем писал Ц. Перникарский (Piernikarski 1990, 32). Игнорирование имманентно-структурных свойств языковых знаков приводит к серьезным лингвистическим заблуждениям. Так, в рамках реистического подхода кванторные слова (в частности, обобщающие, неопределенные и отрицательные местоимения) не выделяются как отдельный функциональный класс, а ошибочно рассматриваются вместе с детерминаторами денотативного статуса, или операторами референтности существительных (см. обзор: Киклевич 1998, 62 ссл.), т.е. такие разные по содержанию единицы, как *этот, он, кто-то, любой, каждый, никто* и др. в лингвистической модели не различаются. Неправильность такой трактовки очевидна, ведь референтные и кванторные операторы вступают в отношении дополнительной дистрибуции (ibidem, 65), ср.:

все ее статьи
все предшествующие события
все в это время года
каждый такой поступок

Дополнительная дистрибуция как раз и возможна благодаря тому, что в одном синтагматическом контексте встречаются единицы с разной категориальной семантикой — качественной (*ее, предшествующие, в это время, такой*) и количественной (*все, некоторые*), см. подробнее в разделе 1.6.

Дополнительная дистрибуция в синтаксисе свидетельствует о том, что некоторые, присутствующие в одном синтагматическом контексте единицы не принадлежат к одной и той же функциональной категории. Субституция, напротив, представляет собой позитивную характеристику — она указывает на единицы, которые относятся к одной категории. Рассмотрим выражения:

*все некоторые условия
*все быстро условия

Информации о том, что данные единицы не соподчиняются, т.е. не совместимы по отношению к некоторому третьему компоненту, недостаточно для того, чтобы отнести лексемы *весь*, *некоторый*, *быстро* в один парадигматический класс. Собственно, то же наблюдается в фонологии, где дистрибуция (фонологическая оппозиция) свидетельствует лишь о том, что данные звуки являются реализациями разных фонем. Но — как и в фонеме, можно узнать только с помощью субституции, рассмотрев ту же сигнификативную функцию в сильной позиции. Из оппозиции [рас] — [рак] следует только то, что [к] и [с] относятся к разным фонемам. Но звук [с] может быть и вариантом фонемы <с>, ср.: *раса*, и вариантом фонемы <з>, ср.: *(два) раза*, что устанавливается уже с помощью субституции.

Аналогичная ситуация наблюдается и при функциональной классификации слов: если две лексемы с разными значениями могут быть взаимозаменяемы в одной синтаксической позиции, то они могут быть отнесены к одному функциональному классу, ср.:

все условия — *некоторые условия*
все условия — **быстро условия*

Это позволяет провести частную лексическую типологию:

Класс А <i>все</i> <i>некоторые</i>	Класс Б <i>быстро</i>
---	--------------------------

Принципу структурной релевантности подчинен также трансформационный метод. Он состоит в том, что элементы одного и того же класса должны иметь одинаковые синтагматические преобразования. К примеру, известно, что результатом отрицания большого квантора являются выражения с малым квантором, и наоборот:

Не все картины оказались интересными — *Только некоторые картины оказались интересными.*
Неправда, что только некоторые картины заслуживают внимания — *Все картины заслуживают внимания.*

Это отношение взаимоотрицаемости может выражаться противительными союзами *но*, *а*, например:

Не все, а только некоторые картины оказались интересными.

Для всех единиц, отрицание которых равнозначно малому квантору, верно, что они относятся к субкатегории абсолютной квантификации, т.е. указывают на то, что рассматриваемое множество объектов участвует в ситуации в полном объеме. Естественно, верна и обратная зависимость:

Не только некоторые, но все участники собрания поддержали нового кандидата.

Это правило, однако, не срабатывает применительно к ряду неопределенных местоимений, которые выражают не количество, а неопределенность, ср. высказывание:

В коридоре стояли какие-то люди.

Введем отрицание рематической части высказывания *какие-то люди*:

Неправда, что в коридоре стояли какие-то люди.

Отрицанию в этом случае нельзя приписать общекванторную семантику, т.е. трактовать *неправда, что какие-то люди* как *все люди* или *никто из людей*. Результатом отрицания в этом случае является семантика определенности:

Неправда, что в коридоре стояли «какие-то люди» — в коридоре стояли с о с е д и .

Это свидетельствует о том, что механическое, безусловное толкование всех неопределенных местоимений как кванторных, широко распространенное в современной лингвистической литературе по семантике (см. подробный анализ: Киклевич 1994, 46; 1998, 50 ссл.), является глубоко ошибочным, потому что таксономическая общность неопределенных и обобщающих местоимений в этом случае не подтверждается объективными семантическими трансформациями.

Трансформационный критерий состоит также в том, что единицы одного и того функционального класса преобразуются в однотипные формулы одного из языков символической логики, т.е. получают общую метаязыковую интерпретацию. К примеру, лексемы *дверь, окно, стена, потолок* могут быть истолкованы по образцу: ‘предмет, который является дверью (окном, стеной, потолком)’ или ‘предмет, который обладает свойством быть дверью (окном, стеной, потолком)’. При этом предполагается, что носители языка спо-

собны идентифицировать предмет по указанному свойству, т.е. свойства ‘быть дверью’, ‘быть стеной’, ‘быть окном’, ‘быть потолком’ и др. дифференцируются благодаря более частным содержательным компонентам. Символически, на языке логики предикатов подобные выражения можно отразить в формуле:

$$x \quad (50)$$

$$Q(x)$$

Формула означает: ‘Предмет/объект x , такой, который обладает свойством Q ’. Все выражения естественного языка, которые преобразуются в эту формулу, можно отнести к одному и тому же семантическому классу, который в значительной степени соответствует традиционным существительным (а точнее, к подклассу существительных), категориальная семантическая функция которых состоит в том, что они выступают как аргументы пропозиции — предметные имена. При этом можно различать предметные аргументы (типа *дверь*) и ситуативные (типа *поездка*), хотя принцип их определения подобен, ср.: *поездка* = ‘ситуация, такая, которая обладает свойством [ехать]’. Различие предметных и ситуативных аргументов заключается в том, что первые указывают на виртуальное свойство множества предметов, которые находятся в отношении сходства, ср.: ‘Быть дверью есть основание виртуального единства (т.е. сходства) предметов $a, b, c, d \dots n$ ’. Ситуативные аргументы указывают на линейное свойство множества предметов, которые находятся в отношении контакта, ср.: ‘Быть поездкой (ехать) есть основание линейного (актуального) единства (т.е. взаимодействия) предметов a — пассажир, b — дорога, c — транспорт’. Различие между предметными и ситуативными именами также можно отразить символически (трансформационно):

Основание (Свойство A , Сходство $\{a, b, c, d \dots n\}$)

Основание (Свойство B , Взаимодействие $\{a, b, c, d \dots n\}$)

Все аргументы, которые могут быть подставлены в первую формулу (как носители свойства A) являются предметными, аргументы же, которые могут быть подставлены во вторую формулу (как носители свойства B), являются ситуативными.

Выражения *писать*, *читать*, *рисовать* и т.п. могут быть трансформированы: ‘Некоторый объект обладает свойством P (*читать*, *писать*, *рисовать* и т.д.)’, или символически:

$P(x)$ (51)

Высказывания (т.е. коммуникативные выражения, в отличие от предикатов и аргументов — выражений номинативных)

Девочка читает
Мальчик пишет
Сестра рисует

имеют иную трансформационную характеристику: они включают семантику предиката и семантику аргумента, образуя единую пропозициональную структуру:

$P(x)$ (52)
 $Q(x)$

Формула означает: ‘Предмет x , который обладает свойством Q , обладает свойство P ’ или — с учетом лексического заполнения каждой синтаксической позиции: ‘Предмет, который является девочкой (мальчиком, сестрой), читает (пишет, рисует)’.

5.3. Конгрегационные классы

Видный специалист по общей теории систем А. А. Любищев писал, что в современной науке

от понятия системы как одной из форм порядка, противоположных беспорядку, хаосу, пришли к пониманию системы как одной из возможных форм беспорядка (1982, 27).

Изменение философии системного анализа проявилось в распространении системного (в более широком ракурсе — рационального) подхода в новых предметных областях — достаточно сослаться на структурные и формальные модели описания художественных текстов, культурных и этнографических дискурсов, которые появились в XX веке.

Важнейшей чертой новой систематики стало то, что она отказалась от понимания системы как генеалогического дерева. Опираясь на данные биологии и натурфилософии, в конце XIX — в начале XX вв. ученые пришли к выводу о необходимости ограничения тезиса, который для основателя биологической теории эволюции Ч. Дарвина имел

решающее значение, а именно — тезиса о том, что сходство есть доказательство и критерий родства. Исследования показали, что гомологические (филогенетические) сходства в живой природе составляют незначительную часть общих свойств, а филогения не совпадает с естественной классификацией (Любищев 1982, 210 ссл.). Это теоретическое положение отстаивал, в частности, Л. С. Берг — создатель антидарвинистской теории номогенеза, т.е. теории эволюции в результате закономерного развития. Он, например, отменил, что наличие морфологических сходств между птицами и крокодилами, рыбами и китами не дает оснований для утверждения о происхождении китов от рыб. С точки зрения Берга, черты сходства являются результатом конвергенции — закономерного развития в определенном направлении (1977, 198).

Интересно, что обосновывая теорию номогенеза, Берг (1977, 294) ссылаясь на эволюцию естественных языков в ее трактовке А. Мейе: и в языке, и в живом мире новые формы являются массовыми, они охватывают большие группы индивидов, характеризуются регулярностью и наследственностью.

Изоморфизм наблюдается не только между предметными областями (языком и живым миром), но и между научными дисциплинами, которые их изучают. Подобно биологии, языковедение в начале XX века также стало искать новых форм систематики. Так, в рамках классического структурализма были принципиально дифференцированы синхрония — описание языка на определенном временном срезе, и диахрония — описание языка в его историческом развитии, что полностью соответствовало системологии того времени, которая требовала, чтобы гомофилические (синхронические) и гомологические (диахронические) свойства описывались отдельно. Убедительным обоснованием новой систематики в лингвистике стала теория языковых союзов Н. С. Трубецкого, открывшая возможность описания структурно-языковых свойств, которые не связаны с общим происхождением языков. Эту область системных исследований развивали работы по синхронной типологии языков (см. обзор в: Киклевич/Потехина 1996).

Другим процессом, который характеризовал динамику общей теории систем, стала замена рациональных систем естественными. В рациональных системах действует принцип экстраполяции: от иерархически более высокого элемента всегда можно перейти к определенному (но не иному) иерархически менее высокому элементу. Этому принципу соответствует сосюрское понятие значимости

(*valeur*), которое представляет собой не что иное как функцию соотношения каждой единицы языка с каждой. Как известно, классификация заключается в экспликации соответствий между множеством объектов и множеством имен. Подмножество объектов, которое соотносено с одним и тем же именем, называется классом. Традиционное понимание множества (системы) предполагает, таким образом, существование хотя бы одного признака (имени), общего для всех его элементов или всех его подмножеств. Этот общий признак квалифицируется также как «единство основания системы» у Ю. А. Урманцева, или как «интервал отождествления» у М. Н. Новоселова. Благодаря принципу экстраполяции рациональная система отождествляется с общим для ее элементов признаком, поэтому классификация в логике понимается как формализованная совокупность понятий, а не предметов или классов предметов. Эта традиция лежит в основе лингвистического понятия категории как группы языковых единиц, объединенных на основе общего признака (Ярцева 1990, 215).

Негативные последствия такого подхода было показано в работе: Киклевич 1998, 51 ссл. В логической семантике, в том числе и в логическом анализе естественного языка, делается упор на различие единичных и общих терминов, которым соответствуют собственные и нарицательные имени существительные. Но это деление вовсе не заменяет деления терминов на единичные и множественные: первые обозначают единичные предметы, а вторые — множества предметов, ср.:

Студент улыбнулся.

Студент нигде не пропадет.

Поскольку под влиянием логики множества и свойства не различаются, лингвисты теряют возможность дифференцировать нарицательные существительные с единичной и множественной референцией. Это, в свою очередь, оказывается чрезвычайно важным для понимания сочетаний таких существительных с некоторыми операторами, например, кванторными словами. Высказывание

Некоторые студенты — философы

Ю. С. Степанов интерпретирует как ‘Существует такой *x*, что *x* является как студентом, так и философом’ (1981, 170 сл.). В данном семантическом толковании отсутствует, однако, важнейший элемент — указание на то, что студенты составляют множество, и как раз множе-

ственный характер семантики существительного является обязательным употреблением кванторного слова *некоторые*, ср.:

*Некоторый Иван Петрович — философ.

Поэтому более предпочтительным было бы иное толкование высказывания: 'В множестве предметов, таких, которые являются студентами, существуют предметы, которые являются философами'.

Рациональные, логические системы являются детерминистическими или, выражаясь метафорически, «жесткими». Это проявляется в том, что значимость каждого элемента определяется по отношению ко всей системе, а изменения любой части обуславливают изменения целого и всех остальных частей (Гейзенберг 1963, 68).

В соответствии с требованиями естественной классификации при описании объекта необходимо учитывать как можно большее количество его характеристик — как структурных, касающихся его внутреннего устройства, так и функциональных, касающихся его поведения, его отношений с объектами того же или иного формата (Любищев 1982, 27 сл.). Индетерминизм таких классификаций состоит в том, что имеется не только множество объектов, и множество имен, но также множество отношений между объектами и именами, причем допускается соотнесенность одного объекта с несколькими именами и одного имени с несколькими объектами.

Характерная черта таких классификаций — их вероятностная природа. Если при детерминистическом подходе функция принадлежности элемента к множеству имеет только два значения: 1 — 'принадлежит' и 0 — 'не принадлежит', то та же функция при вероятностном подходе имеет неограниченное количество значений между 1 и 0, т.е. существуют элементы, о которых нельзя с точностью сказать, что они принадлежат или не принадлежат к данной системе. Именно эта идея лежит в основе теории нежестких множеств, которая в версии английского математика Л. Заде (1976) получила в 70-е годы XX века широкое распространение в языкознании.

Наиболее точные вероятностные модели были построены в рамках дистрибутивно-статистической лингвистики (см. раздел 5.1), которая требует, чтобы каждая парадигматическая характеристика базировалась на объективных, функциональных характеристиках единиц в составе единиц большего формата. Дистрибутивный анализ исходит из постулата о регулярном функциональном взаимодействии различных уровней языковой системы, допуская наличие «переходных зон»,

в частности, между лексикой и грамматикой, морфологией и синтаксисом (Есперсен 1958, 31; Блумфилд 1968, 303; Звегинцев 1976, 103; Касевич 1977, 120; см. раздел 4.1).

Динамика системного анализа в лингвистике XX века коснулась также отношения к методу моделирования. В 50-60-е годы прошлого столетия моделирование выполняло описательную функцию. Структурные лингвистические модели, которые строились в соответствии с принципом «черного ящика», как отмечает А. Е. Кибрик, имели произвольную внутреннюю природу, от них не требовалось точное морфологическое сходство с оригиналом, а лишь — сходство функций: модель должна отражать отношение между тем, что имеется на входе в «черный ящик», и тем, что имеется на выходе (1987, 34). Но лингвистическая практика показала, что подход к естественному языку как «черному ящику» пригоден только на первых этапах моделирования — он становится малоэффективным при необходимости достичь максимального сходства модели и оригинала, поскольку при этом модель настолько усложняется, что требует отдельной, специальной интерпретации, которая сама по себе уже не затрагивает изучаемый объект. Моделирование, таким образом, лишается описательной функции, приобретая креативную — ведь модель превращается фактически в самостоятельный объект исследования. Поэтому Кибрик считает, что отказ от метода моделирования в лингвистике вполне оправдан, во всяком случае пришло время обратиться к иным — естественным моделям и естественным классификациям, задача которых — описать, как язык устроен «на самом деле». Л. Н. Мурзин также считал исчезновение моделирования из списка лингвистических методов важной приметой языкознания последних десятилетий (1990, 4).

В то же время даже исследования, которые базируются на идее вероятности, строго следуют требованию единства основания класса, которое впервые было сформулировано еще Аристотелем: существует хотя бы один признак, общий для всех элементов данного класса. Это требование, к примеру, сохраняется в теории прототипов (см. раздел 4.1). Дж. Лакофф обращает внимание на то, что

члены категории могут отстоять от центра дальше или быть к нему ближе, не будучи при этом размытыми (т.е. не теряя связи с центральным понятием. — А. К.). Так, мать может не соответствовать стереотипному представлению о матери-домохозяйке, но не переставать при этом быть матерью. Утки и ястребы не соответствуют стереотипному представлению о птицах, но не перестают от этого быть птицами (1988, 43 сл.).

Впрочем, в общей теории систем предусматривается также существование таких совокупностей объектов, которые невозможно соотносить с общим характеристическим параметром. Системы этого типа называются конгрегационными (Любищев 1982, 39).

Рассмотрим в качестве лингвистического примера конгрегационной категории сочинительную связь в простом и сложном предложении. Исследования в области сочинения (Киклевич 1982; 1987; Kikiewicz 1994) показали, что не существует содержательной или формальной характеристики, которая была бы обязательной для всех синтаксических конструкций, относящихся к категории сочинительной связи. С другой стороны, некоторые параметры, устойчиво ассоциирующиеся с сочинением или с однородными членами, выявляются при анализе некоторых подчинительных конструкций.

Приведу несколько фактических доказательств. Одной из категориальных черт сочинения принято считать тождество синтаксических функций словоформ, например, в стереотипных сочетаниях типа *отец и мать*. Но сочинительная конструкция может включать и разнофункциональные единицы, причем массив таких выражений постоянно расширяется. Ср. лишь некоторые примеры:

Чувствую вправе писать Вам карандашом, в постели и самое домашнее письмо (А. Блок).

Это осознавали и ощущали многие и давно.

Я пишу совсем иное и о другом (В. Конецкий).

Не везде, не всегда, не всем зверям и птицам хватает зимой пищи.

Такое умение приходит не сразу и не ко всем.

Его заказы чистились в первую очередь и лучшими препаратами.

Пристегиваться нужно всем и обязательно.

Другим характерным признаком сочиненных единиц считается их соподчиненность, т.е. синтаксическая зависимость от одного и того же главного члена предложения, как в выражении *читать книги и газеты*. Но и этот признак не обязателен, на что указывают примеры:

Мулы, звеня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли бочонок вина (А. Герцен), ср.: *мулы* ← *украшенные кисточками*, *везли* ← *звеня бубенчиками*.

Облели они, как пчелы, участок и сами поставили мазанку под соломою, большую и быстро («Литературная газета». 02 XII 1981), ср.: *поставили* ← *быстро*, *мазанку* ← *большую*.

Он создает модели не абстрактные, а с учетом технической оснащенности предприятия («Вечерний Минск». 20 X 1981), ср.: *создает* ← *с учетом оснащенности*, *модели* ← *абстрактные*.

Но в этот раз помощник прокурора, то ли вдохновленный присутствием своего шефа, то ли по наитию, попросил Золотарева показать удостоверение («Литературная газета». 24 VIII 1983), ср.: помощник ← вдохновленный, попросил ← по наитию.

Она течет извиваясь и так узка, что мне ничего не стоит перепрыгнуть через нее (К. Холт, пер. Л. Горлиной), ср.: течет ← извиваясь, она ← узка.

Поздняя и незаметно пришла весна (И. Эренбург), ср.: пришла ← незаметно, весна ← поздняя.

Считается, что сочинительные конструкции должны также удовлетворять требованию логической соподчиненности: объединяемые сочинительным союзом словоформы должны выражать однородные понятия, а также понятия одного и того уровня обобщенности, как в выражении *вилки и ложки*. Но и это требование оказывается факультативным. Симптоматично, что такого рода алогичные выражения наиболее распространены в текстах с явными чертами «новояза», включающих разного рода «советские» символы, например:

Речь идет также об усилении солидарности с народами, молодежью и студентами ... («Комсомольская правда». 6 VI 1980).

Я подобрал валенки и пошел со двора, но меня окликнул Колька: — А ты красноармеец или командир? (К. Воробьев).

Саманта очень благодарна Юрию Владимировичу Андропову, по приглашению которого она приехала в Советский Союз, чтобы посмотреть, как живут советские люди, советские дети («Комсомольская правда». 9 VII 1983).

На тематический вечер «Имя его легендарно», который состоялся в городском лектории, пришли рабочие промышленных предприятий, учителя, воины Советской Армии, юноши и девушки («Правда». 27 VII 1981).

В этом есть частица нашего труда — комсомольцев и молодежи (Радиостанция «Юность»).

Сказанное касается и всех остальных признаков сочинения, причем не только в простом, но и в сложном предложении. Так, считается, что главный показатель сложносочиненного предложения — наличие специального сочинительного союза. Но, с другой стороны, сочинительные союзы нельзя квалифицировать иным образом, как ссылкой на сложносочиненные предложения — таким образом, мы попадаем в логический круг, объясняя одно неизвестное через другое. Считается, что сочинительные союзы, в отличие от подчинительных, употребляются как в сложном, так и в простом предложении. Языковой материал, однако, не подтверждает и этого положения: например, в польском языке для связи однородных членов довольно регулярно используются подчинительные союзы:

Každy z nas ma dziesiątki, je ż e l i nie setki niewidzianych wrogów (B. Prus) — У каждого из нас десятки, если не сотни невидимых врагов.

Dzielo jest napisane na podstawie nie znanych, g d y ż zaginionych notatek — Произведение написано на основе потерянных и поэтому не известных записей.

Była miska dosyć mizernego, b o bez mięsa, bigosu (J. Putrament) — Была миска довольно плохого, постного bigоса.

Zdejmuje palto i zostaje W trykocie brudnym, b o cielistym (J. Tuwim) — Он снимает пальто и остается в грязном трикотажном костюме телесного цвета.

Widział inne, b o amerykańskie sceny — Он видел другие — американские сцены.

Mówił w sposób niezwykły, b o przurupinającą cudzoziemca — У него была необычная манера говорить, которой он напоминал иностранца.

Przez całe swoje krótkie, b o tylko 53-letnie życie przejawiał niezwykle uzdolnienia — Вся свою короткую (53-летнюю) жизнь он демонстрировал необыкновенные способности.

Дифференциальным признаком сложноподчиненных и сложносочиненных предложений традиционно считается смысловая зависимость либо независимость составных частей. Но даже университетские учебники признают условность этого критерия: с одной стороны, в структуре сложносочиненного предложения возможна семантическая детерминация:

Przyszedł nowy dyrektor — i przedsiębiorstwo zarobowało po-nowemu ↔ После того, как (благодаря тому, что) пришел новый директор, предприятие заработало по-новому или Предприятие заработало по-новому, потому что пришел новый директор.

С другой стороны, семантическая детерминация может отсутствовать в структуре сложноподчиненного предложения:

On ujechał, żeby przez kilka dni wrócić z powrotem ↔ Он уехал, но через несколько дней вернулся обратно.

М. Гроховский в томе: Topolińska 1984, 240 ссл., убедительно показал ущербность этого и многих других известных критериев разграничения сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Так, не подтверждается тезис о том, что подчинительный союз является частью придаточного предложения, а сочинительный принадлежит всему сложному предложению в целом. Если подчинительный союз, считает Гроховский, и выступает компонентом одной из частей сложного предложения, то, скорее всего, — компонентом главной части, потому что его значение обусловлено семантической валентностью сказуемого главного предложения. Необходимо также в связи с этим обратить внимание на выражения типа

Он неожиданно встал, что напугало всех нас.

Здесь доминирующим с семантической точки зрения является как раз придаточное предложение, ср. возможное толкование: 'Тот факт, что он неожиданно встал, напугал всех нас' (подробнее об этом и других критериях см.: Киклевич 1996, 53).

Чтобы квалифицировать языковые категории конгрегационного типа, могут быть предложены различные решения. Во-первых, можно отказаться от признания категориального статуса подобных языковых классов. Так и поступает Гроховский: он попросту избегает различия сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Во-вторых, можно трактовать конгрегационные категории как исторические, т.е. такие, содержательное единство которых базируется на гомологических — диахронических свойствах их элементов.

В-третьих, можно было бы признать существование языковых единиц за пределами категорий, что отражало бы сущность языка как динамической и исторически изменчивой системы — подобную трактовку предлагал Р. А. Будагов (1978, 8).

В четвертых, возможно определение категорий по совокупности дифференциальных признаков, которые выделяются применительно к прототипическим элементам каждой категории. Так, прототипические выражения *отец и мать* и *читать книгу* отличаются друг от друга тождеством/различием синтаксических функций, тождеством/различием грамматических значений, соподчиненностью/несоподчиненностью и др. Именно эти признаки и следовало бы — при данном подходе — положить в основу разграничения сочинительной и подчинительной связи. При рассмотрении же выражений типа *отец с матерью* (→ *отец и мать*), *летает и удивляется* (→ *летает, удивляясь*) можно, аналогично тому, как это делается в фонологии, говорить о нейтрализации категориальных противопоставлений.

Наконец, в-пятых, напрашивается и такое решение: переосмыслить само понятие «единство основания» категории, под которым можно понимать не только общую для всех элементов и частей категории характеристику или группу характеристик, но и определенное правило композиции характеристик. Так, в основу категории сочинения могли бы быть положены следующие правила композиции:

1. компоненты выполняют одинаковые синтаксические функции — признак *p*; компоненты являются соподчиненными — признак *q*;

2. если компоненты не обладают признаком p , то они характеризуются рематичностью — признак r , сходством или тождеством лексических значений — признак s , имеют тождественные грамматические значения — признак t ;
3. если между компонентами существует семантическая детерминация — признак j , они обладают признаком t и т.д.

Языковая категория в таком случае может быть формализована с помощью языка логики высказываний:

$$(p \ \& \ q) \vee (\neg p \rightarrow (r \vee s \vee t)) \vee (j \rightarrow t) \dots \quad (53)$$

Необходимо согласиться с философом М. Рьюзом, что «не существует какого-то абсолютного способа деления объектов науки» (1977, 41). Различные конгрегационные категории, скорее всего, допускают различные способы описания. Но тот факт, что сами эти способы нуждаются в детальной разработке, как и необходимость создания информационной базы описания конгрегационных категорий в естественном языке, не вызывает сомнений.

6. Функциональные классификации в синтагматике

Ценность уже не стоимость и не цена и не измерима в экономических критериях. Это своеобразный вес предмета не в себе, а в соотношении с другими.

Эдмонд Гегамович Аветян

Парадигматические и синтагматические категории не тождественны, хотя в некоторой степени они могут быть соотносимы друг с другом. Какую бы синтаксическую характеристику слова мы ни взяли — будь то понятие члена предложения, будь то понятие главного/зависимого компонента синтагмы, будь то понятие синтаксической (приглагольной, присубстантивной, приаъективной и т.д.) позиции, ни одна из них полностью не воплощена в какой-либо парадигматической категории. Различия между парадигматическими и синтагматическими классами обусловлены асимметрией языкового знака, а именно — его виртуальной и актуальной полифункциональностью. Виртуальная полифункциональность (или многозначность) — способность единицы или группы единиц к употреблению в разных синтагматических функциях. Например, существительное употребляется и как подлежащее, и как дополнение, и как определение, и как составная часть сказуемого. Актуальная полифункциональность (или синкретичность) состоит в том, что одна и та же единица одновременно реализует несколько синтагматических функций, например:

Даже Петя решит такую задачу.

Словоформа *Петя* может получить несколько синтаксических характеристик: 1) подлежащее; 2) агенс (исполнитель акции); 3) именной член координативной синтагмы *Петя решит*; 4) рематический компонент высказывания и др.

Эта несводимость друг к другу парадигматических и синтагматических характеристик слова и обуславливает необходимость их отдельного рассмотрения.

6.1. Грамматические классификации членов предложения

В языкознании (особенно в традиционном) широко распространено понимание синтаксических категорий как формально-грамматических классов слов. При этом синтагматическая классификация представляет собой более подробный вариант парадигматической, а именно — морфологической. Так, von Schuch (1990, 178) при определении синтаксических категорий учитывает морфологические признаки слов и функции, понимаемые как традиционные члены предложения (см. также: Eisenberg 1989, 41 ссл.; Montague 1972, 52 ссл.). Приведу для иллюстрации фрагмент классификации Г. фон Шуха (von Schuch 1990).

Таблица 23. Синтаксические категории (согласно Г. фон Шуху)

Синтаксические категории	Функция
Именная группа (<i>Nominalausdruck</i>)	Субъект, объект
Глагольная группа (<i>Verbalausdruck</i>)	Предикат, предикат + объект
Синтаксические субкатегории	Функция
Имя	Часть именной группы
Распространитель имени (<i>Nomenbegleiter</i>)	Определенность
Полнозначный личный глагол	Предикат
Служебный личный глагол	Часть предиката
Глагольный инфинитив	Часть предиката
Служебный глагол в инфинитиве	Часть предиката
Полнозначный глагол в императиве	Предикат
Союз и т.д.	Связка

В основном, эта синтаксическая классификация базируется на морфологических признаках, члены предложения фактически отождествляются с морфологическими классами.

Синтаксические классификации частей речи обычно базируются на понятии членов предложения. Р. И. Аванесов писал, что «части речи — это морфологизованные, застывшие члены предложения». Ф. Слотти рассматривает части речи как носители синтаксических функций, функции же отождествляются с членами предложения: подлежащим, сказуемым, дополнением, определением и обстоятельством. Лексемы *hart* — твердый и *Härte* — твердость исследователь относит к разным частям речи, потому что у первой — функция определения, а у второй — функция подлежащего/дополнения (Slotty 1992, 207

ссл.). О генетической близости частей речи и членов предложения писал также А. В. Исаченко (Isachenko 1962, 17). Глагол у него — категория слов, первичная функция которых состоит в том, чтобы выступать в качестве сказуемого.

При синтаксической классификации, как уже наблюдалось, учитывается способность/неспособность слова употребляться в функции члена предложения. Это свойство обозначается как авто-/синсеман-тичность либо как автономность/депендентность. Х.-В. Шаллер (Schaller 1970) предложил разделить все части речи на три группы:

1. синсемантические: предлоги, союзы и частицы;
2. автосемантические: существительные, прилагательные и числительные;
3. сочетающие признаки первых и вторых: глаголы, наречия и местоимения.

Использование членов предложения при частеречной классификации по многим причинам является неудовлетворительным. Во-первых, члены предложения, как многократно отмечалось в литературе, весьма огрубленно отражают синтаксические функции слов. Во-вторых, члены предложения являются комплексными категориями, они определяются не только с помощью синтаксических, но также с помощью морфологических признаков; например, подлежащее фактически отождествляется с формами существительных в именительном падеже.

В-третьих, одно и то же слово может, в принципе, выступать в качестве любого члена предложения, ср.:

<i>П о б е д а</i> была за нами.	(подлежащее)
Мы праздновали <i>п о б е д у</i> .	(дополнение)
Это была <i>п о б е д а</i> .	(часть сказуемого)
Мы почувствовали вкус <i>п о б е д ы</i> .	(определение)
От <i>п о б е д</i> закружилась голова.	(обстоятельство)

В немецком языке лексемы типа *fleißig* допускают тройное употребление: 1) как определения, ср.: *der fleißige Mann* — *прилежный человек*; 2) как именная часть сказуемого, ср.: *Der Junge ist fleißig* — *Мальчик прилежен*; 3) как обстоятельства, ср.: *Der Junge lernt fleißig* — *Мальчик учится прилежно*. К.-Э. Зоммерфельд считает, что в любой синтаксической позиции единицы этого типа являются одной и той же частью речи, а именно — носителями признака (Sommerfeldt 1993, 5).

Сложности синтаксической классификации с опорой на морфологические признаки связаны также с наличием двух типов категорий

— содержательных и формальных. В концепции Х.-Ю. Засе им соответствуют функциональные и фразовые категории (Sasse 1993, 200). Фразовые (по существу — морфологические) категории совместимы с такими понятиями генеративной грамматики, как *NP*, *VP*, *AP* и др. Функциональные категории, например, предикат и аргумент, не имеют строгих морфологических характеристик, поэтому их использование в парадигматических классификациях затруднительно. Ничего удивительного, что при определении частей речи преимущество отдается плану выражения, а не плану содержания синтаксических единиц. Так, П. Айзенберг (Eisenberg 1989; см. также: von Schuch 1990) рассматривает категории конstituентов предложения (*Konstituentenkategorien*), которые представляют собой некое подобие непосредственно составляющих: предложение последовательно разбивается на единицы все более мелкого формата, при этом наибольший формат у предложения, а наименьший — у отдельной словоформы. Айзенберг выделяет двенадцать категорий (1989, 41 сл.).

ТАБЛИЦА 24. СИНТАКСИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ (СОГЛАСНО П. АЙЗЕНБЕРГУ)

Имя	Существительное, прилагательное, числительное, артикль, местоимение, артикль+существительное, числительное+существительное
Именная группа	Прилагательное+существительное, существительное+существительное
Глагол	Полнозначный глагол, вспомогательный глагол, глагол-связка, модальный глагол
Предлог	Предлог
Предложная группа	Предлог+существительное
Союз	Союз
Инфинитивная группа	zu+Инфинитив (zu machen и т.п.)
Причастная группа	Причастие + любой другой зависимый компонент
Адъективная группа	Прилагательное + любой другой зависимый компонент
Адverb (наречие)	Наречие
Адverbиальная группа	Наречие + любой другой зависимый компонент
Предложение	Предложение

Части речи в этой системе синтаксических категорий понимаются как (определяемые формально-грамматически) субклассы, ср. существительные, прилагательные, числительные, артикли и местоимения в составе парадигмы имени.

Некоторые исследователи рассматривают традиционные члены предложения как функциональные категории. И. Ф. Вардуль писал о номинативной природе членов предложения:

Деление на подлежащее, сказуемое, дополнение и т.д. ставится в зависимость от того, какой член деизигната (т.е. описываемой ситуации. — А. К.) обозначается членом предложения (1977, 265).

Более широко в синтаксической науке распространена иная точка зрения:

Члены предложения не имеют непосредственной связи с содержанием мысли, они выражают лишь синтаксические (грамматические) функции слов в предложении и только через их посредство указывают на общие категории содержания (Zimek 1973, 313 сл.).

Это означает, что функции членов предложения — лишь морфосинтаксические понятия, не имеющие отношения к отражаемой в предложении ситуации (или типу ситуаций). Возникает вопрос: как при таком подходе описать функции единиц, не имеющих морфосинтаксических признаков — неизменяемых частей речи?

В. А. Белошапкова более широко понимала функциональную природу членов предложения:

Традиционные категории членов предложения воплощают дистрибутивно-функциональный подход к компонентам предложения. Учение о членах предложения ориентировано на выделение таких классов компонентов предложения, которые однородны по своим синтаксическим связям и конструктивной роли в предложении (1977, 133).

Функциональные характеристики членов предложения, согласно Белошапковой, сводятся к их роли, во-первых, в составе предикативного минимума предложения, во-вторых, в составе номинативного минимума предложения, что позволяет выделить шесть синтаксических категорий:

1. Члены предложения, участвующие в создании предикативной основы предложения.
  - 1.1. Члены предложения, выражающие предикативную семантику — сказуемое.
  - 1.2. Члены предложения, не выражающие предикативную семантику — подлежащее.
2. Члены предложения, не участвующие в создании предикативной основы предложения.

- 2.1. Члены предложения, участвующие в создании номинативной основы предложения.
  - 2.1.1. Предметные имена (актанты), например: *Он покачал головой.*
  - 2.1.2. Конститутивные определители предиката, например: *Здесь не курят.*
- 2.2. Члены предложения, не участвующие в создании номинативной основы предложения (неконститутивные члены предложения).
  - 2.2.1. Члены предложения, относящиеся к предикату, например: *Из-за дождя прогулки не было.*
  - 2.2.2. Члены предложения, относящиеся к другим членам предложения, например: *нарядная дама.*

Здесь бросается в глаза отсутствие единой функциональной основы классификации: подлежащее и сказуемое рассматриваются в одном аспекте (в рамках отношения предикации), дополнение (предметные имена) — в другом (в рамках отношения номинации), определение — в третьем (в рамках отношения конститутивности/неконститутивности), обстоятельство — в четвертом (с точки зрения обязательности/необязательности). Поэтому представление о членах предложения как о единой системе функциональных категорий является, с моей точки зрения, ошибочным.

Это подтверждают и конкретные наблюдения. В традиционном синтаксисе не различаются прилагательные и адъективные кванторные местоимения, которые рассматриваются в рамках одного и того же типа именных словосочетаний: *новый дом — каждый дом* (Виноградов 1954, 287). Кроме того единицы этих типов относятся к одному и тому же члену предложения — определению. Но нельзя не заметить, что существенно различаются трансформационные характеристики прилагательных и кванторных местоимений:

новый дом — Дом (есть, был) новый.

каждый дом — *Дом (есть, был) каждый.

Первое сочетание обладает номинативной функцией (*Это — новый дом*), а второе — нет (**Это — каждый дом*). Выражение *каждый дом* фактически не является словосочетанием, от которого требуется, чтобы оно выполняло номинативную функцию. Но теория членов предложения игнорирует подобные функциональные свойства слов.

Отсутствие у членов предложения функционального единства ученые пытаются компенсировать ссылками на их морфологические

признаки: в соответствии с идеей, высказанной некогда еще А. А. Потебней, в русистике члены предложения выделяются по наиболее типичным грамматическим показателям. Стронником такого подхода был А. А. Шахматов (1941, 398).

Наконец, для выделения членов предложения используется третья характеристика слова — синтаксическая позиция, которая обычно определяется на уровне словосочетания с учетом трех морфосинтаксических типов связи: согласования, управления, примыкания. Традиция такого описания в русском языкознании связана с именем Ф. И. Буслаева. Б. М. Гаспаров, один из сторонников этой концепции, писал:

Характер второстепенных членов зависит исключительно от того, к какому из данных основных классов они относятся: определение это распространитель субстантивного класса (1971, 101).

Сильной стороной теории членов предложения является то, что она располагает небольшим количеством фундаментальных синтаксических категорий, которые определены в формальном, структурном и, отчасти, функциональном аспектах, т.е. отражают то естественное взаимодействие разнородных характеристик языкового знака, которое и обеспечивает эффективность и оптимальность речевой деятельности. Но при этом формально-грамматические признаки занимают доминирующее положение, поэтому синтаксические категории довольно грубо отражают объективные функциональные свойства номинативных единиц в предложении. Учитывая это обстоятельство, некоторые исследователи предлагают вообще отказаться от традиционных членов предложения. Например, Б. Ю. Норман (1994, 157), развивая концепцию Т. П. Ломтева, предлагает заменить традиционные члены предложения функционально-синтаксическими позициями. Хотелось бы возразить, что синтаксические позиции — формально-структурные, дистрибутивные категории, соотносить их с членами предложения вообще неправомерно, потому что члены предложения обладают отчасти также и функционально-семантическим содержанием. Поэтому функциональное моделирование высказывания может и, видимо, в определенной степени должно базироваться на традиционной системе членов предложения — требуется «обогащение» этой классификации семантической, а также отчасти прагматической информацией.

У синтаксической функции слова имеется, как минимум, два важнейших аспекта: «вертикальный» и «горизонтальный». Первый

аспект связан с номинативной характеристикой слова, именно он и является предметом изучения в падежной грамматике. «Горизонтальный», или линейный, аспект синтаксического функционирования слова — это его структурные связи с другими словами в предложении, их содержание и способы манифестации. Так, в разработанной Г. А. Золотовой теории синтаксем синтаксическая функция выступает именно как реляционная категория. Под синтаксемой понимается

минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица [...] выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризующаяся, следовательно, определенным набором синтаксических функций (Золотова 1988, 4).

Для описания синтаксем используются содержательные, формальные и структурные признаки: 1) категориально-семантическое значение слова, от которого она образована; 2) соответствующая морфологическая форма, способность синтаксически реализоваться в определенных позициях. При этом функциональной Золотова считает последнюю — дистрибутивную характеристику. Синтаксическая функция слова понимается как его способность к «конструктивной роли синтаксической единицы в построении коммуникативной единицы».

Золотова различает три типа синтаксических функций. Первый тип — самостоятельное, изолированное употребление единицы, например, в качестве заголовка:

О вреде табака.

Второй тип — употребление единицы в качестве компонента предложения, а именно — в качестве предизируемого, предизирующего компонента, распространителя предложения (ситуанта) или полупредикативного осложнителя предложения, ср.:

Рассказ — о детях.

Синтаксема *о* + предл. падеж с делиберативным значением выступает, по Золотовой, как предизирующий компонент предложения (другими словами — как именная часть составного сказуемого). С этой интерпретацией, впрочем, можно спорить, как и с тем, что в высказывании

Домик был о трех окошках

выделяется синтаксема того же типа. Здесь ведь надо учесть обязательность количественного модификатора — числительного *трех*, без которого конструкция была бы неправильной:

*Домик был об окошках.

Наконец, третий тип синтаксических функций у Золотовой — присловное употребление единицы в качестве компонента словосочетания, ср.: *рассказывать о детях, петь о любимой*, где синтаксема *о* + предл. падеж выступает в качестве присловного распространителя при глаголах с делиберативной семантикой.

Как видим, функция и позиция у Золотовой оказываются понятиями одного плана, а их различие заключается только в степени обобщенности. Так, синтаксема *о детях* в выражении

Рассказ о детях

выполняет, согласно Золотовой, функцию компонента предложения и занимает позицию предидирующего члена предложения.

В зависимости от функций все синтаксеммы делятся на три класса:

1. свободные синтаксеммы — обладают функциями всех трех перечисленных выше типов;
2. обусловленные синтаксеммы — обладают второй и третьей функциями, редко — первой;
3. связанные синтаксеммы — обладают только третьей функцией.

Очевидным достоинством предложенного Золотовой подхода является его интегративный характер: при описании минимальных синтаксических единиц учитывается значение (или то, что в падежной грамматике называют семантической функцией), грамматическая форма и синтаксическая позиция. Но данный подход применяется только к существительным. В принципе, к ним можно было бы присоединить и глаголы, хотя при этом окажется, что все или почти все личные глаголы обладают одним и тем же категориальным значением — предиката, общей морфологической парадигмой (причем частные грамматические значения глагола на его синтаксическое поведение принципиально не влияют) и общей позицией — предидирующего компонента предложения. Это же будет касаться и прилагательных.

Синтаксемный анализ ориентирован исключительно на номинативные единицы, поэтому разного рода лексические операторы (модальные слова, частицы, союзы и др.) оказываются вне рассмотрения.

Остается, в принципе, неясным, относятся ли, например, частицы к числу синтаксем, ведь, хотя они обладают определенным категориальным значением, частицы лишены морфологической формы и соответствующей позиции (в том ее понимании, которое представлено у Золотовой). С другой стороны, служебные части речи в предложении, подобно синтаксемам, «являются носителями элементарного смысла», выступают «конструктивными компонентами более сложных синтаксических построений».

6.2. Ситуативная семантика

Ч. Филлмор ввел в 60-х годах XX века понятие глубинно-семантического падежа (1981a; 1981b), на базе которого сформировалась падежная грамматика, другими словами — семантический синтаксис или иначе — ситуативная/пропозициональная семантика. Теоретическую основу ситуативной семантики составляют постулаты экстенциональной логики, прежде всего — восходящее к раннему Л. Витгенштейну положение об изоморфизме между структурой ситуации и содержательной структурой предложения (Витгенштейн 1958). Высказывание в ситуативной семантике рассматривается как сложный иконический знак, который копирует отношения между участниками описываемого события (положения дел) (Арутюнова 1976, 27; Freundlich 1972, 2; Helbig 1992, 7; Mauro 1982, 65).

Теория семантического синтаксиса, как указывает один из наиболее авторитетных исследователей в этой области — немецкий языковед Г. Хельбиг (Helbig 1992, 22 сл.), обладает несколькими важными особенностями:

1. Все синтаксические единицы описываются с семантической точки зрения.
2. Одной из предпосылок является несовпадение грамматической формы семантической функции слова, ср.: *die Ausstellung des Grafikers* — выставка графика и *die Ausstellung der Grafiken* — выставка графики, где форма родительного падежа существительного имеет функции субъекта и объекта действия).
3. Предполагается, что одному и тому же глубинному падежу соответствуют различные традиционные члены предложения.

4. Предложения с различной формально-грамматической структурой могут получить общее семантическое описание: высказывания *Er findet das Buch gut* — *Он считает книгу хорошей* и *Er findet, daß das Buch gut ist* — *Он считает, что книга хорошая* могут быть представлены в виде структуры, состоящей из предиката *FINDEN* и двух аргументов: предметного *ER* и ситуативного (*DAS BUCH GUT IST*).

В соответствии со структурой ситуации, в которой выделяются субстанции (участники) и признаки (отношения, действия, свойства участников) в структуре высказывания различаются аргументы (предметные имена, термы, актанты — в европейской традиции, тайгены — в японской традиции) и предикаты — в европейской традиции (ёгены — в японской традиции) (Богданов 1977; Мартынов 1977, 18; Ревзин 1978, 135 сл.). Семантическая функция словоформы в высказывании заключается в том, что она указывает на роль обозначаемого ей предмета в ситуации, описываемой высказыванием. В соответствии с терминологией Филлмора, семантическим функциям соответствуют глубинные (или глубинно-семантические) падежи. Одной из задач семантического синтаксиса стала классификация предикатов и аргументов с точки зрения их семантических функций (Богданов 1977; Золотова 1988; Левицкий 1988; Лещенко 1988; Никитин 1988; Селиверстова 1982; Daneš 1985; Gregorczykova 1990; Panevová 1980 и др.). Так, Филлмор выделил шесть падежей: агентив, инструменталис, датив, фактитив, локатив и объектив (1981a, 405 сл.). Впоследствии добавил к ним реципиент, источник, результатив и контрагентив. В других работах приводятся самые различные по объему и содержанию списки семантических функций. При этом обычно семантические функции вводятся бессистемно, без опоры на четкие лингвистические критерии. Игнорирование специфической языковой семантики (отраженной в языке категоризации мира) считается основным недостатком ситуативной семантики:

Придавая ведущее значение семантике имен в плане определения их падежной роли, Филлмор упускает из виду зависимость не только данного «падежа», но и предложения в целом от валентностной схемы глагольного значения (Кацнельсон 1988, 112; см. также: Золотова 1988, 11).

Подобные замечания высказывал Э. Косериу по поводу функциональной грамматики С. Дика (Coseriu (1987, 180). Ср. высказывания:

Дверь открыта ключом.

Ключ открыл дверь.

В падежной теории словоформы *ключом* и *ключ* выражают одну и ту же семантическую функцию — инструмента действия. С. Д. Кацнельсон критиковал такой подход, считая, что во втором высказывании к орудийному значению добавляется агентивное: подразумевается, что ключ подошел к замку, оказался способным к употреблению в качестве орудия в описанной ситуации, т.е. ключ рассматривается как деталь, соответствующая целому.

А. Г. Максапетян (1990, 37) пишет о регулярных случаях семантической деривации, а именно — антропоморфизации, возникающей в результате того, что слова с орудийном семантикой занимают позицию агентивного компонента, ср.:

На селе, в далекой клуне

Цеп молотит и стучит (В. Хлебников).

Над полюсом взлетают самолеты,

а ножницы срезают виноград (Н. Ушаков).

В первом высказывании *цеп* — не просто инструмент действия, но и причина шума, во втором высказывании *ножницы* — не просто орудие в руках человека, но и предмет, обладающий определенными свойствами ('ножницы обладают свойством срезать виноград'), а также элемент причины определенного состояния ('ножницы позволяют человеку срезать виноград'). Неслучайно творительный падеж как регулярная форма выражения орудийности (Норман 1994, 163) довольно регулярно используется для выражения каузативной семантической функции:

Его ранило стрелой = 'Причиной его ранения была стрела, а именно — попадание стрелы'.

Дом разнесло снарядом = 'Причиной разрушения дома стал снаряд, а именно — попадание снаряда'.

Дерево сломало ветром = 'Дерево оказалось сломанным по причине ветра, а именно — потому, что на него воздействовал сильный ветер'.

Его ударило током = 'Причиной того, что он испытал удар, было воздействие тока'.

Второй аргумент в высказываниях модели $S_{Acc} + VF_{Impers} + S_{Instr}$ (с деструктивным лексическим значением предиката) должен выполнять семантическую функцию неодушевленного стихийного субъекта (*ветер, ток*) либо функцию непрямого, второго инструмента — между ним и субъектом имеется агрегат-посредник, ср.: *стрелок* — *лук* —

стрела, артиллерист — орудие — снаряд. Если это правило нарушается, высказывание вступает в конфликт с нормой:

- **Дерево сломано экскаватором.*
- **Прохожего сбilo машиной.*
- **Его ранило ножом.*
- **Его ударило рукой.*

Словоформы *экскаватором, машиной, ножом, рукой* выполняют семантическую функцию прямого инструмента, посредник между субъектом и орудием здесь отсутствует.

Как ведут себя орудийные компоненты в высказываниях с заполненной синтаксической позицией субъекта действия? Ср. выражения:

- X ранил его стрелой.*
- X сломал дерево экскаватором.*
- X сбил его машиной.*
- X раздавил его ногой.*
- ? *X разрушил дом снарядом.*
- ? *X ранил его пулей.*

В этом случае актуализируется еще один признак — наличие в момент времени, предшествующий воздействию на объект, непосредственного воздействия субъекта на инструмент. Именно этот признак обуславливает корректность высказывания

X ранил его стрелой

и, скорее всего, некорректность высказываний

- ? *X ранил его снарядом.*
- ? *X ранил его пулей.*

Высказывания этого типа не приемлемы только при условии, что *X ранил его*, удерживая в руках снаряд или пулю (или же воздействуя на снаряд или пулю другой частью своего тела), например:

X ранил его пулей, т.е. X бросил в него пулю и тем самым ранил его.

При отсутствии прямого физического воздействия агенса на инструмент второй аргумент при деструктивном предикате является, скорее всего, каузативным (*почему дом разрушен?*) или медиативным (*каким*

способом дом разрушен?), а предметные имена (*снаряд, пуля*) выполняют объектную функцию, ср.:

Х разрушил дом выстрелом снаряда, т.е. в результате того, что Х выстрелил в дом снарядом.

Х ранил его выстрелом пули, т.е. в результате того, что Х выстрелил в него пулей.

Как я уже писал (Киклевич 1998, 75 сл.), категории прямого (неотчуждаемого) и непрямого (отчуждаемого) инструмента проявляются в некоторых выражениях с кванторными словами, в частности — в контексте глаголов со значением каузации малой и предельной степени изменения состояния объекта, например: *притушить — затушить, пригасить — загасить, приоткрыть — закрыть*. Эта оппозиция, скорее всего, является кванторной. В семантическом толковании упомянутых глаголов есть кванторные элементы, ср.:

Притушите фонарь = ‘Сделайте так, чтобы часть пламени в фонаре не горела’.

Затушите фонарь = ‘Сделайте так, чтобы все пламя в фонаре не горело’.

Поскольку кванторное значение инкорпорировано в содержание глагола, то, естественно, что поверхностно-синтаксическое дублирование кванторного слова не желательно:

*Затушите весь фонарь.

Впрочем, это правило имеет и исключения. Ср. высказывания:

Затушите костер.

Затушите фонарь.

В первом выражении объект квантификации и объект каузации совпадают — это пламя костра, во втором — могут не совпадать, если субъект непосредственно воздействует не на пламя фонаря, а на имеющуюся на его корпусе специальную вращаемую головку. Далее, в первом выражении предполагается многократное воздействие на пламя костра, во втором — однократное воздействие на пламя фонаря. Наконец, в первом высказывании весь костер охвачен пламенем, а во втором — только часть фонаря — фитиль. Эти семантические факторы обуславливают возможность либо невозможность употребления кванторного слова в контексте предиката *затушить* и т.п., ср.:

Затушите весь костер.

*Затушите весь фонарь.

Если имеется в виду, что горит фонарь как целостный объект (например, кто-то поджег его, облив бензином), высказывание может быть корректным:

Затушите весь фонарь.

Аналогичные семантические характеристики имеют глаголы *приоткрыть*, *закрыть* и их адвербиальные соответствия *настежь* и *наглухо* (Киклевич 1993, 33):

Окно раскрыто настежь.

Окно закрыто наглухо.

Эти высказывания обозначают положения дел, которые получены в результате воздействия на окно, однако не прямо на раствор окна (который и является объектом квантификации), а на конструктивные элементы окна как агрегата (например, в результате воздействия на ручку и створки окна). Если говорящий произносит высказывания

Вы закрыли все окно

Откройте все окно

они будут корректны только в том случае, когда объект каузации и объект квантификации различаются — объект каузации совпадает с инструментом, который не принадлежит окну как агрегату, ср.:

Она раздвинула шторы и открыла все окно.

Отодвиньтесь — своей головой вы закрыли все окно.

Семантический синтаксис, как уже указывалось, рассматривает формально-грамматическую и глубинно-семантическую структуры как автономные, поэтому одному поверхностному падежу может соответствовать несколько глубинных, что исчерпывающим образом на русском материале описано Г. А. Золотовой (1988; см. также: Пауль 1960, 344; Helbig 1992, 144 ссл. и др.). Указанная автономность грамматики и семантики является причиной синтаксической омонимии, ср.:

Из бывших вещей воспроизводились лишь папиросы «Герцеговина Флор» (А. Битов).

а) 'Производились лишь папиросы, другие бывшие вещи не производились';

б) 'Бывшие вещи использовались как сырье для производства папирос'.

Посылает царь невесту Алёну доставать (Фольклор).

- а) 'Царь посылает невесту, чтобы она достала Алёну';
- б) 'Царь посылает некоторое лицо достать невесту по имени Алёна'.

О великий эмир, позволь сказать твоему слуге (Фольклор).

- а) 'Позволь мне обратиться к твоему слуге';
- б) 'Позволь сказать мне, твоему слуге'.

Ведь все эти фильмы помнят, и только улыбки вызывает такая «политика» телевидения («Неделя». 1985/31).

- а) 'Все зрители помнят эти фильмы';
- б) 'Зрители помнят все эти фильмы'.

Журналистов, ищущих героев нашего времени, направляют в первую очередь сюда («Комсомольская правда». 11 X 1980).

- а) 'Журналисты ищут героев нашего времени';
- б) 'Журналисты — ищущие герои нашего времени'.

Грамматическая конструкция, как видим, сама по себе не запрещает двойного толкования высказывания, выбор же одной из возможных интерпретаций зависит, в первую очередь, от его лексического состава, а также от контекста. Таким образом, пресловутое шербовское выражение «Лексика — дура, грамматика — молодец!» оказывается в подобных случаях неуместным. При определении семантической структуры коммуникативных единиц лексическая информация зачастую более важна, например:

Африка жаркая.

В Африке жарко.

Как считает Г. Фрайдхоф, существительное *Африка*, независимо от падежной формы выступает в качестве локатива (Freidhof 1978, 158).

Примером положительной корреляции между семантической функцией слова в высказывании и типом его лексической семантики является отношение лексико-семантической категории одушевленности и синтаксической категории агентивности (субъектности). Но корреляции этого типа все-таки относительны, потому что члены одного лексико-семантического класса могут иметь разные синтаксические функции, ср. функции существительного *город*:

Бомбы разрушили город (функция объекта).

Войска приближались к городу (функция финитива).

В городе уже не было продуктов (функция локатива).

Количество этих функций увеличится, если мы примем во внимание метафорические и метонимические значения существительных, ср.:

Город праздновал (функция субъекта).

На семантическую (в смысле — пропозициональную) интерпретацию высказывания влияет не только выбор одного из лексических значений, но также выбор одного из эпистемических возможных миров — ситуаций субъективной категоризации опытных данных (Киклевич 1992, 39 ссл.). Ср. высказывания:

— *А ты не смотри, спи себе.*

— *Я бы не смотрел, — глаза смотрят* (Ф. Сологуб).

Сны прижались к ставням и дверям (В. Луговской).

В первом случае отражается мир восприятия действительности, характерный для ребенка — здесь часть тела (глаза) персонифицируется, ср. интерпретацию: ‘У меня такое ощущение, что глаза самостоятельно, независимо от меня, не подчиняясь мне, смотрят’. Во втором высказывания мы также имеем дело с воображением, в котором сон представляется как активный материальный предмет (‘Я представляю себе, что сны, подобно живым людям, прижались к ставням и дверям’). В связи с этим уместно напомнить, что поэзии иногда вообще приписывается признак «детскости» — так, в частности, исследователи характеризуют стиль Б. Пастернака.

При анализе художественного (и не только художественного) текста роль метафоры часто преувеличивается. Так, Ю. М. Лотман писал о метафоризации любого компонента поэтического текста в синтагматических цепочках с нарушением нормативной лексической сочетаемости: «У Пастернака [...] или Вознесенского метафорой могут считаться практически любые два стоящих рядом слова» (1970, 116). На самом же деле в подобных случаях мы нередко сталкиваемся не с метафорой, а с актуализацией эпистемического возможного мира, альтернативного по отношению к норме, т.е. стереотипным представлениям о мире. В высказывании из поэзии Уильяма Эмпсона

Лишь кровь горячая рождает

В нас вечный дух для славных дел

Д. Дэвидсон не усматривает метафоры слова *дух*, потому что, по его мнению, для автора стихов оно связано с мифопоэтической семантикой: *дух* — как небольшая, но активная часть крови, нечто среднее между душой и телом (1990, 180).

Идиосинкратические эпистемические возможные миры воплощены, в частности, в семантических архаизмах, которые необходимо учитывать при семантическом анализе высказывания. Хрестоматийным примером является предложение:

Солнце всходит и заходит.

Выражения этого типа отражают то, что называют «наивной картиной мира» (Ю. Д. Апресян): солнце в сообщении предстает как движущийся относительно земного наблюдателя объект, т.е. субъект перемещения.

Наивные», зачастую архаические, мифологические представления о мире широко отражены в синтаксических структурах:

Сердце наполнилось радостью.

Сердце переполняла радость.

На улице стояла жара.

Дни шли за днями.

Всех охватила паника.

Река вышла из берегов.

Голоса тонули в шуме моторов.

Так, первое из приведенных выше высказываний, с одной стороны, можно интерпретировать: ‘Субъект состояния — *сердце*, перешел в состояние — *наполниться радостью*’, т.е. в семантической структуре высказывания имеются два компонента: аргумент *сердце* (с функцией субъекта состояния) и предикат *наполниться радостью*. С другой стороны, нельзя не учитывать, что высказывание отражает мифологическое сознание, в котором *радость* обозначает некоторую субстанцию, наполняющую сердце, подобно тому, как сосуд наполняется жидкостью. При такой интерпретации семантическая структура высказывания выглядела бы иначе: в ней следовало бы выделить предикат *наполнять* и два аргумента — *радость* и *сердце*.

Очередным — кроме лексического значения и эпистемических возможных миров — фактором, обуславливающим семантические функции компонентов высказывания, является грамматическое значение слова. С одной стороны, «глубинные падежи» свободны от жестких грамматических ограничений, с другой стороны, между ними се-

мантическими и грамматическими категориями имеются положительные корреляции. Так, существует взаимосвязь между значением именительного падежа и функцией агенса, не случайно орудийные, локативные, медиативные и др. компоненты в форме именительного падежа, как уже отмечалось выше, могут приобретать оттенок агентивности.

Сила грамматики состоит как раз в том, что грамматические значения чрезвычайно абстрактны и в рамках данной языковой общности универсальны, обязательны, поэтому благодаря грамматической информации общий смысл высказывания будет восстановлен адресатом и в условиях, когда с точки зрения их номинативного содержания какие-то слова окажутся непонятными и какая-то часть лексической информации не будет декодирована. Ср. пример из разговорной речи:

— Скажите, у вас тут эксцессов не было?

— Да нет, пока не приезжали...

Лексическое значения существительного *эксцесс* адресату сообщения оказывается неизвестным, и все-таки благодаря грамматическому значению он понимает фразу, пусть и неточно, не в соответствии с замыслом говорящего, который вкладывает в существительное *эксцесс* фактуальную семантику ('Не имели ли у вас место эксцессы, т.е. факты нарушения общественного порядка'), тогда как слушающий интерпретирует существительное *эксцессы* как личное ('Лица, именуемые как *эксцессы*, у нас не появлялись').

Классическим примером осмысления высказывания благодаря грамматическим значениям входящих в его состав словоформ считается пресловутая щербовская *глокая куздра*, которая *штеко будланула бокра*. В 80-е годы XX века у *глокой куздры* появился конкурент — *путьски бятые*. Таково название впервые опубликованной в «Литературной газете» юморески Людмилы Петрушевской:

Сяпала Калуша по напушке и увазила бутявку. И волит:

— *Калушата, калушаточки! Бутявка!*

Калушата присяпали и бутявку стрямкали.

И подудонились.

А Калушата волит:

— *Оее, оее! Бутявка-то некузавая!*

Калушата бутявку вычучили.

Бутявка вздрезнулась, сопритюкнулась и усяпали с напушки.

А Калуша волит:

— *Бутявок не трямкают. Бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузавые. От бутявок дудонятся.*

А бутявка волит за напушкой:
— *Калушата подудонилась! Калушата подудонилась! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!*

Текст Петрушевской был просто нарасхват у авторов популярных книг о языке — Б. Ю. Нормана, И. А. Стернина, А. Е. Михневича и др. Один из ярких представителей этого жанра в русском языкознании, Норман пишет по поводу *пусек*, что здесь при понимании текста «основная тяжесть» лежит на грамматических значениях и конструируемых благодаря им синтаксических шаблонах.

Именно их (грамматические значения и синтаксические модели. — А. К.) читатель и стремится в первую очередь опознать, с тем, чтобы расставить по местам участников ситуации. Что такое, в частности, *сяпала Калуша по напушке*? Ну, примерно то же самое, что *скакала лягушка по траве* или *шлепала галоша по дороге* и т.п. (1987, 91).

У такой интерпретации имеются, однако, и очевидные недостатки. Лежащая в основе высказывания

Сяпала Калуша по напушке

структурная схема $S [Nom] + Vf + Praep [no] + S [Dat]$ принципиально допускает несколько семантических интерпретаций, в которых предложно-падежная синтаксема выполняет разные семантические функции:

локатив (или тразитив, в терминологии Г. А. Золотовой): *Ступала Маша по дивану.*

объект физического действия: *Стучала Маша по барабану.*

объект психического состояния (с каузативной семантикой): *Скучала Маша по Ивану.*

каузатив: *Маша явилась по приказу.*

рубрикатив: *Маша работала по ссылке.*

темпоратив: *Маша гостила по неделе.*

инструмент: *Маша говорила по телефону.*

коррелятив: *Маша работала по графику.*

дистрибутив: *Маша платила по доллару.*

Норман (как и другие авторы) выбирает только одну, а именно — первую интерпретацию и как бы не замечает других. Автор интуитивно рассматривает словоформу *сяпала* как глагол передвижения, словоформу *Калуша* — как передвигающийся объект, а предложно-именное сочетание *по напушке* — как место передвижения. Это можно объяснить тем, что исследователь — сам того не сознавая — оказывается подверженным влиянию фонетических и словообразовательных

ассоциаций слов. Именно благодаря им и прогнозируются участники ситуации: *напушка* вызывает сходство с *опушкой* ('край леса'), что и обуславливает интерпретацию словоформы *напушка* как названия места. Нельзя не усмотреть и других ассоциаций:

сяпала — *топала*, *шлепала*

бутявка — *козявка*

кузявая — *козявка*

волит — *говорит* и т.д.

В сущности, подобная ситуация наблюдается и с *глокой куздрой*. Кажалось бы, общая синтаксическая интерпретация этого «высказывания» не вызывает сомнений: (кто?) *куздра* (какая?) *глокая* (что сделала?) *будланула* (кого?) *бокра* (как?) *штеко*. Именно с такой интерпретацией пример Л. В. Щербы почти столетие путешествует по учебникам «Введения в языкознание». Но Ю. Д. Апресян (1966, 146 сл.), который проанализировал не только словоизменительные, но и словообразовательные значения лексических элементов в составе щербовской фразы, обратил внимание на то, что суффикс в слове *будлануть* повторяется в русских глаголах *давануть*, *долбануть*, *звездануть*, *мазануть*, *рубануть*, *садануть*, *стегануть*, *толкануть*, *щипануть*, *хлестануть* и др. — «все они имеют однократное значение, выражают энергичное, насильственное воздействие на объект (нечто вроде ударить, но непременно ударить с силой и один раз)». Определенные ассоциации вызывает и наречие с признаком интенсивности *штеко*, которое в сочетании с *будлануть* соответствует выражениям *крепко звездануть*, *ловко мазануть*, *шибко трепануть* и т.п. Именно с учетом лексических ассоциаций — а не грамматических значений! — мы получаем интерпретацию: 'Куздра, некое живое существо, по всей вероятности самка, интенсивно произвела насильственное действие над другим существом'.

А. М. Кондратов, автор одной из лучших популярных книг о языке (1978), развивает мысль Апресяна. Он задается вопросом:

Интуитивно всем нам, носителям языка, благодаря грамматике и привычным смысловым связям, рисуется примерно одинаковая картина того, что произошло с *глокой куздрой* академика Щербы. Но обязательно ли именно такое толкование? (1978, 79).

Выясняется, как это мы уже наблюдали с *пуськами бятymi*, — не обязательно. Так, *глокая* может быть, в принципе, осмыслено как прилагательное или как дееспричастие. *Куздра* может быть не обязательно

животным, но и человеком, входя в тот же ряд наименований, что и *мымра*, *карга*, *дура* и т.п. Слово *штеко* можно квалифицировать как наречие, а можно — и как неизменяемое существительное типа *кенгуру*, *колибри*, *динго* и т.п.

Кондратов провел специальный эксперимент: были подобраны восемь русских фраз, построенных по типу *Глокая куздра штеко будланула бокра и куздрячит бокренка*, в которых варьировались грамматические значения и синтаксические функции отдельных компонентов:

- (1) *Закусочная турка нагло обманула казака и дурачит казачонка.*
- (2) *Ушлая экономка только обманула повара и морочит поваренка.*
- (3) *Дикая собака динго трепанула волка и увечит волченка.*
- (4) *Описывая мальчика бегло черканула сестра и молчит сестренка.*
- (5) *Слушая брата сильно психанула сестра и молчит сестренка.*
- (6) *Выискивая зерна проворно гребанула ворона и кормит вороненка.*
- (7) *Завидевшая обидчика высоко маханула обезьяна и манит обезьяненка.*
- (8) *Наглая телка крепко долбанула пастуха и увечит пастушонка.*

Задание состояло в том, чтобы определить, какая из этих восьми фраз соответствует по смыслу шербовакской. Проведенный Кондратовым эксперимент показал, что «глокая куздра», действительно, допускает несколько грамматических и семантических толкований. Кроме этого экспериментатор элиминировал все корневые морфемы, оставив лишь окончания — в результате получилась девятая «фраза»:

- (9) *А-ая Б-а В-о Г-анула Д-а и Е-ит Д-енка.*

Испытуемые должны были интерпретировать «фразу», а именно — найти ее соответствие среди восьми приведенных выше фраз. Эксперимент показал, что студенты, без труда разбирающие «глокую куздру», в этом случае встречаются со значительными трудностями, хотя синтаксические условия — «синтаксический шаблон», в понимании Нормана — остались прежними.

Причина, как считает Кондратов, состоит в том, как понимается занимающий центральное положение в синтаксической структуре высказывания глагол *будлануть*. Дело не только в том, что он ассоциируется с глаголами сильного, однократного, негативного воздействия типа *долбануть*, но также в том, что слушающий актуализирует фонетическую ассоциацию *будлануть* — *боднуть*:

Мы воспринимаем щербовское слово, имея уже подсознательную трактовку этого глагола как действия, осуществляемого живым существом по отношению к другому живому существу [...] И когда начинаем вроде бы сугобо академический, формальный грамматический анализ фразы, на самом деле уже имеем в голове ее смысловую трактовку. Мы дешифровали фразу, поняли ее, а потом уже разобрали по косточкам с помощью грамматики. Но ведь как раз эта самая грамматика показывает, что глокую куздру можно понимать совсем иначе. Значит, все дело не в грамматике, а в семантике. Не абстрактная геометрия грамматики, а конкретное значение, носителем которого является мозг человека, определяет трактовку придуманной глокой куздры! (1978, 81).

Помимо обязательных конstituентов — аргументов и предикатов, в семантической структуре высказывания выделяются также факультативные компоненты — указатели (сирконстанты, функторы, операторы). Г. Хельбиг вычленяет их с помощью процедуры преобразования простого предложения в сложное: если после такого преобразования компонент перемещается в другую часть предложения, значит, по отношению к ядерному предикату (сказуемому) он не обязателен (Helbig 1992, 78), ср.:

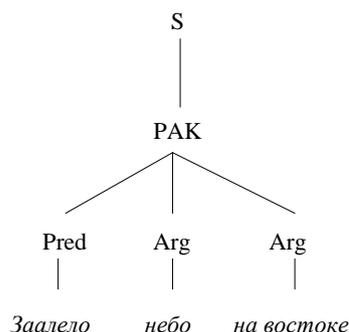
Er aß sein Brot in der Schule → *Er aß sein Brot, als er in der Schule war* (Он ел в школе — Он ел, когда был в школе).

Er wohnte in Dresden → **Er wohnte, als er in Dresden war* (Он жил в Дрездене — *Он жил, когда был в Дрездене).

В первом высказывании существительное с семантикой места (*in der Schule*) не принадлежит к семантическому минимуму предложения, во втором случае такое существительное (*in Dresden*) — обязательный аргумент высказывания.

Главное внимание в семантическом синтаксисе сконцентрировано на предикатах и аргументах, а также типах семантических (пропозициональных) структур, что же касается указателей (в особенности разного рода операторов — частиц, предлогов, союзов и др.), то они оказались на периферии. Интерес к единицам этого типа проявляют, скорее, смежные дисциплины — теория референции, лингвистическая прагматика, логическая грамматика. Усилиями ученых, работающих в этих областях современной лингвистики, указатели были введены в орбиту семантико-синтаксических исследований, получили интерпретацию в разных функционально-семантических моделях. Так, Г. Рессель (Ressel 1979) рассматривает предикатно-аргументный комплекс (ПАК) как содержательное ядро предложения (см. рис. 8).

Рисунок 8. ПРЕДИКАТИВНО-АРГУМЕНТНЫЙ КОМПЛЕКС (ПО Г. РЕССЕЛЮ)

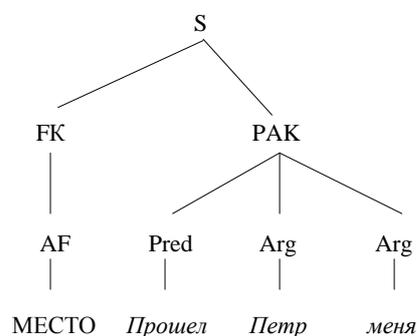

Кроме предикатно-аргументного комплекса в содержание высказывания входит функторный комплекс (*Funktorenkomplex*), в котором имеются конкретизаторы значений предиката и аргументов. Этот комплекс представлен двумя разновидностями: предикатным и аргументным функторами (*PF*, *AF*). Например:

Петр прошел мимо меня.

По мнению Ресселя, предлог *мимо* является аргументным функтором со значением ‘место’ (1979, 21):

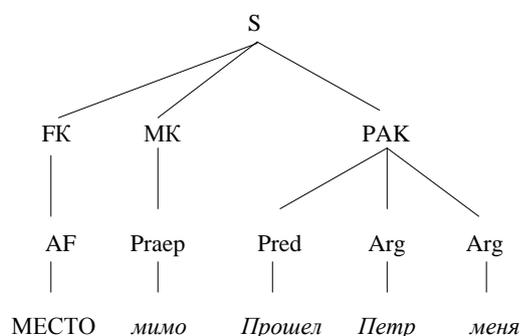
Рисунок 9. ПРЕДИКАТИВНО-АРГУМЕНТНЫЙ И ФУНКТОРНЫЙ КОМПЛЕКС

Третье важнейшее звено в содержании высказывания — модификаторный комплекс (*МК*), т.е. языковая (лексическая и морфологическая) форма, которая используется для манифестации функционально-

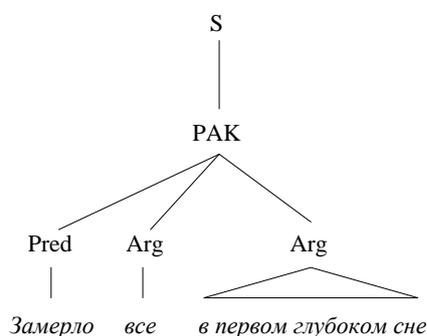
го комплекса. С учетом *МК* высказывание получает более полное представление.

РИСУНОК 10. ПРЕДИКАТИВНО-АРГУМЕНТНЫЙ, ФУНКТОРНЫЙ И МОДИФИКАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС

Рессель фактически игнорирует полипредикативность в простом предложении, рассматривая именные сочетания с прилагательными и причастиями — по образцу генеративной грамматики — как единый семантический комплекс, ср. интерпретацию высказывания *Все замерло в первом глубоком сне*.

РИСУНОК 11. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

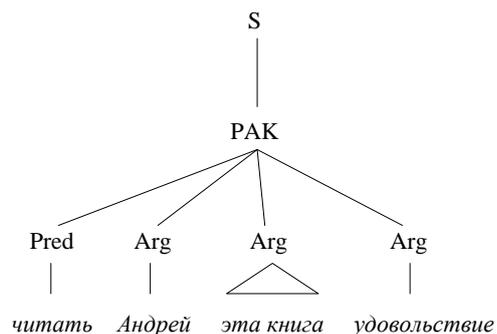
Рессель, таким образом, в какой-то степени «подгоняет» семантическую интерпретацию под структурную схему. Ничего поэтому удивительного в том, что и общий вывод немецкого слависта звучит так: нет никакой

автономной глубинно-семантической структуры, потому что она теснейшим образом связана с поверхностно-синтаксической (1979, 196).

Недостаточно четко Рессель различает обязательные и факультативные компоненты предложения (актанты и сирконстанты). Ср. его интерпретацию высказывания:

Андрей читает эту книгу с удовольствием.

РИСУНОК 12. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКТАНТОВ И СИРКОНСТАНТОВ

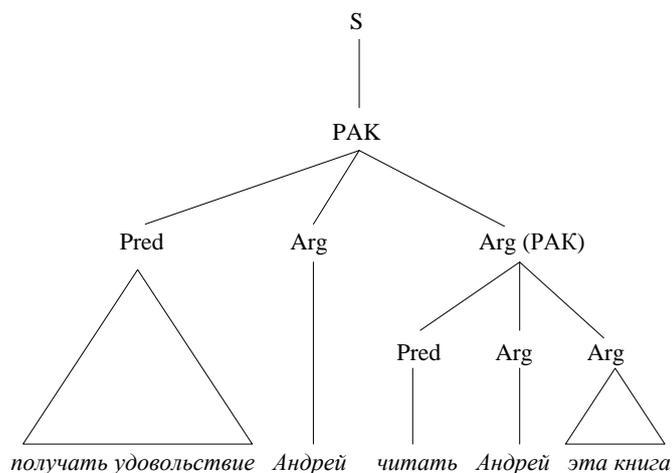

Если к данному высказыванию применить предложенную Г. Хельбигом процедуру трансформации простого предложения в сложное, то окажется, что синтаксема *с удовольствием* не входит в ядерную часть, ср.:

Когда Андрей читает эту книгу, он получает удовольствие.

В этом случае, как и в других, Рессель, как видим, не отмечает явления полипредикативности, а его семантическая интерпретация высказывания в основных чертах повторяет формально-грамматическую. С моей точки зрения, более адекватной применительно к рассматриваемому высказыванию была бы такая схема:

РИСУНОК 13. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКТАНТОВ И СИРКОНСТАНТОВ
С УЧЕТОМ ЯВЛЕНИЯ ПОЛИПРЕДИКАТИВНОСТИ

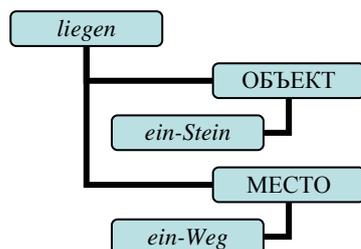
В. Зухаровский, развивая идеи Ч. Филлмора, рассматривает падежную структуру высказывания как семантическую сеть, в которой организуящим центром выступает предикат, определяющий все имеющиеся при нем глубинные падежи (Sucharowski 1996, 43 ссл.). В семантической записи высказывания отмечаются: 1) глубинный падеж; 2) реализующая его конкретная лексическая форма; 3) ее частеречная характеристика. Ср. интерпретацию высказывания:

Inge küßt Peter auf den Mund — Инга целует Петера в губы.

KÜSSEN (Agent [Inge (NP)], Patient [Peter (NP)], Ziel [auf den Mund (PP)])

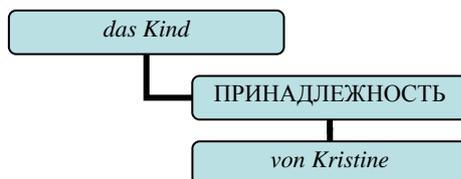
Вслед за Й. Энгелькампом (Engelkamp 1973, 21 ссл.) Зухаровский различает три типа предикатов, а поскольку предикат фактически отождествляется с семантической сетью, то иными словами — три типа сетей: 1) атрибутивные; 2) процессуальные и 3) акциональные. Атрибутивные предикаты отражают постоянные, длительные состояния и свойства объектов; процессуальные предикаты указывают на изменение состояния объектов; в содержании акциональных предикатов предполагается, что субъект самостоятельно изменяет свое состояние. Семантическая сеть имеет вид:

Ein Stein liegt auf dem Weg — На дороге лежит камень.

РИСУНОК 14. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ (ГЛАГОЛ *LIEGEN* 'ЛЕЖАТЬ')

Кроме предикатов и аргументов в семантической сети имеются элементы, выполняющие юнктивную (соединительную) функцию. Это — предлоги как средство связи именных групп и союзы как средство связи высказываний. Ср. интерпретацию выражения с предлогом *von*:

das Kind von Christine — ребенок Кристины.

РИСУНОК 15. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ (ПРЕДЛОГ *VON*)

Семантические сети могут быть использованы для содержательного анализа текста, в частности, при описании процессов понимания. Психолингвистически доказано, что подобного рода семантические структуры актуализируются при обработке и декодировании текста слушающим (Bierwisch 1980, 58; Christmann/Klein 1996, 187; Sucharowski 1996, 47). В процедурной теории (Kintsch/van Dejk 1978; ван Дейк/Кинч 1988) понимание текста рассматривается как выделение и последовательное восстановление смысловой связности (когеренции) простых пропозиций, которые выступают как формы репрезентации знаний о положениях дел (ситуациях, событиях, фактах). При этом на понимание текста принципиально не влияет его объем — общее число словоформ, а его семантическая структура, число пропозиций и характер их связи. Чем выше место пропозиции в иерархической семантической структуре текста, тем выше ее значимость при обработке

текста (это доказано экспериментально). При отсутствии или дефиците языковой информации, касающейся семантической организации текста, адресат может воспользоваться механизмом инференции — актуализации внеязыковых знаний (о мире, о нормах социального взаимодействия), а также моделирования предварительных установок говорящего. Благодаря инференции генерируются новые пропозиции, которые заполняют пустующие места в семантической структуре и обеспечивают связность текста.

6.3. Логическая грамматика

Современная лингвистическая (в первую очередь — синтаксическая) семантика базируется на идеях экстенциональной логики, разработанной в конце XIX в. — первой половине XX в. в работах Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, А. Тарского и др. Важнейшей составной частью логической семантики является логика предикатов, составляющая основу семантического моделирования языка во многих лингвистических работах (Heringer 1970a; 1970b; Elst 1982, 59 ссл.; Kunze 1993, 19 ссл.; Schnelle 1973 и др.). Особенности логики предикатов как модели семантического представления высказывания по отношению к естественному языку заключаются, в частности, в том, что здесь не различаются синтагматические и парадигматические классы, т.е. «части речи» совпадают с «членами предложения», что вполне соответствует ранее высказанной Г. Паулем (1960, 344) мысли о том, что чем выше степень аналитичности языка, тем меньше несоответствий между морфологическими (парадигматическими) и синтаксическими (синтагматическими) категориями. С Кароляк подчеркивает, что логический (семантический) метаязык — это не язык в полном смысле этого слова, а лишь интерпретация естественного языка в аспекте содержания, причем — только номинативного, диктального содержания коммуникативных выражений (Karolak 1968, 147). Стандартный язык логики предикатов составляет множество символов с фиксированными семантическими свойствами:

1. предикаты P, Q, R, S (математическая логика различает предикаты первого и второго (высокого) порядка; предикаты первого порядка применяются к индивидуальным аргументам, а предикаты высокого порядка (например, модальные операторы) — к пропозициональным аргументам (или к высказываниям));

2. индивидные константы a, b, c, d ;
3. индивидные переменные x, y, z ;
4. юнкторы (пропозициональные связки, или логические союзы) $\&, \vee, \rightarrow, \equiv, =$;
5. кванторы $\forall, \exists$;
6. оператор отрицания $\neg$.

Подробное описание лингвистических коррелятов этих логических понятий см. в работе: Döhmann 1974.

Оператор отрицания, кванторы и пропозициональные связки иногда квалифицируются как **ф у н к т о р ы**, которые противопоставляются предикатам и индивидным термам (аргументам). Логическое высказывание, представляющее собой комбинацию предикатов, термов и функторов, называется **п р о п о з и ц и е й**. Центральную роль в структуре пропозиции играет предикат, который «открывает» места для термов, т.е. определяет, какие константы или переменные и в каком количестве выступают при нем.

Пропозиция с индивидными переменными называется **о т к р ы т о й** — она обладает смыслом (некоторой семантической структурой), но не обладает референцией и не может быть истинной или ложной, ср.:

$$P(x, y) \tag{54}$$

Формула означает: ‘Некоторый объект x вступает в отношение P с объектом y ’. У этой открытой пропозиции есть только потенциальный референт — любая ситуация, в которой имеются два участника и связывающее их отношение, например:

Петя читает газету.

Книга лежит на столе.

Ветер сломал дерево и т.д.

В связи с этим свойством открытых пропозиций иногда говорят, что они указывают на множество возможных миров, т.е. на (обычно бесконечное) множество конкретных ситуаций с однотипной структурой. Референтная семантика (т.е. указание на конкретную, индивидуализированную во времени и пространстве ситуацию) появляется только в результате актуализации (локализации) пропозиции, когда ее содержание пополняется информацией о том, какой конкретный возможный мир имеется в виду. Такие актуализованные пропозиции называ-

ются закрытыми. Закрытая пропозиция в логике предикатов и называются собственно высказываниями.

Существует два способа актуализации открытых пропозиций. Первый заключается в том, что индивидные переменные заменяются индивидными константами:

$$P(x, y) \rightarrow P(a, b) \quad (55)$$

Формула с индивидными константами значит: 'Данный конкретный предмет a имеет отношение P к данному конкретному предмету b '. Открытой и закрытой пропозициям могут соответствовать выражения на естественном языке:

Кто-то кому-то что-то подарил $\rightarrow$ *Петя подарил Маше сережки.*

Другой способ актуализации открытой пропозиции — использование кванторов (*все, никто* или *некоторые*):

$$P(x, y) \rightarrow \forall x P(x, y) \quad (56)$$

$$P(x, y) \rightarrow \exists x P(x, y) \quad (57)$$

$$P(x, y) \rightarrow \forall x \exists y P(x, y) \quad (58)$$

$$P(x, y) \rightarrow \forall x \forall y P(x, y) \quad (59)$$

$$P(x, y) \rightarrow \exists x \exists y P(x, y) \text{ и т.д.} \quad (60)$$

(В работе: Киклевич 1998, 56 ссл., было показано, что такой способ актуализации не «работает» применительно к естественным языкам).

Переменные в выражениях $\forall x$, $\exists x$ не допускают замены на константы, подобно тому как можно сказать:

все дети
каждый ребенок

но нельзя было бы сказать:

? *все (эти) Иваны Петровичи*
* *каждый (этот) Вася*

Поэтому переменные в сочетании с кванторами называются связанными. В закрытой пропозиции все имеющиеся переменные должны быть связанными; если же хотя бы одна переменная окажется свободной, то пропозиция не считается закрытой, потому что один из возможных миров, с которым она соотносится, остается не актуа-

лизованным. В закрытых пропозициях с несколькими переменными реализуется так называемая **многократная квантификация**.

В некоторых версиях логики предикатов рассматривается также **лямбда-оператор** (Schwarz/Chur 1993, 152-153), функция которого заключается в определении значения предиката через аргумент и значения аргумента через предикат, т.е. в выражениях типа:

$$\lambda x (\varphi(x)) \quad (61)$$

$$\lambda P (P(a)) \quad (62)$$

Формулы означают: ‘Для объекта x характерно то, что он является аргументом при предикате P ’ и ‘Для действия P характерно то, что в нем принимает участие объект a ’. В естественном языке подобным формулам соответствуют выражения:

Это тот, кто строит, т.е. строитель.

Лаять — это действие, осуществляемое собакой.

Лямбда-оператор всегда присоединяется к неопределенному символу — индивидуальной или предикатной переменной; если переменная, к которой применяется лямбда-оператор, является индивидуальной, то предикат в пропозиции имеет константное значение (φ), а если переменная, к которой применяется лямбда-оператор, является предикатной, то константное значение имеет аргумент основной пропозиции (a). Здесь исключительно важно то, что дифференцируются не только постоянные и переменные аргументы (предметные имена), но и постоянные и переменные предикаты — в стандартной логической и построенной на ее базе лингвистической семантике (например, в теории референции) подобное разграничение, к сожалению, не проводится.

На изложенных здесь теоретических положениях (см. также: Ивлев 1988; Клини 1957; 1973; Костюк 1975; Попович 1975; Черч 1960; Bachmann 1985; Hall Partee 1978; Klaus 1973; Montague 1972; Rasiowa 1975; Schnelle 1973; Stanosz 1985; Wall 1973 и др.) базируется современная логическая (или универсальная) грамматика, иначе ее квалифицируют как логический анализ естественного языка — структурное и функциональное моделирование языковых единиц разной степени сложности с помощью формул той или иной логики (Ballmer 1978, VIII).

Ф. фон Кучера в основу своей логической теории естественного языка кладет тезис, согласно которому логика — формальный мета-

язык семантического представления естественного языка, который способен отображать содержание естественных языковых выражений без присущих им «недостатков» — неточностей, неопределенностей, двусмысленностей и т.д. (von Kutschera 1975, 222). Синтаксические правила логического метаязыка универсальны (неслучайно Р. Монтегю назвал свою логическую грамматику *универсальной*). Кроме того синтаксическая структура формального выражения в метаязыке соответствует структуре значения естественных языковых выражений, что, в частности, и объясняет неразличимость «частей речи» и «членов предложения» в логических моделях языка.

В логическом метаязыке L отсутствуют привычные традиционные части речи, вместо которых вводится множество синтаксических (именно — синтаксических, а не семантических!) категорий (ibidem, 223 сл.):

1. Основные категории: σ — предложения/предикаты, ν — имена объектов.
2. τ (ρ) — функторы, которые превращают выражения категории ρ в выражения категории τ .
3. ι (τ) — выражения, которые служат для интерпретации интенционала (смысла) выражений категории τ .
4. σ (ν) — одноместный предикат, например: *человек*.
5. ν (ν) — одноместный функтор, который превращает одно имя в другое, например: *отец*.
6. σ (σ) — функтор, превращающий одно предложение в другое, например: *не*.
7. σ (ν , ν) — двухместный предикат, например: *быть*.
8. σ (σ , ν) — двухместный предикат, при котором один аргумент является предложением, например: *верить, что...*
9. σ (σ (ν)) — кванторы, которые превращают предикаты в предложения, например: *все, некоторые*.
10. ν (σ (ν)) — выражения, которые превращают предикат в имя, например: *такой предмет, который...*

Специально рассматриваются также правила образования термов (выражений) и их три важнейшие стороны: экстенционал — отношение к объектам, интенционал — отношение к возможным мирам, прагматика — отношение к абонентам. Применительно к анализу конкретных языковых выражений все приведенные выше категории переписываются в следующем виде.

ТАБЛИЦА 25. ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ (Ф. ФОН КУЧЕРА)

a, b, c, d x, y, z	Константы и переменные категории ν
p, q r, s	Константы и переменные категории σ
F, G, H, I f, g, h	Константы и переменные категорий $\sigma(\nu)$, $\sigma(\nu, \nu)$, ..., $\sigma(\iota(\nu))$, ..., $\sigma(\sigma)$, ..., $\sigma(\iota(\sigma))$, ... $\sigma(\nu, \sigma)$
U, V u, v	Константы и переменные категорий $\nu(\nu)$, $\nu(\nu, \nu)$, ..., $\nu(\iota(\nu))$
M, N	Константы категорий $\sigma(\sigma(\nu))$, $\sigma(\nu, \sigma(\nu))$, $\sigma(\sigma, \nu(\nu))$, $\sigma(\iota(\sigma(\nu)))$, ...
T, W	Константы категорий $\nu(\sigma(\nu))$, $\nu(\nu(\nu))$, $\nu(\nu, \sigma(\nu))$, ...

Кроме того в алфавит L вводятся дополнительные символы разного рода операторов: $\equiv$, λ , μ , δ и др. Таким образом, базовые категории получают оформление, например:

$$\sigma(\nu, \nu) \rightarrow F(a, b) \quad (63)$$

С помощью логических категорий и соответствующих им формальных выражений можно, считает Кучера, довольно точно моделировать высказывания естественного языка, чтобы впоследствии рассматривать в качестве объекта исследования полученные логические модели. Например:

Hans schlägt Fritz mit einem Stock (Ганс бьет Фритца палкой) = 'Имеется предмет x , для которого верно, что он является камнем, и имеется действие f , для которого верно, что оно является действием «ударять», в котором принимают участие Ганс и Фритц, такое действие, для осуществления которого используется x '.

Кучера подвергает логическому анализу все традиционные части речи, сравнивая формулы, в которые преобразуются высказывания с существительными, прилагательными, глаголами и т.д., включая служебные части речи (1975, 235 ссл.; ср. применение подобного принципа описания в работе: Cresswell 1979, 205 ссл.). Рассмотрим вслед за немецким логиком некоторые традиционные части речи.

Существительные выступают как логические термы — это касается имен собственных, или как предикаты — это касается нарицательных существительных, которые являются:

1. (чаще всего) одноместными предикатами категории $\sigma(v)$, например: *Mensch* — человек;
2. многоместными предикатами категории $\sigma(v, v, v)$, например: *Geschänk* — подарок;
3. предикатами предикатов (*Prädikatenprädikate*) категории $\sigma(\iota(\sigma(v)))$, например: *Sportart* — вид спорта;
4. предикатами предложений категории $\sigma(\iota(\sigma))$, например: *Überraschung* — сюрприз;
5. функторами категории $v(v)$, например: *Inhalt* — содержание.

Всем этим категориям соответствуют типы семантических структур в естественном языке и логические формулы:

(1) *Sokrates ist ein Mensch* ‘Сократ — человек’
 $F(a)$ (64)

(2) *Diese Vase ist ein Geschenk von Fritz an Hans* ‘Эта ваза — подарок Фритца Хансу’
 $F(a, b, c)$ (65)

(3) *Daß Fritz kommt, ist eine Überraschung* ‘То, что придет Фритц, будет (должно быть) сюрпризом’
 $G(\mu(F(a)))$ (66)

(4) *Schifahren ist eine Sportart* ‘Лыжные гонки — один из видов спорта’
 $M(\mu(F))$ (67)

(5) *Der Inhalt dieser Flasche ist Wasser* ‘Содержимое этой бутылки — вода’
 $F(U(a))$ (68)

Глаголы также выступают как предикаты нескольких категорий:

1. $\sigma(v, \dots, v)$
2. $(\sigma(v))$
3. $(\sigma(v, v, v))$
4. $\sigma(v, \iota(\sigma))$
5. $\sigma(v, \iota(\sigma(v)))$

Ср. примеры их реализации в конкретных выражениях:

(1) *Fritz turnt* — ‘Фритц занимается’
 $F(a)$ (69)

(2) *Klais liegt zwischen Garmisch und Mittenwald* ‘Кляйс расположен между Гармишем и Миттенвальдом’
 $F(a, b, c)$ (70)

(3) *Fritz glaubt, daß es regnet* ‘Фритц думает, что идет дождь’
 $F(a, \mu(p))$ (71)

- (4) *Fritz kann Tennis spielen* ‘Фритц может играть в теннис’
 $M(a, \mu(F))$ (72)
- (5) *Fritz jagt einen Hasen* ‘Фритц охотится за зайцем’
 $\forall x (F(x) \& G(a, x))$ или $M(a, \mu(f))$ (73)

Прилагательные функционируют, в основном, как одноместные предикаты категории $\sigma(v)$ типа *большой* или как двухместные предикаты категории $\sigma(v, v)$ типа *больше*, а также как предикаты категории $\sigma(t)$ типа *приятный* или $\sigma(t(\sigma(v)))$ типа *быстрый* (Кучера в этом случае не различает прилагательных и наречий).

Артикли выступают с разными функциями, которые зависят от контекста. Определенный артикль является составной частью имен (точнее — именных групп), выражая (в немецком языке) число и падеж существительного. Кроме того он употребляется как индексальное выражение, ср.: *der Vater von Fritz* — *отец Фритца* в значении ‘Тот, кто является отцом Фритца’. Здесь определенный артикль относится к категории $v(\sigma(v))$, но он может употребляться и как обобщающее выражение в высказываниях типа *Der Löwe ist ein Säugetier* — *Лев — хищник*, относясь к категории $\sigma(\sigma(v))$.

Неопределенный артикль служит для выражения партитивности (*Ein Schlosser kommt* — *Пришел слесарь*) — категория $\sigma(\sigma(v))$, для выражения обобщенности (*Ein Löwe ist ein Säugetier* — *Львы — хищники*) — та же категория, а также вместе со связочным глаголом при предикативно употребляемом существительном (*Fritz ist ein Gärtner* — *Фритц — садовник*), т.е. выступает как средство синтаксической связи. Ср. соответствующие выражения:

- Der Hund von Fritz ist verletzt* ‘Собака Фритца ранена’
 $F(\iota x (H(x) \& G(x, a)))$ (74)
- Der (ein) Löwe ist ein Säugetier* ‘Лев — хищник’
 $\forall x (F(x) \rightarrow G(x))$ (75)
- Ein Schlosser kommt* ‘Придет слесарь’
 $\exists x (F(x) \& G(x))$ (76)
- Fritz ist ein Gärtner* ‘Фритц — садовник’
 $F(a)$ (77)

Числительные относятся к следующим категориям: $\sigma(\sigma(v))$ — в сочетаниях с существительными типа *две книги*; v — в математических выражениях типа $2 + 2 = 4$ (имена чисел); $v(\sigma(v))$ — порядковые числительные в конструкциях с существительными типа *Der erste Mensch, der den Mond betrat* — *Первый человек, ступивший на Луну*; σ

($\sigma(v)$) — повторные количественные слова типа *Max fiel dreimal durch die Prüfung* — *Макс три раза провалил экзамен*; к этой же категории относятся и неопределенные количественные слова *vielmal* — *многократно*, *manchmal* — *иногда* и др. Ср. выражения:

Zwei Bücher sind beschädigt ‘Две книги повреждены’
 $M(\lambda x (f(x) \& G(x)))$ (78)

Der dritte Teilnehmer ist Berliner ‘Третий участник — из Берлина’
 $F(T(G))$ (79)

Manchmal regnet es ‘Иногда идет дождь’
 $M(F)$ (80)

В итоге Кучера приходит к выводу, что в целом между традиционными частями речи и логическими категориями нет сколько-нибудь четкого параллелизма (на это указывает и И. Е. Ким — он пишет о выражении качеств в русском языке с помощью субстантивных, адъективных и глагольных форм, см. 2005). С одной стороны, это указывает на порочность традиционной системы частей речи, которая лишена функционально-семантического единства. С другой стороны, признает исследователь, это отражает и ограниченные возможности логического метода. Тем не менее, резюмирует немецкий ученый, в общих чертах логические категории соотносимы с языковыми, а логическая грамматика представляет наиболее точную, наиболее совершенную модель естественного языка, поэтому любая другая модель должна базироваться на логической.

6.4. Универсальный семантический код

Универсальный семантический код (УСК) представляет собой оригинальную функционально-семантическую модель естественного языка, разработанную белорусским лингвистом В. В. Мартыновым (1966; 1974; 1977). Прикладная цель УСК связана с автоматизированным управлением, информатикой и эвристикой: УСК, по замыслу его создателя, призван преодолеть информационную несовместимость «проблемно-ориентированных языков» и языков программирования разных типов. Поэтому УСК обладает важным свойством полифункциональности. Одной из важнейших теоретических задач является преодоление языковой неопределеннозначности, например, в случаях, когда одной синтаксической структуре потенциально соответствует несколько толкований. Как пишет Мартынов:

Поскольку не существует алгоритма для разрешения неэксплицированной неоднозначности, различные семантические структуры должны эксплицироваться различными синтаксическими структурами. Чтобы научить машину понимать текст, нужно создать универсальный семантический код с полностью канонизированным семантическим синтаксисом (1977, 16).

При этом Мартынов отказывается от моделирования языковых структур с помощью логики — по его мнению, она недостаточно адаптирована к плану содержания естественного языка. Автор УСК создает оригинальный формальный язык, опираясь на семиологию, понимаемую как общую теорию абсолютных универсалий знаковых систем.

Исходной в УСК является оппозиция номинативных и коммуникативных единиц. Первые обладают свойством репрезентативности — они отражают реалии. Репрезентативность таких единиц — их постоянное, не зависящее от употребления свойство. Коммуникативные единицы характеризуются непостоянной и ситуативно ограниченной репрезентативностью.

Мартынов вводит также третий класс — модификаторы, с помощью которых номинативные и коммуникативные единицы формально различаются. Под модификацией понимается способность знака к «явной двусоставности», ср. имеющее семантическую структуру [определяющее + определяемое] выражение *письменный стол* (1977, 17). Сочетания модификаторов с коммуникативными единицами исключаются: **красивый он*. Коммуникативные единицы, которые служат для организации номинативных единиц в тексте, представляют собой обязательный элемент любого фрагмента текста.

Номинативные, коммуникативные единицы и модификаторы — это макрокатегории УСК, которые включают в себя множество разного формата субкатегорий. Так, номинативные единицы делятся на 1) тайгены и 2) ёгены. Тайгены — имена реалий, ёгены — обозначения связей и отношений между реалиями. Ёгены обладают способностью к каузации (причинно-следственным отношениям) или к координации (временным отношениям), ср.:

Учение ведет к знаниям.

Завтрак предшествует обеду.

Тайгены такой способности лишены:

*Неоправданный преступник ведет к катастрофе.

Важнейшим элементом структуры текста является цепочка знаков. Цепочки не представлены в словаре семиологической системы и предварительно не заданы списком. Они создаются и распознаются на основе незначительного числа базовых элементов и правил их организации.

Ядерная (минимальная) цепочка состоит из трех элементов: ёгена — A (акция) и двух тайгенов — S (субъект акции) и O (объект акции). S , A , O квалифицируются также как «три основных позиционных варианта знака» (1977, 19). При этом позиция A называется ядерной, а позиции S , O — маргинальными.

Правая маргинальная позиция может быть незамещенной:

$$SA[O] \quad (81)$$

Это значит, что S и O «совпадают в субъекте», т.е. некоторый предмет одновременно является субъектом и объектом акции, например:

X моется (моет себя).

Ядерная цепочка может быть преобразована с использованием 1) собственных или 2) несобственных средств. Преобразование первого типа означает удвоение («мультипликацию») базовых номинативных единиц, также подстановку в некоторые позиции «цельнооформленных» SAO , например:

$$SAO \rightarrow S_1S_2AO \quad (82)$$

$$SAO \rightarrow SAO_2O_1 \quad (83)$$

$$SAO \rightarrow S_1S_2AO_2O_1 \quad (84)$$

При этом различаются два варианта мультипликации: композиция — когда тайгены равноправны, и доминация — когда тайгены не равноправны. Композитивную мультипликацию Мартынов записывает в виде вертикальной цепочки элементов — один символ располагается над другим; я же для избежания некоторых технических сложностей буду записывать это отношение в виде « $\equiv$ »:

$S_1 \equiv S_2AO$	<i>Отец с сыном рубят дерево</i>
S_1S_2AO	<i>Отец топором рубит дерево</i>
SAO_2O_1	<i>Он обеспечивает отряд командиром</i>
$SAO_2 \equiv O_1$	<i>Он обеспечивает отряд и командира</i>
$SA_1 \equiv A_2O$	<i>Иван ценит и уважает Петра</i>

Мультипликация

 SA_1A_2O

(85)

невозможна в силу того, что каждое последовательное подключение A должно сопровождаться дублированием S , что, однако, не выполняется, ср. допустимую мультипликацию A при сопутствующей мультипликации S :

$SASAO$ *Иван побуждает Петра брить Василия*

Цепочки с мультипликацией левой позиции выражают семантику «воздействия», а цепочки с мультипликацией правой позиции — семантику «снабжения».

Скрытые доминации одной из маргинальных позиций могут быть преобразованы в эксплицитные доминации с мультипликацией ядерной позиции (*ibidem*, 23):

$SSAO$ *Отец топором рубит дерево*
 $SASAO$ *Отец побуждает топор рубить дерево*
 $SAOO$ *Он обеспечивает отряд командиром*
 $SASAO$ *Он обеспечивает отряд иметь командира*

В эксплицитных цепочках становится очевидной доминация S_1 над S_2 и O_1 над O_2 , потому что отношения SS и OO заменяются в них на отношение SO . Фактически речь о явлении скрытой полипредикативности — наличии в содержании простого предложения нескольких семантических предикатов. Развертывание простых полипредикативных предложений в сложные — привычная в семантическом синтаксисе процедура, но обычно она применяется тогда, когда предикативную семантику несут в себе разного рода девербативные единицы — причастия, деепричастия, а также дескриптивные слова — нарицательные существительные и прилагательные, ср. ставший хрестоматийным пример:

Приезд брата порадовал родителей → *Родителей порадовало то, что приехал брат.*

Новизна подхода Мартынова заключается в том, что он усматривает полипредикативность в самом лексическом содержании глагола: так, *рубить* означает приблизительно следующее: «побуждать орудие к тому, чтобы оно воздействовало на предмет».

Каждая из мультиплицированных маргинальных позиций может быть незамещенной (обязательно замещенной должны быть только две позиции: ядерная позиция *A* и левая маргинальная позиция в ядерной цепочке):

<i>SSAO</i>	Человек ножом режет хлеб
<i>SSA[O]</i>	Человек бритвой бреется
<i>S[S]AO</i>	Человек рукой гладит кошку
<i>S[S]A[O]</i>	Человек пальцами ударяет себя
<i>SAOO</i>	Человек дает нож мальчику
<i>SAO[O]</i>	Человек берет нож (Человек снабжает себя ножом)
<i>SA[O]O</i>	Человек входит в дом (Человек снабжает дом собой)
<i>SA[O][O]</i>	Человек идет (Человек снабжает себя собой)

S_2 обозначает орудие воздействия — эффлектор, который может быть отчуждаемым, если позиция замещена (ср.: *бритвой*) или неотчуждаемым, если позиция не замещена (ср.: *пальцем, т.е. фактически собой, частью себя*).

Цепочки с мультиплицированием обеих маргинальных позиций интерпретируются так:

$S_1S_2AO_1O_2$ = 'X посредством Y-а снабжает Z-ом W'

Мартынов пишет:

Эффектор здесь естественно не может обозначать орудия «воздействия», поскольку нет самого «воздействия». Отсюда неизбежно истолкование этой категории как «транспортного средства» (1977, 30).

Другой способ расширения ядерных цепочек собственными средствами — подстановка цельнооформленных цепочек *SAO*, при обязательном условии, что мультипликация маргинальных позиций (*SAO*) подставляется только в позиции S_2 и O_2 :

<i>S(SAO)AO</i>	Человек сообщением о том, что собака должна вернуться, воздействует на ребенка
<i>SA(SAO)O</i>	Моряк сообщает о том, что лодка приближается к судну, капитану

Цепочка (*SAO*) интерпретируется как «информация», с помощью которой субъект воздействует на объект либо которой снабжает объект. Ср. параллелизм расширенных цепочек с предметными и информационными тайгенами:

<i>SSAO</i>	<i>X орудием воздействует на Y-а</i>
<i>S(SAO)AO</i>	<i>X информацией воздействует на Y-а</i>
<i>SAOO</i>	<i>X снабжает предметом Y-а</i>
<i>SA(SAO)O</i>	<i>X снабжает информацией Y-а</i>

Позиции цельноформленных (*SAO*) также могут быть незамещенными, например:

<i>S(SAO)AO</i>	<i>Офицер приказывает солдату (Офицер информацией воздействует на солдата)</i>
<i>S(SAO)A[O]</i>	<i>Офицер принимает решение (Офицер информацией воздействует на самого себя)</i>
<i>S[(SAO)IAO]</i>	<i>Офицер покоряет сердца женщин (Офицер fascinaцией воздействует на женщин)</i>
<i>S[(SAO)IA[O]</i>	<i>Офицер приходит в восторг (Офицер fascinaцией воздействует на самого себя)</i>

Незамещенность позиции S_2 трактуется Мартыновым как неотчуждаемый эффектор (*рука, нога*, см. выше), по аналогии незамещенность (*SAO*) в той же позиции

должна интерпретироваться как неотчуждаемый информационный эффектор или неотчуждаемая информация, т.е. та информация, которая безраздельно принадлежит личности, прагматическая с точки зрения традиционных разделов семиотики (*ibidem*, 30).

Эту субъективную информацию, которая является антиподом «собственно информации», Мартынов называет *ф а с ц и н а ц и е й*.

Мультипликация маргинальных позиций может быть 1) интенсивной или 2) экстенсивной. Символы $|S|$, $|A|$, $|O|$ обозначают интенсивность (активность субъекта, объекта или акции, ср.:

$ S S A O$	<i>X посредством орудия сильно воздействует на Y-а</i>
$ S A OO$	<i>X быстро обеспечивает Y-а</i>

Активность субъекта, как пишет Мартынов, проявляется в использовании орудия воздействия, а пассивность — в использовании среды. Категория интенсивности объекта означает, что он «является действующим лицом», т.е. цепочки типа

SSA/O/ (86)

допускают дальнейшее преобразование:

$SSA/O/ \rightarrow SSA/S/AO$

(87)

При экстенсивной мультипликации (символ — «{...}») реализуется количественный аспект содержания тайгенов и ёгенов, ср.:

$\{S\}SAO$	<i>Много X-ов посредством среды влияет на Y</i>
$\{S\}AOO$	<i>Много X-ов имеет Y в Z-е</i>
$/S/S\{A\}O$	<i>X посредством орудия широко воздействует на Y</i>
$/S/\{A\}OO$	<i>X долго обеспечивает Y Z-ом</i>

Помимо собственных существуют также несобственные, а именно — коммуникативные средства расширения ядерных цепочек. Они представлены следующими типами:

1. кванторные — с помощью слов *все, некоторые, всегда, везде* и др.;
2. дейктические — с помощью слов *этот, тот* и др.;
3. модальные — с помощью слов *можно, необходимо* и др. ;
4. негационные — с помощью слова *не*.

Если принимать во внимание только замещенные позиции в цепочках с доминацией, то можно выделить четыре базовые цепочки, к которым в результате левого SA-наращения прибавляются еще четыре. Таким образом, в основе синтагматики УСК лежит восемь базовых структур:

1. SSAO
2. S(SAO)AO
3. SSAOO
4. SSA(SAO))
5. SASSAO
6. SAS(SAO)AO
7. SASSAOO
8. SASSA(SAO)O

Каждый тип допускают варианты с незамещенными позициями, а также варианты, обусловленные инстенсивностью/экстенсивностью и разного рода операторами (кванторными, модальными и т.д.). Все типы имеют подтипы, включающие то или иное количество цепочек. Например, первый тип представлен двенадцатью подтипами. Первый подтип квалифицируется как «дейктические динамические простые цепочки», ср. пример одной из них (*ibidem*, 44):

 $/S//S/_bAO - /S//S/_bA[O]$

Агент посредством интенсивного отчуждаемого эффектора (машины) воздействует на предмет; агент посредством интенсивного отчуждаемого эффектора воздействует на себя (действует).

(Динамичность цепочек определяется интенсивностью первого субъекта; при условии интенсивности первого субъекта интенсивный второй субъект символизирует машину, т.е. устройство первой фазы отчуждения).

Одной из важнейших частей УСК является словарь, где слова разных частей речи интерпретируются в терминах УСК, например:

сказать (говорить) X говорит Y-у о Z

$|S|_D A(SAO)O$

Агент посредством неотчуждаемого эффектора снабжает информацией объект

жизнь X живет

$S|S|_K A[O][O]$ *Агент посредством неотчуждаемого индикатора существует*

молодой X молодой

$S|S|_K \neg \{A\}[O][O]$

Агент посредством неотчуждаемого индикатора немного существует

Ценность и продуктивность УСК как моделирующей семиологической системы была убедительно продемонстрирована исследованиями созданной Мартыновым лингвистической школы. Главное достоинство мартыновской модели — минимальный объем исходных понятий при значительном охвате описываемого эмпирического материала (хотя Мартынов всегда подчеркивает, что УСК предназначен для моделирования специальных предметных областей). Это различие объемов парадигматики и синтагматики, с другой стороны, создает препятствия для адекватного представления естественных языковых выражений.

Как известно, моделирующие метаязыки аналитичны и построены по принципу одно-однозначного соответствия плана содержания и плана выражения. Это и является причиной того, что в подобных метаязыках «части речи» (и вообще парадигматические категории) совпадают с «членами предложения» (синтагматическими категориями). Другое свойство метаязыков — их усеченная парадигматика: это — модели, которые, как уже отмечалось, отражают естественный язык лишь в определенном аспекте. Редуцированная парадигматика, как это наблюдается в случае моделирования естественного языка с помощью логики предикатов, неумолимо ведет к редуцированной синтагматике: так, на языке логики предикатов грамматические варианты высказывания не отражаются. Высказывания

Машина ехала лесом
Машина ехала через лес
Машина ехала по лесу

в логической записи будут соответствовать одной и той же формуле:

$P_{\text{ЕХАТЬ}}(x[\text{Subj}]_{(\text{МАШИНА}(x))}, y[\text{Trans}]_{(\text{ЛЕС}(y))})$

В УСК наблюдается иная картина: автор стремится к тому, чтобы, не расширяя парадигматики метаязыка, сохранить довольно большой объем синтагматических структур, поддающихся моделированию. Это, в принципе, удастся, но моделирование перемещается на один уровень ниже — из области синтаксической в область лексической семантики, а именно — семантики глагола.

Сравним формальные модели УСК с моделями логики предикатов. В логике предикатов естественноязыковое выражение

Человек берет нож

могло бы получить толкование:

$\text{БРАТЬ}(x, y)$ (88)
 $\text{ЧЕЛОВЕК}(x)$
 $\text{НОЖ}(y)$

Это означает: ‘Предмет x , такой, который является человеком, берет предмет y , который является ножом’. При этом семантический анализ не выходит за пределы высказывания и не затрагивает содержания лексических единиц, которые здесь выступают как (воспользуемся термином Мартынова) «цельнооформленные знаки (цепочки морфем).

В УСК это же высказывание «раскладывается» на более мелкие семантические компоненты, интерпретируется как ‘Человек снабжает себя ножом’. В семантической структуре этого выражения выделяются четыре компонента: акция — *снабжать*, субъект — *человек*, первый объект — *нож*, второй объект (совпадающий с субъектом) — *человек*. Рост объема толкования по сравнению с объемом исходного высказывания объясняется тем, что Мартынов расщепляет на семантические компоненты содержания глагольного предиката, ср.: *брать* = ‘снабжать себя’. Эта лексико-семантическая ориентация УСК косвенно подтверждается фактом существования словаря УСК.

Мартынову удастся содержательно разграничить такие слова, как *идти* — *стоять*, *думать* — *знать*, *человек* — *жизнь* и др. Но так

ли очевидно различие — в категориях УСК — между лексическими значениями слов: *мальчик* — *девочка*, *правый* — *левый*, *красный* — *зеленый*, *яблоня* — *груша*, *двоечник* — *троечник* и др.?

Своей ориентацией на семантическую структуру слова, прежде всего — глагола, УСК идейно близок теории семантических толкований, разработанной Московской структурной школой. Один из создателей этой школы Ю. Д. Апресян констатирует:

Лексическое или грамматическое значение — это не простая совокупность «значений дифференциальных семантических признаков», а сложно организованная структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис (1994, 28).

Вот этот «внутренний синтаксис» и является главным объектом описания в теории УСК. Неслучайно языковые соответствия семиологических цепочек у Мартынова часто выглядят искусственно и отчасти напоминают дефиниции лексических значений, получаемые в теории семантических толкований. Чтобы это было более очевидным, сопоставим два толкования:

Мартынов 1977, 23-24:

SA[S]A[O]   *Иван побуждает себя брить себя*
SASAO   *Он обеспечивает отряд иметь командира*

Апресян 1994, 30:

X обещает Y-у, что сделает P = 'Зная или считая, что Y или какое-то третье лицо заинтересованы в P, X говорит Y-у, что сделает P, несмотря на возможные трудности; X говорит это, потому что хочет, чтобы ему поверили, понимая, что если он не сделает P, ему перестанут верить'.

Однако, несмотря на указанную общность, между УСК и теорией семантических толкований имеются существенные различия, которые, кстати, видны уже на приведенных выше примерах. Важнейшая особенность московской семантической школы в том, что словарь мета-языка базируется на подязыке языка-объекта, т.е. представляет собой «реально существующие слова и синтаксические конструкции в их обычных значениях, как это принято в традиционной лексикографии» (Апресян 1994, 28). Для такого подязыка подбираются, главным образом, так называемые семантические примитивы — слова, «не допускающие дальнейшей семантической редукции». При этом исключается какая-либо неоднозначность терминов, явления синонимии и омонимии. Сущность теории семантических толкований, таким образом, сводится к следующему:

С помощью метаязыка сложные семантические единицы языка-объекта (не только лексические, но и грамматические) в процессе ступенчатой декомпозиции сводятся к определенной структуре семантических примитивов. Получающиеся при этом толкования (дефиниции) имеют определенный теоретический статус: на их основе устанавливаются системные парадигматические связи между различными единицами словаря и формулируются правила взаимодействия языковых значений (Апресян 1994, 34).

Апресян подчеркивает, что семантические примитивы, составляющие подъязык языка-объекта (т.е. слова естественного языка), не могут рассматриваться как абсолютные семантические универсальные. Например, глаголы англ. *want* и русск. *хотеть*, которые А. Вежицкая интерпретирует как семантические примитивы, допускают, с точки зрения Апресяна, дальнейшее членение на содержательные компоненты, которые средствами английского или русского языка не могут быть вербализованы.

С помощью семантического метаязыка, мыслимого как подъязык языка-объекта, хорошо описывается, главным образом, национальная семантика. Универсальная (cross-cultural, глубинная) семантика должна строиться, по-видимому, на основе искусственного логического языка, словами которого будут подлинные примитивы — пересекающиеся части квазипереводящих друг друга слов естественных языков. Это своего рода семантические кварки — реально существующие смыслы, никогда не материализуемые в словах естественных языков (*ibidem*, 38).

Специфика теории УСК состоит в том, что в метаязыке используются, с одной стороны, вербализуемые семантические признаки — такие, как *интенсивно*, *много*, *действовать*, *отчуждаемый*, *снабжать*, *воздействовать* и др., с другой стороны, «семантические кварки» (или полукварки), как, например: *фасцинация*, *эффектор*, *индикатор*, *рецептор* и др. Метаязык УСК, по сравнению с метаязыком семантических толкований, выглядит более абстрактным, он в большей степени нуждается в интерпретации, в переводе на естественный язык. Впрочем, это его свойство никак нельзя рассматривать как недостаток, ведь УСК и замышлялся как язык-посредник между человеком и машиной.

7. Функциональная модель высказывания

Не говорите: «Не существует истинной точки зрения, ибо каждый считает правым себя и неправыми всех остальных». Не исключено, что есть какая-то точка зрения, которая обладает истинностью, в то время как все прочие ложны [...] Никогда не говорите, что обилие точек зрения удерживает вас от выбора какой-то одной для себя.

Гилберт Кит Честертон

В данном разделе будет представлена моя собственная концепция функционального синтаксиса — на материале современного русского языка. Впервые ее фрагменты были опубликованы в 1998 году в австрийском журнале «Papiere zur Linguistik» (Kiklewitsch 1998). В более развернутом виде данная модель была изложена в монографии: Киклевич 1999, а наиболее полная ее версия была опубликована на польском языке: Kiklewicz 2004. В данном издании будут рассмотрены теоретические аспекты функционального моделирования коммуникативных единиц языка, а именно — содержание функций предложения (или высказывания — различие между данными категориями здесь не существенно) и регулярные формы их манифестации.

7.1. Три аспекта высказывания

Высказывание — многоаспектная языковая единица, характеризующаяся грамматическими, логическими и психологическими признаками. В структурной лингвистике им соответствовали формально-грамматический, пропозиционально-семантический и коммуникативный аспекты высказывания (Daneš 1978, 10). В программу структурной лингвистики входило также описание интегральных (комплексных) моделей высказывания (Daneš и др. 1975, 615; Ressel 1979, 61 ссл.), но эта важная научная задача осталась нерешенной.

Имеются и другие, в том числе и более детальные трактовки аспектов высказывания. Так, Е. В. Гулыга (1975, 21) различает в высказывании 1) синтаксическую форму; 2) синтаксическую семантику; 3) целеустановку субъекта (коммуникативную нагрузку, или интенцию) и 4) конкретный смысл (информацию). Другой перечень характе-

ристик высказывания предлагают М. П. Ионице/М. Д. Потапова (1982, 18 ссл.): 1) синтаксическая модель; 2) лексическое заполнение; 3) позиция; 4) логическая абстракция (атрибутивное суждение). Р. Гжегорчикова различает три структурных характеристики высказывания: логико-семантическую, функциональную и прагматическую (Grzegorzczukowa 1990, 91). В. Г. Адмони (1968, 233) считал, что каждому аспекту высказывания соответствует специфический структурный тип и выделял семь таких аспектов.

Я отдаю предпочтение семиотической модели, предложенной русским логиком Б. Н. Пятницыным (1979, 21), в которой любая система (любой системный объект) может быть описана в трех аспектах: субстанциональном, структурном и функциональном.

7.1.1. Субстанциональный аспект высказывания

Субстанциональную, т.е. формальную, характеристику высказывания (другими словами, его план выражения или поверхностно-синтаксический план) составляют грамматические, лексические, линейные (порядок слов) и просодические формы. Центральное место в множестве этих форм занимает грамматическая модель (или структурная схема) высказывания (Щерба 1974, 72) — совокупность грамматических значений, используемых для выражения содержания высказывания. Например, высказыванию

Ученик читает книгу

соответствует структурная схема: $S_{Nom} — V_F — S_{Acc}$. Важно подчеркнуть, что структурную схему высказывания составляют именно грамматические значения, а не грамматические формы. Несмотря на формальные различия существительных *мальчик-Ø*, *дет-и*, *сад-ы*, *дерев-о*, *дом-а* грамматические модели высказываний

Мальчик рисует
Дети уснули
Сады зацвели
Дерево осыпалось
Дома опустели

одинаковые и могут быть представлены в символической записи: $S_{Nom} — V_F$. Впрочем, структурная схема лишь в ограниченном виде представляет манифестационные возможности высказывания — она в ко-

нечном итоге отражает лишь те грамматические значения, которым соответствуют формальные показатели — материальные или нулевые. Но в понятие грамматической формы входят также разного рода поверхностно-синтаксические операции, например, дублирование лексических компонентов высказывания, выполняющее в языке значительную функциональную нагрузку, ср. синтаксические конструкции с лексическими дублетами, выражающие значения множества, большого количества, интенсивности, длительности, категоричности, симметричности и др. Операция лексического дублирования не имеет какого-то особого, специфического содержания — у всех названных семантических признаков в языковой системе имеются регулярные лексические или грамматические маркеры. Значимость дублирования и активность конструкций с лексическими повторами объясняется тем, что в этом случае возможно синкретичное выражение сразу нескольких семантических признаков. Так, в русском языке довольно широко употребляются выражения типа $S_{Nom} — Praep_{за} — S_{Instr}$, а также типа $Praep_{за} — S_{Instr} — S_{Nom}$. В содержании таких сочетаний имеются обычно три признака: значение множества, значение непрерывной последовательности и значение высокой степени или большого объема множества. Всем этим значениям в языке соответствуют отдельные формы выражения: множественности — грамматическая категория числа, последовательности — слова и сочетания *постоянно, непрерывно, один за другим*, большому объему множества — слова *много, многие* и др. Но конструкции с лексическими дублетами оказываются удобной, экономной формой упаковки одновременно всех этих значений. Предложение

Во всеобъемлющее море

За льдиной льдина вслед плывет (Ф. Тютчев)

может быть представлено как результат объединения нескольких предложений:

Льдины плывут в море.

Одна льдина плывет за другой.

Плывущих льдин много.

Конструкции с лексическими дублетами, по сравнению с их более развернутыми синтаксическими вариантами, выглядят предпочтительнее: они более компактны и просты по структуре, а значит — более экономны.

Функциональный аспект содержания операций изучен относительно слабо. Исключение составляет разве что их стилистическая (коннотативная) функция. Так, выделяемые Б. Ю. Норманом модели речевой деятельности, под которыми понимаются «типовые процессы претворения синтаксических моделей в реальные текстовые единицы-высказывания» (1994, 175), получают дополнительную функциональную характеристику, причем во всех случаях это — информация о среде их употребления или, как пишет Норман, о «коммуникативных условиях». Например, функциональная нагрузка такого процесса, как «соблюдение», проявляется в обучении языку, а именно — в виде элементарных иллюстративных текстов типа *Мама мыла раму*. Другие операции речевой деятельности (расширение, сложение, свертывание, смещение, контаминация, парцелляция, включение) сопровождаются комментариями: «содержит стилистическую окраску», «выражает художественный прием», «используется для характеристики персонажей», «отражает творческий характер речепроизводства» и др. У расширения и сложения усматривается сенсорная функция — затруднение восприятия и понимания сообщения, а обособлению, в частности — парцелляции, приписывается экспрессивная функция (Норман 1994, 175 ссл.).

Среди операций отдельного внимания заслуживает компрессия высказывания — неполная вербализация смысла, наличие в речевом сообщении незамещенных синтаксических позиций. С одной стороны, функция компрессии чисто техническая — экономия речевых усилий, а именно — тех, которые обычно квалифицируются как усилия на уровне реализации высказывания. Деформация структуры предложения, устранение элементов, не несущих в высказывании непосредственной реальной информации и имеющих лишь собственно грамматическое назначение, наиболее характерно для устной разговорной речи с ее тенденцией к лаконизму (Земская/Китайгородская/Ширяев 1981, 192).

Широко распространенным средством экономии речевых синтагматических усилий являются нулевые формы, которые представлены не только в морфологии, но и (в виде разного рода незамещенных позиций) на уровне синтаксиса. Одним из наиболее типичных проявлений синтаксических нулевых форм считается эллипсис. Согласно общепринятому представлению, эллипсис приводит к устранению «информационно излишних компонентов в предложении, в силу чего уменьшается его объем при сохранении прежней информации» (Мурзин 1984, 27). Наблюдения, однако, показывают,

что «прежняя информация» при эллипсисе сохраняется лишь частично, и именно — как референциальная информация, т.е. как указание на некоторый предмет или действие. Подобный тип повторной номинации наблюдается в выражениях с анафорическими местоимениями: здесь отношение кореферентности между антецедентом и анафором (консеквентом) не исключает, а, напротив, подразумевает различие их сигнификативного содержания, т.е. способа характеристики обозначаемых предметов, ср.:

Низко над нами пролетела ворона. Ее черные перья лоснились.

Антецедент *ворона* = ‘крупная птица с черным или серым оперением, гнездящаяся обычно в уединенных местах’, консеквент *она (ее)* = ‘ранее упомянутый предмет’. Наричательное существительное *ворона* выполняет дескриптивную функцию, т.е. указывает на объективные характеристики предмета, а местоимение *она* — детерминативную функцию, т.е. указывает наokkaзиональное отношение предмета к данному речевому акту, точнее — к одному из его участников — субъекту речи. Подобное отношение наблюдается и в выражениях с незамещенными синтаксическими позициями:

Низко над нами пролетела ворона. Черные перья лоснились.

«Синтаксический нуль» в этом случае соответствует анафорическому местоимению *ее*, а выражение

Черные перья лоснились

следовало бы интерпретировать: ‘Черные перья упомянутого ранее предмета лоснились’.

Это значит, что кроме стилистической функции синтаксическая конденсация выполняет также детерминативную функцию и принадлежит к функционально-семантическому полю определенности.

У нулевых форм, которые появляются в результате операции редуцирования плана выражения высказывания, есть еще один важный аспект — их аксиологическое содержание. В выражениях с нулевыми формами соблюдается свойственное всем синтагматическим группам разного формата правило семантического согласования. В соответствии с этим правилом, при интерпретации предложений с многозначными словами выбирается такой вариант толкования, при котором семантическая повторяемость

компонентов максимальна (Апресян 1974, 14). Подобным образом осуществляется и выбор значения в высказываниях с нулевыми формами, ср.:

Нет, сегодня уже никуда — болят ноги (Ю. Трифонов).

Незамещенную синтаксическую позицию ядерного предиката (сказуемого) несложно заполнить глаголом движения, например, *пойти*:

Нет, сегодня уже никуда не пойду, потому что у меня болят ноги.

Выбор такого лексического заполнения незамещенной синтаксической позиции обусловлен правилом семантического согласования, а именно — повторением некоторого количества общих семантических признаков: *ноги* = ‘инструмент передвижения/хождения’, *пойти* = ‘передвижение, функция ног’. Семантическая связность поддерживается также так называемой апперцептивной базой — семантическими (эпистемическими) пресуппозициями, которые отражают общие знания о мире: *Повреждение инструмента препятствует выполнению его функции; Боль в ногах мешает человеку двигаться* и др.

Возможность более или менее однозначного толкования нулевых форм за счет энциклопедических знаний и конситуации лежит в основе редуцирования плана выражения высказывания, что, в свою очередь, позволяет осуществлять экономию речевых усилий говорящего. Налицо связь нулевых форм с общими коммуникативными предпосылками речи, в частности — с импликатурой релевантности в известной концепции Г. П. Грайса: «Не отклоняйся от темы» (1985, 222). Релевантность, иными словами — предупомянутость предмета речи, обуславливает семантическую связность, тематическое единство речевого дискурса, а также представляет собой норму речевого акта, благодаря которой возможен пропуск некоторых повторяемых элементов, ср.:

Навстречу им проехали две школьницы — каждая на одном роликовом коньке (Б. Золотарев) = ‘каждый из упомянутых предметов женского пола проехал на одном роликовом коньке’.

Оборванцы-мальчишки приставали купить мороженое (В. Конецкий) = ‘...купить им (упомянутым мальчишкам) мороженое’.

После работы он стоял на углу, и тут его кто-то так хлопнул по плечу, что стряхнул пепел с папиросы (В. Попов) = ‘...стряхнул пепел с его папиросы (т.е. того, кого хлопнули)’.

Интересную разновидность нулевых форм представляют собой конструкции с гиперонимами (Янко-Триницкая 1967, 66 ссл.; Киклевич 1991b, 13 ссл.), ср.:

Ни тучки. С утра — погода (Б. Слуцкий), ср.: *хорошая погода*.

Влюбился в Верочку — ладненькая такая, небольшого росточка, с характером...

(В. Конецкий), ср.: *с сильным характером*.

Судя по компонентам, указанным на пакете (фарш сушеный, морковь, лук, перец, зелень и т.д.), блюдо обещало быть на уровне («Литературная газета». 09 II 1983), ср.: *на высоком уровне*.

Во всех подобных выражениях наблюдается общая закономерность: гипероним (родовой показатель) употребляется вместо положительно определенного гипонима (видового показателя), ср.:

погода → [+хорошая погода]

характер → [+сильный характер]

уровень → [+высокий уровень]

Поэтому выражения типа *погода* в значении [+хорошая погода] можно рассматривать как компрессированные, полученные в результате устранения прилагательного с положительной семантикой. Этот положительный семантический признак и представляет собой внеконтекстную норму данного значения (Kiklevič 1998, 87 ссл.). Данное явление широко представлено в сфере оценочной семантики:

Глаза, как небо, голубые, Улыбка, локоны льняные. Движенье, голос, легкий стан, Всё в Ольге [...] (А. Пушкин).

Мне в ходе дискуссии в «ЛГ» о литературе и нравственности приписали намерение классику идеализировать, то есть приукрасить («Литературная газета». 25 VII 1984).

Нулевая форма ориентирована на сферу положительной оценки, поэтому словоформу *движенье* мы понимаем как 'грациозное движенье', а словоформу *улыбка* — как 'красивая улыбка'. *Идеализировать* в приведенном примере означает 'представлять лучшим, чем есть в действительности, наделять идеальными свойствами'. Но идеальные свойства не обязательно — положительные. Понятия 'идеальный' и 'идеализация' связаны с воображением, в котором предмет рассматривается как носитель только части определенных присущих ему свойств. Именно такое понимание «идеальности» распространено в научном языке. В обыденной речи глагол *идеализировать* употребляется в частном, а именно — оценочном значении: 'представлять

предмет как носитель только определенной части присущих ему положительных свойств?

Тот же процесс лежит в основе вторичного позитивного употребления эмотивных операторов *изумительный*, *поразительный*, *удивительный* и др. Их первичное значение с аксиологической точки зрения нейтрально: поразить можно и чем-то приятным, и чем-то неприятным, ср.:

Я был приятно / неприятно поражен тем, что...

В этом же ряду может быть упомянуто и прилагательное *отличный*, имеющее два основных значения: нейтральное гиперонимическое ‘отличающийся от кого-л., чего-л., непохожий на кого-л., что-л.’ и оценочное гипонимическое ‘очень хороший, превосходный’.

Семантическая ассоциация между гиперонимом и положительно определенным гипонимом наблюдается также в употреблении некоторых процессуальных глаголов, например, *переоценивать* в устойчивом выражении *переоценить свои возможности* = ‘оценить свои возможности слишком высоко’. Ср. подобную семантическую корреляцию: *изменять* (гипероним) — *усиливать* (+гипоним):

Жидкий крем «Бокаж», выпускаемый французской фирмой «Ланком», предназначен для удаления избыточных волос на руках и ногах. Оказывая разрушающее действие на стержень волоса, крем способствует его удалению [...] Практика свидетельствует, что некоторые пациенты неправильно используют «Бокаж». Обратив внимание на то, что крем, как указано на упаковочной коробке, глубоко и з м е н я е т п р и р о д у в о л о с, они наносят его на волосистую часть головы, рассчитывая при этом на улучшение роста волос. А результат оказывается весьма плачевным — волосы выпадают («Здоровье». 1983/7).

К подобному употреблению тяготеют также слова степени. Так, адвербиальный градуальный оператор *слишком* допускает сочетаемость с единицами, значения которых полярны, например: *слишком много* — *слишком мало*. В этом случае его значение — ‘сверх меры, чересчур’. Но *слишком* довольно регулярно используется и для обозначения положительно маркированного признака ‘свыше, более чем, чересчур много’:

Для середины сентября это было слишком (Ф. Искандер), ср.: это было слишком много.

Изолированно от показателя признака, но с сопутствующим значением положительно маркированного признака может употребляться и наречие *очень*:

— *Водки выпьете? — Очень выпью!* (М. Горький), ср.: *очень охотно выпью.*
Мы очень поцеловались (И. Грекова), ср.: *очень нежно поцеловались.*

Конструкции, в которых градуальный оператор не сопровождается материальным показателем признака, содержат по крайней мере две качественные характеристики. Постоянная характеристика имеет аксиологическую природу: 'положительно маркированный признак, норма данного значения'. Переменная характеристика касается содержания признака, которое, при отсутствии его лексической манифестации, устанавливается в соответствии с контекстом, ср.:

Круг тем не для одной статьи. Но думать об этом — самая пора («Неделя», 1985/24).

Желаю вам самого-самого (Радио Би-Эй, 28 II 1999).

В первом случае *самая* = [+самая подходящая], во втором случае *самое* = [+самое лучшее, приятное]. Как видим, качественное содержание признака варьируется, но его положительная оценка неизменна.

Таким образом, нулевая форма представляет собой особый семантический оператор, превращающий родовой показатель в видовой.

Пока что речь шла о грамматической форме высказывания. Но отождествление его плана выражения со структурной схемой не правомерно также потому, что у высказывания имеется и лексическая форма, на что в свое время обратила внимание Н. Ю. Шведова (1976, 64). Вообще надо отметить, что в 70-е годы XX века взаимодействие лексики и грамматики было одной из наиболее обсуждаемых тем. Ученые пришли к выводу, что грамматические и лексико-семантические признаки тесно взаимосвязаны, что, собственно, и отражает функциональную природу языковой системы. Поэтому при функциональном подходе к описанию языка, конечно же, необходимо учитывать как грамматический, так и лексический компонент плана выражения номинативных и коммуникативных знаков.

Под лексической формой высказывания можно понимать набор конкретных лексических значений, который в некоторых условиях (например, в рамках так называемого «телеграфного» стиля) может выступать как автономный и вполне самодостаточный фактор пони-

мания сообщения. Например, имея в виду аграмматические выражения типа

Выстрелить Джон тигр

П. Линдсей/Д. Норман пишут:

[...] Хотя осмысленность и грамматическая правильность связаны между собой, это далеко не одно и то же [...] Многие предложения, имеющие, по-видимому, неоднозначную поверхностную структуру, в действительности вполне понятны, поскольку конкретный выбор слов позволяет предполагать лишь один-единственный смысл (1974, 427 сл.).

Интерпретация семантических ролей (агенса — *Джон*, объекта — *тигр*) обусловлена селективными признаками глагольного предиката, ср.:

ВЫСТРЕЛИТЬ Subj [+Hum] Obj [$\pm$ Hum].

В литературе отмечалась содержательная корреляция между морфологическими категориями одушевленности и персональности, с одной стороны, и категорией агентивности (субъектности), с другой стороны (Максапетян 1990, 24). Нарушение этой корреляции может приводить к семантической деривации существительного, т.е. к появлению в его лексической семантике селективных признаков, характерных для типичного окружения данного предиката. Например:

Подошел тот же грубый голос (А. Битов) = ‘подошел уже знакомый мне человек с грубым голосом’.

По второй программе плясала самодеятельность (А. и Б. Стругацкие) = ‘плясали участники художественной самодеятельности’.

Деревенька собралась в клубе = ‘жители деревеньки собрались в клубе’.

Обобщая информацию, представленную в данном разделе, формальные средства высказывания можно классифицировать следующим образом:

1. Экспликативные формы (значение одного знака выражается с помощью знака меньшего формата).
  - 1.1. Субстанциональные формы.
    - 1.1.1. Материальные формы.
      - 1.1.1.1. Лексические формы (лексическое наполнение синтаксической модели).

1.1.1.2. Грамматические формы (структурная схемы высказывания).

1.1.2. Нулевые формы.

1.2. Операционные формы (синтаксические операции, такие, как редупликация, парцелляция, эллипсис и др.).

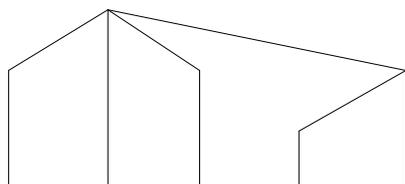
2. Импликативные формы — являются результатом взаимодействия семантической категорий, т.е. следования значения одной категории из значения другой категории.

7.1.2. Структурный аспект высказывания

Структурную характеристику высказывания составляет совокупность синтаксических связей его компонентов. Одним из центральных понятий, употребляемых для структурной характеристики высказывания, является синтаксическая позиция — грамматический статус главного компонента, а также уровень подчинения (Ломтев 1976, 132). Так, синтаксическую позицию словоформы *плюшевого* в высказывании

Родители подарили девочке плюшевого медведя

можно квалифицировать как позицию присубстантивного члена третьего уровня подчинения:

Родители подарили девочке плюшевого медведя

Как принято в ситуативной семантике — а сама идея восходит еще к «Логико-философскому трактату» Л. Витгенштейна, который, в частности, писал, что «предметы соединены друг с другом так же, как элементы образа» (1958, 35), — структура предложения отражает типовую структуру описываемой ситуации. Поскольку смысловые отношения в предложении соответствующим образом оформляются с помощью грамматических и лексических маркеров, а также опера-

ций между ними, то оказывается, что структурная характеристика предложения есть не что иное как его внутренняя форма, т.е. мотивировка, в соответствии с которой данное содержание получает данное выражение. Именно так структура высказывания рассматривается, например, Б. А. Плотниковым (1989, 118).

В зависимости от формата знака внутренняя форма различается некоторыми существенными свойствами. Так, морфологическая структура слова не обязательно отражает структуру объекта-денотата, она может характеризовать предмет с функциональной точки зрения, указывая на поведение объекта в среде, ср.:

действие лица: *столярничать* (< *столяр*)
совокупность предметов: *созвездие* (< *звезда*)
часть предмета: *соломинка* (< *солома*)
вместилище предмета: *сахарница* (< *сахар*) и т.д.

Для высказывания же, как подчеркивал Плотников,

мотивированность, или внутренняя форма, может быть только структурной, восходить к тем моделям организации слов в высказывании, число которых представляется исчислимым в любом языке (1989, 118).

Структурное сходство высказывания и обозначаемой им ситуации дает основание рассматривать основную коммуникативную единицу языка как знаковую модель тех или иных положений дел в одном из возможных миров. Это же свойство высказывания принято связывать с понятием *иконичности*: высказывание организовано по принципу подобия с описываемой ситуацией. Для слова такая организация в целом не характерна, поэтому слова считаются в естественном языке типичными представителями знаков-символов. Символичность слова подтверждается также многочисленными случаями деэтимологизации, когда морфологическая структура просто-напросто отсутствует. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, структурное сходство имени и денотата налицо, номинативное отношение между ними оказывается куда более сложным. Внутреннюю форму существительного *сахарница* можно представить как 'вместилище предмета'. Что касается признака 'предмет', то его выделение (в силу очевидности предметной семантики производящей основы — *сахар*-) сомнений не вызывает. Что же касается суффикса *-ниц*, то он в современном русском языке характеризуется значительной многозначностью, ср.:

мельница = 'агрегат, выполняющий указанное действие'

ключница = 'лицо, деятельность которого связана с указанным предметом'

слушательница = 'лицо, выполняющее указанное действие'

мельница = 'предмет, вмещающий в себе указанный предмет'

пятерочница = 'лицо, оцениваемое указанным баллом'

дачница = 'лицо, проживающее в летнее время в указанном месте' и т.д.

При этом требует специального исследования тот механизм, который в каждом конкретном случае актуализирует одно значение морфемы и блокирует остальные. Потенциально существительное *ключница* могло бы означать 'предмет, вмещающий в себя указанный предмет (шкатулка для ключей)', а существительное *мельница* — 'лицо, деятельность которого связана с указанным предметом (например, продавщица парфюмерного отдела в магазине)'. Поэтому подобные лексические дериваты в соответствии с концепцией В. В. Мартынова (1995, 83) можно рассматривать как явления неопределённости: суффикс содержит лишь общее указание на отношение обозначаемого предмета к тому, что выражается корнем, конкретный же выбор отношения диктуется конвенцией (как устойчивым фактором) или дискурсом (как окказиональным фактором). Это значит, что языковой инвариант лексического значения отчасти имеет прагматическую природу, а производное слово является неполным символом, сигнификативная и денотативная актуализация которого осуществляется в речи (подробнее см.: Киклевич 2007, 145 ссл.).

7.1.3. Функциональный аспект высказывания

Функциональную характеристику, или план содержания, высказывания составляет множество его отношений к среде: к ситуации, которая описывается, к участникам речевого акта, их планам поведения, к окружающей обстановке речи, к возможным направлениям развития событий, к другим высказываниям в тексте и т.д. Г. Г. Почепцов определяет функциональный подход к предложению как описание «снизу вверх», т.е. с точки зрения коммуникативного назначения предложения, в аспекте его взаимодействия «с другими единицами того же порядка в больших, чем предложение, отрезках речи» (1971, 9). Структурный же подход (описание «сверху вниз») предполагает, по определению Почепцова,

изучение предложения как конструктивной единицы. В этом случае внимание исследователя обращено как бы внутрь предложения. Предметом исследования оказывается структура предложения, составляющие предложение структурные элементы, их взаимные связи и отношения (1971, 9).

Различия функционального и структурного подходов сводятся, в сущности, к различию формата рассматриваемых объектов: функциональный подход изучает отношения целого, а структурный — отношения его частей. Поскольку и структура, и функция базируются на категории отношения, то в их описании неминусово должны присутствовать черты интегративности. В предыдущих разделах мы наблюдали, что структура, а точнее, обусловленная ей внутренняя форма составляет часть значения как номинативной функции знака. Подобным же образом, структурный подход представляет собой частный случай функционального подхода: при структурном описании лингвистических объектов мы не выходим за рамки самих объектов, тогда как функциональное описание предполагает более широкий взгляд на них.

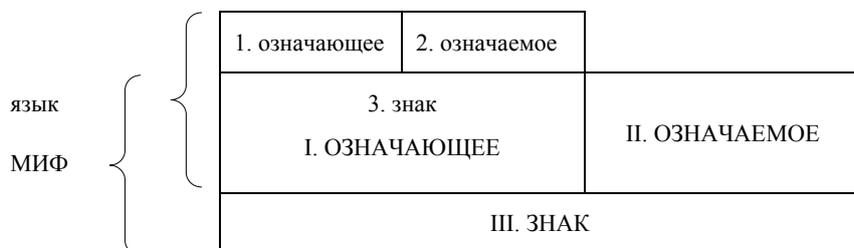
7.1.4. Диалектика формы и содержания в языке

Доминирующее представление о плане содержания и плане выражения знаков в лингвистике и семиотике может быть описано в виде разделительной дизъюнкции: данный лингвистический признак является либо элементом содержания, либо элементом формы. Для естественного языка более адекватен релятивистский подход, ведь имеется довольно большое количество таких случаев, когда на вопрос о том, является ли рассматриваемый признак содержательным или формальным, однозначно ответить достаточно сложно, во всяком случае при этом следует принимать во внимание целый ряд факторов, и один из важнейших — формат (или масштаб) знака. Диалектическое взаимодействие функционального и субстанционального аспектов знака состоит в том, что содержание как агрегативная функция знака меньшей степени сложности выступает как элемент плана выражения знака большей степени сложности (Данеш/Гаузенблас 1969, 16). Именно таким образом Р. Барт рассматривает структуру мифа как вторичной семиологической системы:

Знак (то есть результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим второй системе [...] Материальные носители мифического сообщения (собственно

язык, фотография, живопись, реклама, ритуалы, какие-либо предметы и т.д.), какими бы различными они ни были сами по себе, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания; все они представляют собой лишь исходный материал для построения мифа; их единство заключается в том, что все они наделяются статусом языковых средств» (1989, 78).

Рисунок 16. Структура знака (по Р. Барту)

Знак оказывается закодированным дважды: на уровне языка и на уровне мифа. Поэтому применительно к сложно организованным текстам Ю. М. Лотман писал о «двойной кодировке».

Нельзя не заметить, что в отношениях между объектами разного формата проявляются черты внутренней преемственности, которая иерархически упорядочивает универсум таких объектов. Считается, что нижний уровень объекта большего формата представляет собой среду для объекта меньшего формата (Гофман-Кадошников 1984, 325).

Рисунок 17. Диалектическое отношение между системой и средой

Подобным образом рассматривается диалектика причины и следствия, которые представляют один целостный процесс: причина — это след-

ствие другой причины, при этом с каждым разом рассматриваемое событие становится более сложным (Панкратьев 1993, 15).

Рисунок 18. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРИЧИНОЙ И СЛЕДСТВИЕМ

Отношения между планом содержания и планом выражения языковых знаков можно отразить аналогичным образом.

Рисунок 19. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СОДЕРЖАНИЕМ И ФОРМОЙ

Так, содержание фонем (множество дифференциальных сигнификативных признаков) служит планом выражения морфем, содержание морфем — планом выражения лексем, лексическое и грамматическое содержание лексем — планом выражения высказывания, содержание высказывания — планом выражения текста, содержание текста — планом выражения культуры и т.д. Такой подход способен разрешить некоторые лингвистические парадоксы. Одним из них является устойчивое представление о грамматике как о сфере языковых форм. П. В. Чесноков квалифицирует грамматические характеристики слова как «формальные», хотя при этом указывает:

Сущность грамматического строя языка раскрывается через отношение материальных грамматических форм единиц языка разных уровней, составляющих план выражения формального аспекта, к манифестируемым в них мыслительным формам, образующим план содержания формального аспекта (1992, 10).

Отождествление понятий «грамматический» и «формальный» создает, однако, серьезные теоретические трудности, в частности, лишает всякой перспективы изучение грамматических значений. Понимая это, уже в А. А. Потебня писал, что «грамматическая форма есть значение, а не звук». Современный авторитетный грамматист В. И. Дегтярев подчеркивает:

Грамматическая форма — момент содержания, структура грамматических значений слова. Она несводима к способу существования или средствам выражения значений (1973, 56).

Другим лингвистическим парадоксом является широко распространенное (обусловленное влиянием семиотики) отождествление понятий «содержание» и «значение». В соответствии с этим постулатом в универсуме языковых единиц выделяются двусторонние знаки — обладающие планом содержания и планом выражения, и односторонние знаки — обладающие только планом выражения. Есть логическое противоречие в существовании подмножества языковых единиц, а именно — фонем, которые обладают формой, но не обладают содержанием: с позиции «здорового смысла» это неприемлемо, потому что форма должна быть формой «чего-то».

Чтобы разрешить эти парадоксы, необходимо принять точку зрения, в соответствии с которой план содержания и план выражения языковых знаков связаны между собой не только по принципу отражения, но и по принципу ассоциации: план содержания одного знака может функционировать как план выражения другого знака. Таким образом, между формой и содержанием устанавливается определенная обусловленность, и именно она нередко объясняет специфику употребления языковых знаков в режиме экономии речевых усилий.

Такая трактовка отношений между содержанием и выражением языковых знаков соответствует общим постулатам функциональной лингвистики, ведь сущность слова заключается не просто в номинации, а в том, что слово используется для передачи информации в составе высказывания, сущность же высказывания состоит не просто в передаче информации, а в реализации определенного намерения говорящего.

В соответствии с данным принципом организации языковой системы грамматическое значение слова составляет его план содержания. Но грамматическое значение слова входит в качестве элемента в план выражения высказывания. Например, синтаксическая функция подлежащего в высказывании

Пришла зима

выражается не флексией *-а* существительного *зима*, а целостным знаком — синтаксемой *зима*, с учетом ее грамматической формы и грамматического значения (именительного падежа). Соответствующим образом это фиксируется в структурной схеме высказывания: $VF — S_{Nom}$. Значит, падежное значение является компонентом плана выражения синтаксической функции. Глубоко прав был Р. Якобсон, который в связи с этим писал:

Там, где падежная форма неясна [...] функция существительного в предложении определяется порядком слов [...] Однако мы не имеем права утверждать, что порядок слов может выражать падеж, он может выражать лишь синтаксические функции слов, что ни в коем случае не является тождественным (1985, 137).

Учитывая возможность двойкой манифестации языковых функций, можно разграничивать экспликативные и имплицативные языковые формы (см. 7.1.3). Формы первого типа ассоциируются с общепринятым понятием о плане выражения как о материальном объекте, «который используется в качестве представителя другого объекта» (Супрун 1983, 154). Имплицативная форма — это семантический признак (или группа признаков), который закодирован в одном знаке, но одновременно указывает на семантический признак другого знака, выступая элементом его плана выражения. Так, в высказываниях с качественным (надситуативным) значением предиката семантика обобщенного единственного числа имплицитирует значение абсолютной квантификации, например:

Сердце красавицы склонно к измене = ‘Сердце каждой красавицы или по крайней мере многих красавиц склонно к измене’.

Имплицативные формы обуславливают наличие «скрытых» семантических признаков и являются одним из важных средств экономии усилий говорящего на уровне речи.

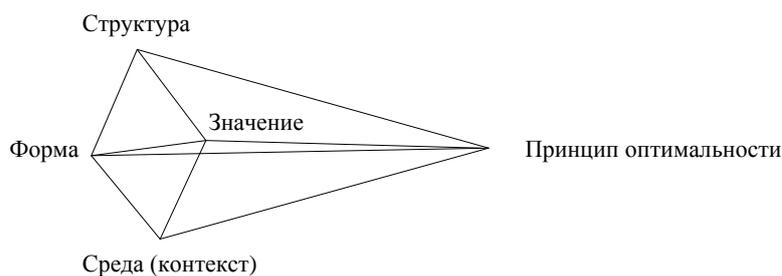
Может, однако, возникнуть возражение: многие семантические признаки номинативных единиц присутствуют также в содержании высказывания, например, грамматические значения категории времени или категории модальности (в связи с этим можно вспомнить «изолированные слова» в системе частей речи П. В. Чеснокова). Именно такие функции компонентов целого были названы конструктивными (см. 2.2.7). Но, как уже подчеркивалось, следует иметь в виду, что, во-первых, семантика целого этими функциями не исчерпывается — существуют агрегативные и эмергентные функции целого. Во-вторых, помимо содержания и формы следует также учитывать структуру, или внутреннюю форму знака. Структура — это как бы склейка между планом содержания и планом выражения знака: с одной стороны, структура обуславливает появление эмергентных свойств системного объекта, с другой стороны, представляет собой мотивировку знака — внутреннюю связь между содержанием и формой:

РИСУНОК 20. ЗНАЧЕНИЕ — ФОРМА — СТРУКТУРА ЗНАКА

Структура — лишь один из факторов, определяющих функциональную целостность знака. Другим таким фактором является среда. Поэтому в действительности отношения между содержанием и формой знака сложнее: они обусловлены также влиянием экстралингвистического контекста, а в целом регулируются принципом оптимальности (в частности, принципом минимального действия), который более подробно описан в работе: Kiklewicz 2007a, 95 ссл.

Рисунок 21. Принцип минимального действия

Принято считать, что с увеличением формата знака степень его иконичности, а значит, и роль структурного фактора возрастает. Но ведь при этом возрастает и роль среды как фактора содержательной наполненности языковых знаков. Учитывая, что структура и среда представляют собой два противодействующих фактора (структура как способ оптимизации поведения объекта и увеличения его сопротивляемости по отношению к воздействиям среды), рассматриваемую ситуацию можно было бы оценить как парадоксальную. Парадокс разрешается ссылкой на принцип оптимальности: с возрастанием масштаба знака увеличивается роль человеческого фактора, который проявляется в свободе выбора такой конфигурации структурных элементов знака, которая наиболее соответствует внешним (психическим, социальным, физическим, физиологическим и т.д.) условиям речевой деятельности.

7.2. Функции высказывания

Функциональное моделирование высказывания базируется на следующих принципах:

1. коммуникативный аспект языка имеет приоритет перед другими;
2. в основе функциональной типологии языковых единиц лежит математическое понятие функции;
3. в качестве метаязыка функционального анализа используется формальный язык логики предикатов (см. также раздел 5.2.).

Поскольку высказывание представляет собой центральную коммуникативную единицу, исчисление его функций должно опираться на структуру речевого акта.

Рисунок 22. Исчисление функция высказывания

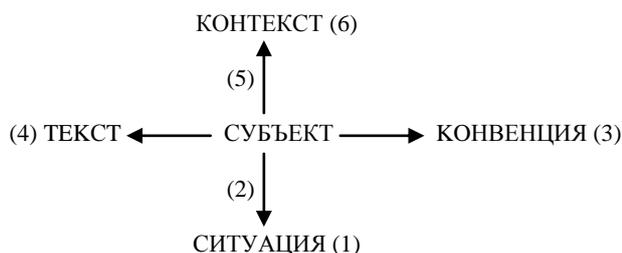

Схема означает: 'Субъект *A* с помощью текста *B* в контексте *D* с учетом конвенции (т.е. множества общих знаний) *E* сообщает о ситуации *C*'. Отношения высказывания к различным компонентам речевого акта, а также его отношения к отношениям последних и представляют собой важнейшие функции высказывания (*R* — символ отношения):

1. *R* (Высказывание, Ситуация)
НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
2. *R* (Высказывание, *R* (Субъект, Ситуация))
ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
3. *R* (Высказывание, Конвенция)
ИМПЛИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
4. *R* (Высказывание, Текст)
ЮНКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
5. *R* (Высказывание, *R* (Субъект, Контекст))
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ
6. *R* (Высказывание, Контекст)
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ

7.2.1. Номинативная функция

Область значений номинативной функции высказывания составляет множество ситуаций одного из возможных миров. Общее номинативное содержание высказывания реализуется посредством нескольких частных функций: референтной, онтологической, пропозициональной, темпоративной и аспектуальной. Они систематизируются следующим образом:

1. Автономное обозначение ситуации — референтная функция.
2. Неавтономное обозначение ситуации, т.е. с точки зрения ее отношения к другим ситуациям.
  - 2.1. Обозначение отношения ситуации к объектам большего масштаба — последовательностям/сериям ситуаций, положениям дел.
    - 2.1.1. Обозначение отношения ситуации к линейным последовательностям ситуаций, т.е. к контекстам или возможным (онтологическим или эпистемическим) мирам — онтологическая функция.
    - 2.1.2. Обозначение отношения ситуации к виртуальной серии ситуаций, или к ситуативному типу — пропозициональная функция.
  - 2.2. Обозначение отношения ситуации к объектам того же масштаба, т.е. к ситуациям.
    - 2.2.1. Обозначение отношения ситуации к коммуникативной ситуации — темпоративная функция.
    - 2.2.2. Обозначение отношения ситуации к другим референтным ситуациям — аспектуальная функция.

7.2.1.1. Референтная функция

Частная референтная функция высказывания (которая именуется также ситуативной) имеет два значения: 'референтность' и 'нереферентность' (генеричность, квалитативность). Как образно пишет Н. Д. Арутюнова, «референция — это способ „зацепить” высказывание за мир» (1982, 18). Высказывания с референтным значением отражают индивидуализированные, фиксированные во времени и пространстве ситуации (Runggaldier 1985, 108 ссл.), например:

Вот бежит собака.

Высказывания подобного типа характеризуются синтетической истинностью — их истинностное значение (правда/ложь) основывается на прямом отношении высказывания к реальному или вымышленному миру (Ehrich 1990, 11; Esa 1991, 15). Это отношение репрезентативности высказывания называется референцией.

Референция считается свойством не выражения как такового, а его употребления в речи. Некорректен вопрос (Линский 1982, 161):

Какой конкретный предмет имеет в виду это высказывание?

Но вполне корректен другой вопрос:

Какой конкретный предмет вы имеете в виду, произнося это высказывание?

«Упоминание или референция — это не свойство выражения, а то, для чего говорящий может его употребить», — пишет П. Ф. Стросон (1982, 56 ссл.).

Референция — не системно-языковая, а речевая характеристика высказывания. Исследователи указывают на коммуникативную природу референции, которая актуализируется при обязательном участии говорящего и слушающего (Esa 1991, 17; Lehfeld 1996, 127). На это указывают примеры типа:

Иван поет.

Само по себе это предложение как сложная языковая единица, полученная в результате применения к лексическим единицам правил комбинаторики, не имеет ситуативной функции. Значение референтности появляется благодаря его соотнесению с конкретным положением дел, ср.:

Я слышу, как Иван поет.

То же предложение может использоваться в других условиях — без соотнесения с конкретным событием. Тогда оно лишено значения референтности:

Борис работает парикмахером, а Иван поет.

Квалитативные высказывания обозначают нефиксированную во времени и пространстве связь ситуаций, например:

Собака бежит/бегаем быстрее человека.

Данное выражение можно трансформировать: ‘Если *x* является собакой, а *y* является человеком, то *x* бежит быстрее, чем *y*’. Пропозициональная связка *если... то* определяет множество логических возможных миров, в которых простые высказывания

X является собакой
Y является человеком
X бежит быстрее y-a

истинны или ложны. Таким образом, квалитативные высказывания характеризуются аналитической истинностью.

Квалитативное высказывание соотносится не с одной конкретной ситуацией, а с целым множеством возможных миров — альтернативных по отношению друг к другу положений дел — таких, как:

- a) *X является собакой; Y является человеком; X бежит/бегает быстрее Y-a.*
- b) *X не является собакой; Y является человеком; X бежит/бегает быстрее Y-a.*
- c) *X является собакой; Y не является человеком; X бежит/бегает быстрее Y-a.*
- d) *X является собакой; Y является человеком; X не бежит/бегает быстрее Y-a* и т.д.

Такие возможные миры будем называть онтологическими. Если ввести символы:

x   *X является собакой*
y   *Y является человеком*
z   *X бежит/бегает быстрее Y-a*
(x & y) → z   *Собака бежит/бегает быстрее человека*

то можно построить матрицу истинностных значений квалитативного высказывания, как это делается в формальной логике.

ТАБЛИЦА 26. МАТРИЦА ИСТИННОСТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
 (ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ)

<i>x</i>	<i>y</i>	<i>z</i>	<i>(x & y) → z</i>
1	1	1	1
0	1	1	1
1	0	1	1
0	0	1	1
1	1	0	0
0	1	0	1
1	0	0	1
0	0	0	1

Произнося

Собака бежит/бегает быстрее человека

мы отражаем определенную закономерность явлений, разграничивая возможные миры, соотносимые с реальностью (с определенной, актуальной «областью рассуждения») и противоречащие ей, например, <111>, <110>. Один из возможных миров является приоритетным — это объект номинации, в данном случае <111>. Однако качественная семантика высказывания указывает также на альтернативные возможные миры, например <011> — *Другие предметы (не собака) бегают/бегают быстрее человека*, или <101> — *Собака бежит/бежит быстрее, чем другие предметы (не человек)*, или <001> — *Другие предметы (не собака) бегают быстрее, чем другие предметы (не человек)*. Релевантность этой семантики проявляется в трансформациях, например, включающих ограничительную частицу:

Неправда, что только собака бежит/бежит быстрее человека.

Дискуссионным является вопрос о том, имеет ли качественное высказывание отношение к иным, альтернативным участникам того же отношения, например, входит ли в его содержание информация о возможных мирах <001> и <000>. С нашей точки зрения, эта информация находится в пресуппозитивном фоне высказывания как следствие лексической и когнитивной семантики вербальной группы. Предикат *бежать быстрее* можно рассматривать как семантическую функцию, которая для объектов одного типа устанавливает отношение к объектам другого типа, например:

F [*бежать быстрее*] x [*собака*] = y [*человек*]

F [*бежать быстрее*] x [*взрослый*] = y [*ребенок*]

F [*бежать быстрее*] x [*гепард*] = y [*лев*]

F [*бежать быстрее*] x [*Иванов*] = y [*Петров*] и т.д.

Содержание качественного высказывания включает импликацию $p \rightarrow q$. Такое представление языковых выражений данного типа хорошо известно в лингвистике (Руденко 1990, 200). При этом antecedent может представлять собой конъюнкцию простых высказываний, как в проанализированном выше примере. Количество элементов конъюнкции определяется валентностью, т.е. n -местностью предиката. Так, двухместный предикат *бежать быстрее* обуславливает двухместную конъюнкцию:

(X является собакой) & (X является человеком).

В соответствии с принципом композиционности общие функции высказывания (в том числе и его референтная функция) реализуются в лексическом и грамматическом содержании его компонентов. Референтная функция высказывания проявляется в семантике аргументов и предикатов. Так, в логической традиции принято различать сингулярные и генерические термины, которым в лингвистической литературе соответствуют референтные и нереферентные именные группы (Гуревич 1983, 55; Падучева 1985, 83; Sawicka 1978, 55; Giusti 1982, 4 и др.). Ср. высказывания:

*Ученый открыл новый закон.
Жених Катлин — ученый.*

В первом выражении существительное *ученый* выступает в референтном значении — независимо от того, знаем ли мы, о каком конкретном ученом идет речь; во втором выражении — в квалитативном значении, ср. толкование: ‘Жених Катлин принадлежит к классу ученых’. Рассмотрим высказывание:

Дети читают сказки.

Это высказывание может получить несколько интерпретаций:

- a) *Конкретная, наблюдаемая подгруппа детей занята чтением сказок.*
- b) *Конкретная группа детей увлекается чтением сказок.*
- c) *Детям вообще свойственно увлечение чтением сказок.*

Интерпретация (a) является референтной — высказывание обозначает конкретную, фиксированную в пространстве и времени говорящего ситуацию. Интерпретации (b) и (c) являются нереферентными — пространственные и временные детерминаторы были бы здесь неуместны:

- b') **Конкретная группа детей в данный момент и в данном месте увлекается чтением сказок.*
- c') **В данный момент и в данном месте детям свойственно увлечение чтением сказок.*

Предикат *читать* в этих случаях имеет нереферентное значение ‘увлекаться чтением’, референтное же значение аргумента *дети* варьируется — конкретная семантика в интерпретации (b) и генерическая семантика в интерпретации (c). На этом основании можно утверждать,

что референтная функция высказывания прежде всего зависит от значения референтной функции предиката.

Г. Хэйер (Heyer 1987, 187 ссл.) демонстрирует подобную многозначность на примере немецкого высказывания

Der Hund bellt 'Собака лает'.

Данное высказывание может получить тройкую интерпретацию. Во-первых, при специфическом значении существительного и глагола, ср.:

Der Hund Fido bellt gerade 'Собака Фидо в данный момент лает'.

Во-вторых, возможна интерпретация с индивидуализированным значением существительного и диспозитивным (нереферентным) значением глагола:

Der Hund Fido bellt ab und zu 'Собака Фидо время от времени лает'.

В-третьих, возможна нереферентная интерпретация высказывания при неспецифическом значении существительного, когда речь идет о лае как о свойстве всех собак:

Der typische Hund ist fähig zu bellen 'Собакам свойственно лаять'.

Референтные и нереферентные высказывания довольно строго разделены в речевом употреблении. Например, они несовместимы в рамках сочинительной связи, на что указывает «отрицательный материал» — языковая игра:

Старый писатель сидел в уютной комнате и любил молодежь (А. Бухов).

Вместе с тем это противопоставление не является, видимо, абсолютно строгим. В. Г. Адмони (1994, 46 сл.) считал, что в неситаутивных высказываниях типа

Париж — столица Франции

Таня — хорошая девочка

Кошки ловят мышей

Кошка — домашнее животное

имеется «по-своему выражаемая ситуативность», присутствуют определенные «ситуативные ориентиры». Отсутствие четкой границы между ситуативными и неситуативными высказываниями Адмони объяснял тем, что генерические высказывания сформировались на базе референтных и между ними имеются переходные зоны (*ibidem*, 30 сл.).

Можно считать, что одну из таких переходных зон занимают квалитативные высказывания, описывающие свойства, ср.:

*Оказывается, это дерево — плодовое.
Посмотрите, ткань сильно мнетя.
Вот те раз — дверь не закрывается.*

С одной стороны, здесь мы имеем дело с референтными высказываниями, каждое из которых описывает фиксацию говорящим определенных свойств наблюдаемого объекта, на что указывает наличие специальных операторов референтности — выражений *оказывается, посмотрите, вот те раз*. В этом же значении употребляются перцептивные глаголы, например:

*Я вижу, что это дерево — плодовое.
Я вижу, что эта ткань сильно мнетя.
Я вижу, что эта дверь не закрывается.*

Ситуативная семантика подтверждается и трансформациями:

*Я вижу на этом дереве плоды.
Я легко сминаю эту ткань.
Я пытаюсь, но не могу закрыть эту дверь.*

Но, с другой стороны, сообщаемый признак, например, наличие на дереве плодов, не является уникальным — рассматриваемое дерево не только в момент сообщения, но и *вообще* является плодовым. Это же касается других примеров: рассматриваемая ткань *всегда* сильно мнетя, рассматриваемая дверь *никогда* не закрывается. Более того, по крайней мере в некоторых случаях мы имеем дело с частным проявлением свойства, характерного для целого класса предметов:

*Все подобные деревья являются плодовыми.
Ткани этого типа сильно мнутя.
Такие двери обычно плохо закрываются.*

К сфере референтно-нереферентных высказываний относятся, вероятно, и демонстративные предложения типа:

Это — наши лучшие образцы.

Перед вами — коллектив нашего института.

Данные ситуативные высказывания содержат оstenсивное указание на объект (*это, перед вами*), сопровождающееся его характеристикой (*наши лучшие образцы, коллектив нашего института*). На ситуативность указывает и возможность варьирования семантики времени:

Это были наши лучшие образцы.

Перед вами был/появится коллектив нашего института.

Вместе с тем приписываемое группе объектов свойство является надситуативным, что отражает отчасти качественный характер семантики высказывания:

Демонстрируемые предметы являются нашими лучшими образцами.

Демонстрируемые лица составляют коллектив нашего института.

Выше уже обращалось внимание на связь категорий генеричности и нормы. Она проявляется в том, что семантика нормы является признаком, сопутствующим употреблению качественных высказываний. Вполне закономерно, что семантические стереотипы, о которых пишет А. Авдеев (Awdiejew 1999), выступают именно в форме качественных высказываний типа:

Учитель учит.

Читатель читает.

Авдеев считает, что данные высказывания лишены коммуникативности, т.е. отражают хранящиеся в когнитивной памяти стереотипные положения дел и — в силу своей банальности, известности — не представлены в речевой практике. Их коммуникативная актуализация сопровождается семантикой референтности предметных или предикатных слов, ср.:

Иван плохо учит.

Маша много читает.

Отрицание квалитативного высказывания означает конфликт с нормой, ср.:

НОРМА: *Собака бежит быстрее человека.*

ВОПРОТИВ НОРМЕ: *Человек бежит быстрее собаки.*

Конфликт с нормой может компенсироваться ситуативностью высказывания, которое соотносится с конкретным, аномальным событием, например:

Посмотрите — человек бежит быстрее собаки!

Аномальные высказывания с семантикой ситуативности можно рассматривать как отрицание квалитативных высказываний, содержащих указание на норму. Поскольку ситуативность высказывания указывает на определенное отклонение от нормы, отрицание такого высказывания в ряде случаев сопряжено с трудностями. Так, применение оператора отрицания к предикату квалитативного оператора представляет собой тривиальную — но при этом естественную — операцию, ср.:

Олег читает книги — Иван не читает книг.

Но та же операция применительно к предикату ситуативного высказывания выглядит, скорее всего, искусственной:

— *Что делает Олег?*

— *Читает книгу.*

— *А Иван?*

— **Не читает книгу.*

К сожалению, современная теория референции лишена концептуального единства. Большинство исследователей применяют понятие референции для характеристики именных групп (Падучева 1985, 9; Lehfeldt 1996, 126; Topilińska 1984, 302 и др.), т.е. рассматривают референцию исключительно в рамках предметной семантики. Другие ученые включают в сферу референции более широкий круг экстралингвистических явлений, в том числе — признаки, свойства и отношения (Ehrich 1990, 11; Schwenk 1991, 71; Гак 1992, 77; Гуревич 1983, 59). Наконец, встречается трактовка референции как характеристики предложения, а именно — содержащегося в нем логического атрибутивного суждения (Ziegler 1984).

Одним из недостатков современной теории референции является то, что в ней нестрого и непоследовательно разграничиваются две категории: референтность и определенность. Трактовка референции как индивидуализации объекта в речевом акте или как идентификации объекта, а также широко распространенная дифференциация определенного и неопределенного статуса именных групп — как их референтных характеристик, приводит к терминологической и содержательной путанице, а при описании конкретного речевого материала — к противоречиям и парадоксам. Рассмотрим два характерных примера:

*На скамейке сидит человек.
Львы — хищники.*

В первом выражении номинативное содержание словоформ *на скамейке* и *человек* не индивидуализировано: адресату не сообщается о том, какая конкретная скамейка и какой конкретный человек имеются в виду. Несмотря на эту неопределенность, данные именные группы референтны — они обозначают конкретные объекты в конкретной наблюдаемой ситуации. В втором выражении именная группа *львы* употреблена нереперентно, что, однако, вовсе не означает, что она является неопределенной — ведь речь идет о генерическом (универсальном) множестве предметов, которое задано с помощью общего дескриптивного признака, а это и есть условие, вполне достаточное для определенности любого универсального множества, потому что для установления принадлежности элемента к множеству (в данном случае к множеству китов) имеется вся необходимая информация.

В одной из наиболее глубоких и интересных работ по данной проблематике — книге немецкого русиста В. Гладрова, вопрос об отношении категорий референтности и определенности решается так:

Существительные, которые употребляются генерически, относительно значений определенности/неопределенности не релевантны, здесь артикли *der* и *ein* выражают иные значения [...] Оппозиция определенности/неопределенности реализуется только при референтном употреблении существительного, при его конкретном отношении к ситуации. Чтобы быть определенным или неопределенным, существительное должно соотноситься с конкретным денотатом (Gladrow 1979, 34 сл.).

Но с учетом того, что существительные в высказывании могут иметь множественную референцию, т.е. обозначать множества предметов, отношения между референтностью и определенностью можно уточнить.

ТАБЛИЦА 27. СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ РЕФЕРЕНЦИИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

	Референтность	Нереферентность
Определенность	<i>На скамейке сидел Иван.</i>	<i>Львы — хищники.</i>
Неопределенность	<i>На скамейке сидел какой-то человек.</i>	<i>— (*Какие-то львы — хищники.)</i>

Нереферентные существительные, как видим, могут быть маркированы с точки зрения категории определенности, тогда как оппозиция определенных/неопределенных именных групп здесь не реализуется.

7.2.1.2. Онтологическая функция

Область значений данной частной номинативной функции составляет множество онтологических сцен или, в другой терминологии — предметных областей, к которым относятся описываемые в высказывании положения дел. Онтологические сцены выражаются с помощью специальных операторов, которые И. М. Богуславский определил как «миропорождающие обстоятельства» (1991), например:

В Бомбее люди пользуются бамбуковыми зонтиками.

Обстоятельства места в *Бомбее* характеризует не действие субъекта (где осуществляется акция использования бамбуковых зонтиков?), а географическое пространство, в котором находятся упомянутые *люди*, упомянутые предметы — *бамбуковые зонтики* и для которого использование бамбуковых зонтиков является типичным. *В Бомбее* — не аргумент пропозиции с семантической функцией локатива, а онтологический оператор, указывающий на локализацию всей описываемой ситуации в более широком пространстве. Такими операторами являются также названия некоторых литературных произведений: «Петербург» Андрея Белого, «Чевенгур», «Город Градов» Андрея Платонова, «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева и др.

В структуре простого предложения формами реализации данной функции являются детерминанты. Это понятие было введено Н. Ю. Шведовой в 60-е годы XX века. Сущность детерминантов состоит в том, что, занимая позицию подлежащего, дополнения или обстоя-

тельства, они семантически связаны с целым предложением (Шведова 1964; 1980, 133), ср. некоторые иллюстрации:

В метель все предметы странно увеличиваются.
С возрастом передвижение становится труднее.
К осени погода становится дождливой.
До войны он был плотник.
Мимо дома гремят трамваи.
У берега по льду еще можно проехать на санях.
За окном стемнело.

7.2.1.3. Пропозициональная функция

Область значения пропозициональной функции высказывания составляет множество ситуативных типов, которые отражены в его семантической структуре. Так, пропозициональная функция высказывания

Иван отсутствовал из-за болезни

заключается в том, что оно характеризует обозначаемую ситуацию как имеющую структуру: субъект (*Иван*) — предикат состояния (*отсутствовал*) — причина (*из-за болезни*).

Пропозициональная функция чаще всего выступает как многозначная — одно и то же простое высказывание, как правило, обозначает не одну, а несколько ситуаций и представляет собой внутренне связанную цепочку пропозициональных выражений. Ср.:

На кровати на одеяле лежали сорочки (М. Булгаков) = ‘На одеяле, которое [одеяло] лежало на кровати, лежали сорочки’.

Высказывания, включающие два и более пропозициональных выражений, называются полипредикативными. Такой характер имеют высказывания с предикатами высшего порядка, т.е. коннотирующими предикатные аргументы, ср.:

Я рассказал ей о том, что ты делаешь успехи.
Я рассказал ей о твоих успехах.
Я рассказал ей о тебе.

Проблемы лингвистического моделирования пропозициональной структуры высказывания достаточно подробно рассмотрены в предыдущих разделах (4.2, 4.8 и 6.2), поэтому здесь будет рассмотрена частная

проблема — возможность применения пропозициональных моделей к анализу связного текста, на примере стихотворения Ивана Бунина:

*Спокойный взор, подобный взору лани,
И все, что в нем так нежно я любил,
Я до сих пор в печали не забыл.
Но образ твой теперь уже в тумане.*

*А будут дни — угаснет и печаль,
И засияет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.*

Каждая строка содержит отдельную пропозициональную структуру (иногда две), в основе которой лежит глагольный или неглагольный предикат. Проанализируем все эти пропозициональные структуры.

- 1 а) *взор = ты смотришь на что-то*
 $P_1(x, Q) = P_1(x, \emptyset_Q \dots)$
 б) *спокойный (взор) = ты спокойна (когда смотришь)*
 $P_2(x)$
подобен
 $P_3(Q, R)$
2. *(я) любил (твой взор, то, как ты смотришь)*
 $P_4(x, Q)$
3. а) *(я) в печали = (я) печален в связи с чем-л.*
 $P_5(x, Q) = P_5(x, \emptyset_Q \dots)$
 б) *(я) не забыл (твой взор)*
 $P_6(x, Q)$
4. а) *образ твой [находится] в тумане → 'я забываю твой образ'*
 $P_7(x, y) = \emptyset_P(x, y)$
 б) *(твой) образ = ты выглядишь определенным образом*
 $P_8(x)$
5. а) *будут (дни) = будут существовать, иметься дни, время*
 $P_9(Q)$
 б) *угаснет (печаль) = перестанет существовать печаль*
 $P_9(Q)$
печаль = я печален в связи с чем-л.
 $P_5(x, Q) = P_5(x, \emptyset_Q \dots)$

6. а) *засияет (сон) = будет существовать сон*
 $P_9(Q)$
 б) *сон = я буду спать*
 $P_{10}(x)$
 в) *(сон) воспоминанья = я не буду вспоминать*
 $P_{11}(x, Q) = P_{11}(\emptyset_x, \emptyset_Q)$
7. а) *нет (ни счастья, ни страданья) = не существует*
 $P_9(Q)$
 б) *счастья = я счастлив в связи с чем-л.*
 $P_{12}(x, Q) = P_{12}(\emptyset_x, \emptyset_Q)$
 в) *страданья = я страдаю*
 $P_{13}(x, Q) = P_{13}(\emptyset_x, \emptyset_Q)$
8. а) [*будет существовать*] *всепрощающая даль*
 $P_9(Q) = \emptyset(Q)$
 б) *всепрощающая (даль)*
 $P_{14}(x, Q, z) = P_{14}(x, \emptyset_Q, \emptyset_z)$
 в) *даль = мы будем находиться далеко друг от друга*
 $P_{15}(a, b)$

В тексте выделено 20 пропозициональных структур, которые базируются, главным образом, на предикатах высшего порядка — только в четырех случаях (пропозиции 1б, 4а, 6б и 8в) выступают предикаты первого порядка — эмоционального состояния, нахождения (локализации), физиологического состояния и пространственного отношения.

В первой части стихотворения доминируют интенциональные пропозициональные структуры типа $P(x, Q)$, при этом наблюдается определенная регулярность: в высказываниях с участием героя реализуются ментальные и эмоциональные предикаты: *любить, печалиться, не забыть*. Эту же семантику имплицитно и высказывание в четвертой строке: *Но образ твой теперь уже в тумане → Я начинаю забывать твой образ*. Напротив, образ героини рассматривается в нескольких аспектах: перцептивной деятельности — *ты смотришь (взор)*, эмоционального состояния — *ты спокойна (когда ты смотришь)* и физического свойства — *твой образ*. При концептуализации героя важнее «внутренние», ненаблюдаемые признаки — его переживания, а при концептуализации героини — «внешние» признаки, проявляющиеся в формах ее поведения, в частности, моторического: предметом психической рефлексии героя является то, как героиня

смотрит и как она *выглядит*, при этом первое (спокойный взор) сохранилось в памяти героя, а второе постепенно забывается.

Если в первой части стихотворения подчеркивается эмоциональная и ментальная сторона состояния любовного разрыва, то во второй части доминирует предикат существования — он выступает в пяти пропозициях. Происходит нечто вроде деперсонализации мира: фокус внимания переносится с личных переживаний героя на существование определенных эмоциональных состояний (*воспоминания, страдания, счастья*), которые концептуализируются как в определенной степени самодостаточные, не связанные с конкретным субъектом. Появляется социативный предикат *всепрощающая*, а последняя строка отчасти повторяет четвертую — речь идет об отношении пространственного, а метафорически — эмоционального, эротического разрыва. Пропозициональная структура текста, таким образом, указывает на то, что в его мифо-поэтическом содержании любовный разрыв представляется как уход героев «со сцены», своего рода «смерть человека». Наблюдается автономизация интенциональных состояний, проявляющаяся в экспансии — во второй части — пропозиций, базирующихся на одноместных предикатах высшего порядка. Эта автономность мыслей и чувств находит также отражение в структуре интенциональных пропозиций: чаще всего не только первый, но и второй (пропозициональный) аргумент при эмотивном или ментальном предикате не эксплицирован, ср. *я в печали, воспоминанья, счастья* и др.

7.2.1.4. Темпоративная функция

Темпоративная функция высказывания позволяет характеризовать обозначаемую ситуацию через ее временное отношение к коммуникативной ситуации — абсолютное время, или к некоторой иной точке отсчета — относительное время (Всеволодова 1975, 19; Касевич 1988, 201; Ehrich 1992, 67; Löbner 1988, 163 ссл.). Эта функция представлена тремя значениями: настоящее время — ‘референтная и коммуникативная ситуации совпадают во времени’; прошедшее время — ‘референтная ситуация предшествует коммуникативной’; будущее время — ‘коммуникативная ситуация предшествует референтной’. Нереперентные высказывания обычно лишены темпоративной функции — они панхроничны, ср.:

Вода кипит при температуре 100 градусов.

Замена формы настоящего времени глагола формой будущего времени означает, что высказывание указывает на некоторую наблюдаемую ситуацию, ср.:

Вода будет кипеть при температуре 100 градусов = 'Вы увидите (вы убедитесь и т.д., что вода будет кипеть при температуре 100 градусов'.

Различие между структурой темпоративной функции высказывания и структурой морфологической категории времени глагола в большинстве языков объясняется тем, что, во-первых, в некоторых языках, например, в болгарском (Котова/Янакиев 2001, 347), различаются специальные формы абсолютного и относительного времени; во-вторых, в морфологических формах глагола закодированы также иные, невременные значения, например, длительность как основной параметр разграничения форм перфекта и имперфекта в некоторых славянских языках.

7.2.1.5. Аспектуальная функция

Аспектуальная функция определяет для каждого референтного (и только референтного) высказывания одно (и только одно) значение из множества отношений между референтными ситуациями. Эти отношения касаются времени, не случайно глагольный вид часто трактуется как временная категория (см.: Всеволодова 1975, 19). Финитивность связана с наличием или отсутствием «перехода от одного факта к другому в цепи фактов» (Бондарко 1983, 127), с наличием или отсутствием границ между обозначаемой ситуацией и ситуациями, которые предшествуют ей или следуют за ней.

В основе аспектуальности лежит семантический признак результативности. В соответствии с этим все референтные высказывания можно разделить на три класса: результативные, нерезультативные и курсивные, т.е. такие, с точки зрения результативности не маркированы, ср.:

Маша умыла пол (результативность).

Маша все еще моет пол (нерезультативность).

Завтра Маша будет мыть пол (курсивность).

В исследованиях последних десятилетий предлагается множество трактовок инварианта категории вида глагола как наиболее регулярного способа реализации аспектуальности — см. обзор в работах: Ки-

клевич 2007, 160 ссл.; Kiklewicz 2004, 115 ссл. Так, Е. В. Падучева определяет инвариант форм совершенного вида (СВ) формулой: ‘раньше не Р, сейчас Р’ (2004, 514), т.е. приписывает формам СВ (в их основном, прямом употреблении) признак ‘смена ситуаций’. Это, однако, не подтверждается в случае ряда глаголов СВ, которые обозначают сохранение признака, как, например, глаголы *умолчал, смолчал, помолчал, промолчал* и др. Значит, дело не в смене ситуаций, а в результативности действия, которая может состоять не только в переходе к новому состоянию, как в предложении

Иван запел

но и в сохранении состояния, которое ранее имело место, например:

Иван хотел было возразить, но промолчал.

Иван пролежал весь день на диване.

Иван отсиделся во время палатки во время дождя.

В концепции, которая изложена, в частности, в работе: Kiklewicz 2005, принимается, что закодированным в содержании СВ результатом может быть любой тип положений дел — состояние, действие, процесс или свойство, ср.:

(1) состояние как результат, например в высказываниях с дополнительной модальной семантикой видовых форм (Burkhardt 1990, 90): *Карл говорит по-русски* (т.е. *Карл может, умеет говорить по-русски*) = ‘Карл хотел научиться говорить по-русски; произошло так, как хотел Карл’.

(2) действие как результат: *Войска двинулись в поход* = ‘Войска хотели двинуться в поход; произошло так, как хотели войска’.

(3) процесс как результат: *Иван зажег свечу* = ‘Иван хотел, чтобы свеча горела; произошло так, как хотел Иван’.

(4) свойство как результат: *Листья пожелтели* = ‘Кто-то хотел (природа хотела), чтобы листья стали желтыми; произошло так, как кто-то хотел (как хотела природа)’.

Инвариант СВ реализуется с учетом лексической семантики слова, в том числе и деривационной. В зависимости от способа глагольного действия — дуративного, терминативного, инхоативного, моментального, процессивного и т.д., значение результативности модифицируется — исследователи выделяют целый ряд частных функций СВ и НСВ (Бондарко 1995; Гловинская 1982, 71 ссл.; Зализняк/Шмелев 1997; Мустайоки 1993, 72 ссл.; Падучева 1996, 25 ссл. и др.).

В рамках результативности можно разграничивать ее две разновидности — финитивной и каузативной. В первом случае глагол обо-

значает намеренный результат действий субъекта, который ставит перед собой определенную цель — в семантической интерпретации мы будем пользоваться записью: ‘*x* хочет/хотел *S*’. Во втором случае глагол обозначает следствие действий, процессов и состояний вне и независимо от субъекта, его целевых установок — это явление мы отмечаем с помощью метаязыковой экспликации ‘кто-то/что-то хочет/хотел *S*’. Существуют выражения, которые позволяют интерпретацию как первого, так и второго типа, ср.:

а) финитивная результативность

x написал *y* = ‘*x* хотел написать *y* — произошло так, как хотел *x*’

x постоял = ‘*x* хотел стоять — произошло так, как хотел *x*’

x пришел = ‘*x* хотел прийти — произошло так, как хотел *x*’

x поспал = ‘*x* хотел спать — произошло так, как хотел *x*’

x объездил *y* = ‘*x* хотел побывать в разных частях *y* — произошло так, как хотел *x*’

б) каузативная результативность

x икнул = ‘кто-то хотел/что-то было причиной того, чтобы/что *x* икнул — произошло так, как хотел кто-то’

x замерз = ‘кто-то хотел/что-то было причиной того, чтобы/что *x* почувствовал сильный холод — произошло так, как хотел кто-то’

в) финитивная или каузативная результативность

x подпрыгнул = ‘*x* хотел подпрыгнуть, кто-то хотел/что-то было причиной того, чтобы/что *x* подпрыгнул — произошло так, как хотел *x* или как хотел кто-то’

x запел = ‘*x* хотел петь, кто-то хотел/что-то было причиной того, чтобы/что *x* пел — произошло так, как хотел *x* или как хотел кто-то’

x уснул = ‘*x* хотел уснуть, кто-то хотел/что-то было причиной того, чтобы/что *x* уснул — произошло так, как хотел *x* или как хотел кто-то’

x замолчал = ‘*x* хотел молчать (перестать говорить), кто-то хотел/что-то было причиной того, чтобы/что *x* молчал (перестал говорить) — произошло так, как хотел *x* или как хотел кто-то’

x смолчал = ‘*x* хотел молчать (не начинать говорить), кто-то хотел/что-то было причиной того, чтобы/что *x* молчал (не начал говорить) — произошло так, как хотел *x* или как хотел кто-то’

Наиболее регулярным способом реализации аспектуальности является употребление форм категории вида глаголов. Благодаря видовым значениям, как пишет Р. Лясковский, действие характеризуется как замкнутое на себе либо как рассматриваемое снаружи, с точки зрения некоторого последующего (или, добавим, предшествующего), непосредственно граничащего с ним во времени действия (Grzegorzczukowa/Laskowski/Wróbel 1984, 129 ссл.). Но сложность описания аспектуальной функции как раз заключается в том, что значения результативности/нерезультативности/курсивности лишь частично

соответствуют формам глаголов совершенного и несовершенного вида — в значительной степени они зависят также от лексического значения глагола. Так, Ю. Д. Апресян пишет, что в «зрелищном» значении глагол *видеть* употребляется только в предложениях с семантикой прошедшего общефактического времени (1995, 62), ср.:

Ты уже видел/смотрел этот фильм?
Завтра мы будем смотреть/*видеть балет на льду.
Он смотрит/*видит сейчас передачу по телевизору.
Завтра он смотрит/*видит балет на льду.
Когда я вошел, он смотрел/*видел передачу по телевизору.

В первом из приведенных выше высказываний, несмотря на несовершенный вид глаголов *видеть* и *смотреть*, реализуется результативное значение аспектуальной функции — ситуация рассматривается как осуществившаяся, что подтверждается наличием частицы *уже*, а также возможностью замены несовершенного вида совершенным:

Ты уже посмотрел этот фильм?

Роль лексико-семантического фактора можно наблюдать и на примере моментальных глаголов, для которых различие СВ и НСВ чаще всего является несущественным:

И вдруг Иван споткнулся.
И вдруг Иван спотыкается.

Процессуальные, в частности, инхоативные (в другой терминологии — инцептивные, ингрессивные) глаголы обозначают действия (с объектами или без), которые могут заканчиваться результатом — изменением субъекта или объекта действия. В этом случае результативность составляет перспективу действия, но в зависимости от лексического содержания глагола в предложении реализуется семантика результата ('х хочет S') или семантика следствия ('кто-то хочет S'), ср.:

Иван написал новый роман = 'Иван хотел написать новый роман — произошло так, как хотел Иван'.
Иван влюбился в Аню = 'Кто-то хотел, чтобы Иван влюбился в Аню — произошло так, как хотел кто-то'.

Кроме видовых значений и закодированных в лексическом содержании пропозициональных типов глагольного действия для выражения аспектуальности употребляются частицы, например, *едва* — как мар-

кер результативности (особенно в придаточных предложениях времени), *все еще* — как маркер нерезультативности, ср.:

*Едва он выехал за город, как поднялся ветер.
Иван все еще не вернулся (т.е. находится в пути).*

7.2.2. Интерпретативная функция

Содержание сообщения никогда не ограничивается только описанием внеязыковой ситуации — к диктальной части высказывания добавляется интерпретативный компонент (Балли 1955, 44; Богданов 1977, 42; Topolińska 1984, 21 ссл.; Schmitt 1986, 69). Благодаря единству номинации и интерпретации высказывание предстает как «авторизованная» проекция определенного отрезка действительности (Feleszko 1978, 5).

Область значения интерпретативной функции высказывания составляет множество точек зрения говорящего или информатора — третьего лица, от которого говорящий получил информацию о некотором положении дел или о некоторых сообщениях. Ср.:

*В поэме может быть любое:
Стоял один, а стало двое (А. Кушнер).*

В этом случае реализуется значение интерпретативной функции ‘потенциальность’. Точка зрения (интерпретация) может быть представлена как двухместный предикат, первым аргументом которого является говорящий (или его информант), а вторым аргументом — описываемая ситуация, отношение ситуации и высказывания, высказывание и др. В зависимости от предмета можно различать несколько видов интерпретации.

7.2.2.1. Модальная функция

Область значения частной модальной функции состоит из множества точек зрения речевого субъекта по отношению к референциальной ситуации. Данная функция представлена рядом более частных функций — видов модальности, которые достаточно полно описаны в литературе (Баранов 1993, 100; Петров 1979, 107 ссл.; Рибо 1906, 30; Davidson 1986, 92; Lyons 1984, 141; Mleziva 1967, 50; Palek 1968, 355; Putnam 1991, 116 и др.). Основными разновидностями модальности являются (Kiklewicz 2004, 141 ссл.):

1. истинностная — со значениями ‘истина’, ‘ложь’;
2. алетическая — со значениями ‘действительно’, ‘необходимо’, ‘возможно’;
3. категорическая/проблематическая — со значениями ‘уверен’, ‘не уверен’;
4. деонтическая (эпистемическая) — со значениями ‘думаю, что’, ‘хочу, чтобы’, ‘верю, что’ и др.;
5. аксиологическая — со значениями ‘хорошо’, ‘плохо’ и др.;
6. нормативная — со значениями ‘нормально’, ‘ненормально’;
7. эмотивная — со значениями ‘приятно, что’, ‘жалко, что’, ‘обидно, что’ и др.

Модальная функция позволяет разграничивать два типа языковых выражений: пропозициональные и предикативные. Эти выражения объединяет номинативная функция — способность указывать на ситуацию или на ее фрагмент — отношения, состояния, действия предметов, ср.:

приезд брата
Брат приехал.

Второе выражение может быть помещено в определенную модальную рамку, например:

Кажется, брат приехал.
Неправда, что брат приехал.
Хорошо, что брат приехал.
Странно, что брат приехал и т.д.

Такие выражения называются предикативными. Предикативные выражения являются высказываниями. Пропозициональные выражения имеют ограниченный набор значений модальной функции, в частности, истинностной модальности. С одной стороны, выражение *приезд брата* маркировано с точки зрения истинности:

Приезд брата порадовал родителей.

Факт приезда брата в этом случае действителен. Но, с другой стороны, истинность выражения *приезд брата* сохраняется и при отрицании высказывания:

Приезд брата не порадовал родителей (имеется в виду, что брат приехал).

Таким образом, выражения типа *приезд брата*, которые мы будем называть пропозициональными и которые в традиции формальной логики трактовались как *с у п п о з и ц и и*, не могут варьировать значений ‘истина’, ‘ложь’, а значит, они лишены и семантики истинностной модальности.

7.2.2.2. Атрибутивная функция

Отдельную сферу интерпретативной функции составляет представление отношений между высказыванием и референциальной ситуацией. Если высказывание интерпретируется с точки зрения того, как ситуация отражена в мысли (что мы о ней думаем), реализуется частная атрибутивная функция высказывания. Она представлена двумя значениями: ‘предмет мысли/сообщения’ и ‘признак, приписываемый предмету’. Части высказывания, выражающие эти значения, называются: *подлежащее* (логический субъект) и *сказуемое* (логический предикат или атрибут). Благодаря логической функции высказывание может выступать как форма выражения логического атрибутивного суждения, например:

Коксовая печь [группа подлежащего] — *устройство для выжигания кокса из каменных углей* [группа сказуемого].

Традиционный синтаксис различал логический, психологический и грамматический субъекты (Шахматов 1941, 23). При этом подлежащее понималось как грамматический субъект предложения и фактически отождествлялось с существительным в именительном падеже (Mańczak 1970, 199). И. Б. Сиротинина подчеркивает, что подлежащее не имеет прямого отношения к понятию логического или психологического (коммуникативного субъекта). По ее определению, это —

компонент предикативного сочетания, являющийся единственным или дополнительным [...] носителем персональности и находящийся в координативной связи со вторым компонентом этого сочетания — сказуемым (1980, 50).

Но, во-первых, поскольку за подлежащим не закреплено ни одно из значений грамматической категории лица (по Сиротининой, значение персональности), а также потому, что значения этой категории передаются и другими членами предложения, в первую очередь — дополнением, связывать подлежащее с персональностью нет каких-

либо достаточных оснований. Во-вторых, и «координационная связь» со сказуемым (содержание которой, кстати, раскрыто недостаточно) — также вовсе не обязательный признак для подлежащего.

Ю. С. Степанов строит определение подлежащего на линейно-синтаксическом основании:

Подлежащее, или субъект, мы определим как первую по порядку именную группу (в частном случае — одно имя) в предложении с нейтральным порядком слов (1981, 174).

Так, в высказывании

В саду — гости

Степанов считает подлежащим словоформу *в саду*. Однако же в таком подходе нельзя не усмотреть порочного круга: подлежащее определяется через нейтральный порядок слов, а нейтральный порядок слов, в свою очередь, предполагает инициальное положение подлежащего.

При выделении подлежащего лингвистический анализ встречается со значительными трудностями, особенно в ситуациях, когда подлежащее лишено типичной грамматической формы выражения или когда она дублируется, например, в высказываниях идентификации типа:

Лауреат — молодой человек.

Подлежащее в этих случаях нелегко отграничить от таких понятий, как тема и (пропозициональный) субъект (т.е. агенс), а иногда — и отграничить от сказуемого (Weiss 1978, 246 ссл.; Норман 1993, 146 сл.).

В современной синтаксической науке традиционная система членов предложения (и понятия подлежащего и сказуемого) большинством исследователей отвергнута, а вместо нее используется несколько классификаций, отражающих разные аспекты содержания и выражения высказывания: структурная схема (синтаксическая модель), пропозиция (семантическая структура), коммуникативная структура (актуальное членение) и др. Вместе с тем замена подлежащего/сказуемого типами аргументов и предикатов невозможна, потому что эти структуры обладают разным содержанием. Особенность предикативной связи подлежащего и сказуемого, как указывает В. Шмидт, заключается, во-первых, в ее двустороннем характере, во-вторых, в ее самостоятельности, самодостаточности, в-третьих, в том, что она устанавливается между «главными» членами предложения (Schmidt

1965, 243). Наконец, следует иметь в виду также тот факт, что подлежащее инвариантно по отношению к системе именных групп: атрибутивная структура высказывания, будучи объективным и самостоятельным содержательным компонентом высказывания, может варьироваться при одной и той же пропозиции (Савченко/Иоффе 1985, 143; Чесноков 1984, 26 ссл.; Юрченко 1984, 19; Grepl/Karlik 1986, 236).

В основе атрибутивного суждения лежит *п р е д и к а ц и я* — соотнесение некоторого предмета с признаком, поэтому атрибутивное суждение не обладает номинативной функцией, а является одним из видов субъективной интерпретации диктума. Если такие категории, как субъект, объект, адресат, инструмент, место, направление и др., отражают объективные свойства отражаемой в высказывании ситуации, то подлежащее и сказуемое относятся к миру субъективной интеллектуальной деятельности человека: в реальной ситуации нет ни подлежащего, ни сказуемого:

Если суждение как пропозициональная функция отражает характер объективных связей того или иного явления, то суждение как субъектно-предикативная структура обусловлено направленностью самого познавательного процесса (Панфилов 1980, 9).

Об этом свидетельствует различие залоговых диатез глагола:

*Ученый подготовил проект.
Проект подготовлен ученым.
Подготовка проекта осуществлена ученым.*

Существительное *ученый* с одной и той же номинативной семантикой субъекта действия в первом случае является подлежащим, во втором и третьем — входит в группу сказуемого.

Следует обратить внимание, что изменение логической функции высказывания не влияет на его истинностное значение. Если же модификации будут подвергаться номинативные категории (субъект или объект действия), высказывание может оказаться несовместимым с нормальным положением дел, ср.:

*Проект подготовил ученого.

«Определить предложение не составляет трудности. Оно есть выражение в речи суждения», — писал Сепир (1934, 29). Эта точка зрения отвергнута современной лингвистикой. Атрибутивное суждение как манифестация интерпретации отношения между высказыванием и си-

туацией реализуется только тогда, когда имеется само номинативное отношение между высказыванием и ситуацией. Многие перформативы (*Принесите воды!* и т.п.) не могут быть расчленены на подлежащее и сказуемое. Это же касается безличных высказываний (Панфилов 1963, 37):

Темнеет.

Холодно.

Дождит и т.п.

7.2.2.3. Тема-рематическая функция

В этом случае предметом интерпретации является степень актуальности, важности с точки зрения интеракции коммуникативных партнеров тех или иных фрагментов описываемых положений дел. Обычно в структуре высказывания выделяются две части: тема имеет значение 'известная, исходная, неактуальная информация', а рема — значение 'неизвестная, актуальная информация'. В соответствии с этими значениями высказывание членится на две части: тему и рему.

Данные термины восходят к античной традиции, хотя в лингвистическую орбиту эти понятия в начале XX века ввел немецкий лингвист Г. Амман (Amman 1929), а их фундаментальную разработку осуществил В. Матезиус. Прообразом понятий темы и рема (которым в американской лингвистике соответствуют топик и фокус) были психологический субъект и предикат в языкознании XIX — начале XX вв. Так, А. А. Шахматов писал:

[...] Среди прочих членов предложения резко выделяется психологический предикат как важнейший член, выявление которого является конечной целью предложения, почему на нем ложится сильнейшее удивление. В предложении *Карл едет завтра в Берлин* предикатами могут стать слова *Карл, едет, завтра, в Берлин* смотря по тому, на что именно обращает внимание говорящий в своем сообщении: так, например, если уже известно, что завтра кто-то едет в Берлин, и остается только сомнение относительно лица, которому предстоит поездка, грамматический субъект *Карл* станет психологическим предикатом (мы могли бы ведь выразиться и так: *тот, кто завтра едет в Берлин — это Карл*) (1941, 24).

В. Вундт считал, что применительно к подобному психологическому членению высказывания вообще неуместны логические термины *субъект* и *предикат*, предлагая ту часть высказывания, на содержании

которой сосредоточено внимание говорящего, называть «господствующим представлением» (*die dominierende Vorstellung*).

Функциональная природа темы и ремы обусловлена тем, что они отражают значимость речевого сообщения в структуре вербальной коммуникации, с точки зрения участников информационного обмена. П. Сгалл в связи с этим подчеркивает, что тема/рема — дискурсивно-синтаксические категории (Sgall 1976, 170). Рема представляет собой функционально-синтаксическую категорию единиц, которые передают в высказывании информацию интерпретативного характера, а именно — интерпретируют сообщаемое ими новый вклад в коммуникацию, способный повлиять на характер дальнейшего взаимодействия субъектов. Тема — это функционально-синтаксическая категория, в основе которой лежит иная семантика: передаваемая информация не является новой и не способна существенно повлиять на развитие диалога.

В литературе можно встретить противопоставление темы и ремы как того, по поводу чего мы говорим, и того, зачем мы говорим. Тематический референт в отличие от рематического, как указывает М. Эза, содержится в контексте — он упоминается в предшествующих сообщениях (Esa 1991, 122). На это важно обратить внимание потому, что содержание темы не является исключительно отрицательным, вторичным по отношению к содержанию ремы, ср.: рема — актуальная информация, тема — неактуальная информация. Позитивная роль темы проявляется на уровне связного текста: тема не вносит в дискурс новой информации, но представляет собой важное соединительное звено между тем, что было сказано, и тем, что сообщается.

Нельзя полностью согласиться с мнением, согласно которому тема и рема противопоставляются как альтернатива, подлежащая выбору, и выбор из альтернативы, потому что обычно дискурс характеризуется разнообразием тем и выбор темы сам по себе представляет для реципиента особую информацию (метаинформацию). Ср.:

Дженни. Если бы он знал, что наш дом лежит в руинах! Наш прекрасный большой дом... Люди всегда перед ним останавливались и говорили, что это лучший дом в городе. Он так этим гордился.

Эдуард. Мы снова его отстроим, Дженни (М. Фриш, «Они опять поют»; пер. А. Карельского).

Темой реплики второго героя является разрушенный дом, но это — тоже своего рода выбор из ряда возможностей, ведь реплика второго

героя, в принципе, могла бы продолжить и другие мотивы, ср. ее потенциальные варианты:

*Эти руины ужасны.
Люди любят прекрасное.
Скоро и от города ничего не останется.
Это была не только гордость.*

С целью актуального членения высказывания можно использовать диалогический тест, ср.:

*Иван приехал.
— Что сделал Иван?*

*Приехал Иван.
— Кто приехал?*

Значение ремы имеет часть предложения, кореферентная по отношению к вопросительному местоимению в диагностирующей реплике теста (в первом предложении это — *приехал*, а во втором — *Иван*). И. М. Богуславский (1996) использует подобную эвристику:

Иван приехал = 'То, что сделал Иван, есть приехал'.
Приехал Иван = 'Тот, кто приехал, есть Иван'.

Очередной критерий подсказывает речевая практика, ср. диалог:

— У Ольги Ивановны был?
— У нее («Литературная газета». 21 VII 1982).

На рематичность синтаксемы у *Ольги Ивановны* указывает то, что имена эта синтаксема (в данном случае — ее анафорический субститут) сохраняется в эллиптированной форме ответной реплики. Ср. другую форму диалога, указывающую на иной тип тема-рематической структуры:

— У Ольги Ивановны был?
— Был.

Встречаются высказывания, которые не актуализируют эту частную интерпретативную функцию, например, некоторые русские качественные предложения (Гладров 1984, 38):

*Выпал снег.
Пришла весна.
Ударили морозы.*

С другой стороны, некоторые исследователи (например, С. Дик, см. раздел 4.2) более детальным образом представляют структуру данной функции высказывания. Так, М. В. Всеволодова (2006) выделяет тему, диктальную рему, модальную рему и парентезу (неакцентированную рему), ср.:

*↗ Вчера было собрание.
Собрание было ↘ вчера.
— Когда было собрание? — ↘ Вчера.
↗ Собрание вчера ↘ было.*

Всеволодова обращает внимание на взаимоотношения между тема-рематической структурой предложения и его модальной семантикой. Так, частица *правда* в уступительном значении занимает позицию парентетического члена, а в истинностном значении — позицию рематического члена:

*Он, правда, ↗ занят, но обещал ↘ приехать.
Он и ↘ правда ↘ действительно очень занят.*

Считается, что коммуникативная структура высказывания самостоятельна по отношению к его семантической структуре — при изменении одной не обязательно изменяется другая, ср.:

*Петя [Тема; Агенс] опоздал [Рема; Предикат].
Опоздал [Тема; Предикат] только Петя [Рема; Агенс].*

Но, с другой стороны, тема-рематические значения часто определенным образом скоординированы со значениями пропозициональной и атрибутивной функции: речь идет о корреляции понятий «тема» — «субъект» — «подлежащее», с одной стороны», «рема» — «предикат», «второй аргумент» — «сказуемое», с другой стороны. Естественная тема-рематическая структура предложения, в определении Г. Врубеля (Wróbel 2001, 321), организована в соответствии с данным коррелятивным принципом, ср.:

Маша влюбилась в учителя.

ВЛЮБИТЬСЯ (x, y)

Маша (x)	влюбилась (P)	в учителя (y)
[агенса]	[предикат]	[пациенса]
[подлежащее]	[сказуемое]	[дополнение]
[тема]	[рема]	

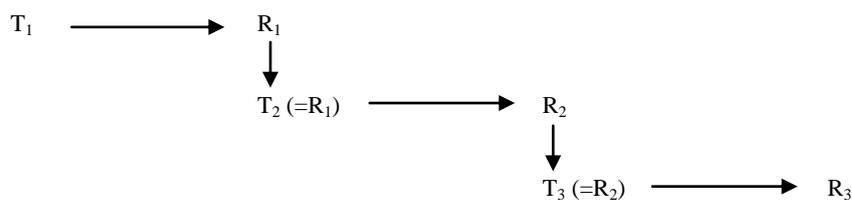
В. Гладров показал, что тема-рематическая структура высказывания зависит также от значений определенности/неопределенности его компонентов. Так, анафорическая, катафорическая или дейктическая семантика местоимений ограничивает возможности их употребления в позиции ремы (Gladrow 1984, 40), ср.:

↗ Он ↘ пришел — ? ↗ Пришел ↘ он.

↗ Кто-то ↘ стучит в дверь — * ↗ В дверь стучит ↘ кто-то.

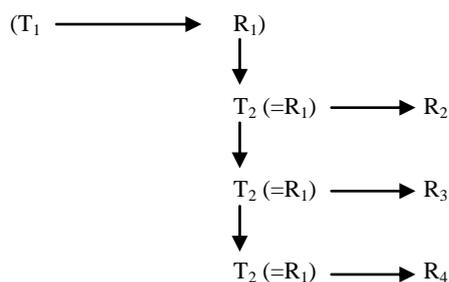
В структуре связного текста различается несколько типов тема-рематической организации текста (Горшкова 1979, 349 ссл.). Например, одним из таких типов является линейная тематическая прогрессия — в этом случае рема предшествующего высказывания становится темой последующего:

РИСУНОК 23. ЛИНЕЙНАЯ ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРЕССИЯ

Другой тип организации текста характеризуется последовательностью сообщений с константной темой.

Рисунок 24. Последовательность сообщений с константной темой

Ср. отрывок из книги воспоминаний А. Вертинского (каждое предложение в «технических» целях пронумеровано):

Пароход, на котором я осенью 1934 года уезжал в Америку, назывался «Лафайет» (1). Со мной ехали несколько французских артистов, приглашенных в Голливуд, и множество туристов, возвратившихся домой (2). Да еще трое чикагских гангстеров со своими подругами (3). Подруги меняли туалеты по десять раз в день и появлялись к обеду в умопомрачительных вечерних платьях — моделях лучших парижских домов, с бутоньерками из живых орхидей, каждый раз в цвет платья (4).

Высказывания (1), (2) и (3) развивают общую тему поездки, в этой своей части текст организован по второму типу, темой же высказывания (4) является рема предшествующего высказывания (3) — подруги гангстеров, в этом случае мы имеем дело с линейной тематической прогрессией.

Интересным с данной точки зрения представляется следующий отрывок из сказки Ю. Олеши «Три толстяка»:

Был такой доктор. Звали его Гаспар Арнери. Наивный человек, яроморочный гуляка, недоучившийся студент могли бы его [...] принять за волшебника.

Когда мы начинаем читать третье предложение: *Наивный человек, яроморочный гуляка, недоучившийся студент...*, мы автоматически интерпретируем его как продолжение характеристики Гаспара Арнери:

Был такой доктор. Звали его Гаспар Арнери. Это был наивный человек, яроморочный гуляка, недоучившийся студент...

Оказывается, однако, что текст построен иначе и смысл у него другой, но сам факт спонтанного выбора структуры текста с константной темой свидетельствует о том, что эта схема закодирована в нашей язы-

ковой памяти, является одним из регулярных правил семантической обработки текста.

В качестве примера использования тема-рематической структуры текста с целью создания фасцинативного эффекта может послужить следующая газетная заметка:

Рекордсмен по рогам (заголовок)

Старейший овцевод из деревни Вербина, что в Смолянском округе (в Болгарии), дедушка Карамфил недавно отпраздновал свой девяносто шестой день рождения. Но и он не видывал такого барана, что родился несколько месяцев назад, и растет, и «мужает» у них не по форме. У молодого красавца... шесть рогов на голове. Растут они «букетами», по три в каждом [...] («Комсомольская правда». 31 III 1985).

Поскольку функция заголовка состоит в том, чтобы — в большей или меньшей степени — определить тему текста, читатель ожидает конкретизации информации о рекордсмене по рогам. Именно так и воспринимается начало заметки, тем более что все три номинации: *рекордсмен по рогам*, *старейший овцевод* и *дедушка Карамфил*, — выражают семантику лица. Линейная тематическая прогрессия создает, таким образом, предпосылку для языкового шока: именно она провоцирует первую версию понимания текста: *Дедушка Карамфил — рекордсмен по рогам*, которая позднее отвергается в пользу версии *Дедушка Карамфил имеет некоторое отношение к рекордсмену по рогам*.

Ср. также диалог в тексте газетной заметки:

— Французы еще не обратили внимания на «Битлз». Что вы о них думаете?

Джон: О, мы в восторге от «Битлз». Они великолепны («Знамя юности». 25 III 1992).

В данном случае одновременно актуализируются две версии тема-рематической организации текста: в реплике журналиста имеется в виду анафорическое отношение *французы — они*, т.е. мы имеем дело с последовательностью высказываний с константной темой, тогда как в реплике Джона Леннона реализуется принцип линейной тематической прогрессии.

Характер тема-рематической организации текста влияет на его восприятие. Так, если местоимение, как указывает Э. Терхорст, имеет тот же референт, что и тематический компонент высказывания, оно воспринимается легче и быстрее (Terhorst 1995, 79).

Для выражения функций темы и ремы обычно используется порядок слов, интонация и специальные лексические и морфологические операторы (прежде всего — частицы). Тематический компонент зани-

мает инициальную позицию высказывания, поэтому тема иногда и характеризуется как исходная точка, начало предложения, ср. «Satzbeginn» в немецкой терминологии. В этом нельзя не усмотреть и конечности высказывания: объективный порядок следования вещей (старое — новое) отражается в порядке расположения частей сообщения.

Роль интонации можно проиллюстрировать отрывком из прозы Федора Сологуба:

— Да вам она говорила это, княгиня-то?
С ударением на слове «вам».

В качестве примера лексического оператора рематичности можно привести немецкую частицу *es*: занимая инициальную линейную позицию перед глагольным сказуемым, она автоматически переводит реальное подлежащее в линейную зону фокуса внимания, рематизирует его (Helbig/Buscha 1988, 393 ссл.; Sekiguchi 1994, 6), ср.:

Es hat sich gestern ein schwerer Unfall ereignet ‘Вчера произошла тяжелая авария’ — рематизируется группа подлежащего *ein schwerer Unfall*.
Es wurden die Resultate psycholinguistischer Experimente systematisiert — ‘Были систематизированы результаты психолингвистического эксперимента’ — (рематизируется группа подлежащего *die Resultate psycholinguistischer Experimente*).

7.2.2.4. Метаязыковая функция

Частной интерпретативной функцией является также метаязыковая, которую Н. Б. Мечковская определяет как «презентацию речи» (1993). Область значения этой функции составляет множество точек зрения относительно формы сообщения, свойственного говорящему способу выражения смысла. Этот вид интерпретации обычно манифестируется с помощью вводных слов и конструкций, например: *так сказать, если можно выразиться, мягко говоря, скажем, собственно говоря* и т.п. Ср. высказывание:

Ведь ты, не говоря дурного слова, на свинью похож (Н. Гоголь).
Ученье, как говорится, свет, а неученье — тьма (А. Чехов).
Я тоже водитель, следовательно, я не лишен всеобщей водительской солидарности, и мне не по себе оттого, что мы наблюдаем за движением, как бы это помягче сказать, исподтишка, что ли («Знамя юности». 10 IV 1981).
Он, можно сказать, пожалел денег.

К сфере метаязыковой интерпретации относится и характеристика высказывания с точки зрения его авторства, что наблюдается при цитировании. В работе: Киклевич 1993, 16, было введено понятия речевого и языкового цитирования. Речевые цитаты основаны на принципе «Как сказал X» и содержат интерпретацию высказывания следующего типа: ‘Форма сообщения такова, как она выглядит у конкретного, реального автора’. Ср.:

Наконец, он признался себе, что ему не хватает Мери... Ладно. Приползет. Куда ей деваться. Но Мери не приползла (Ю. Нагибин).

Здесь элементом речевого цитирования является глагол *приползла*. Высказывание *Мери не приползла* следовало бы истолковать: ‘Его ожидания, что Мери, как он выражался, приползет, не сбылись’. Ср. подобные примеры:

...Подносил нож к моему лицу и, усмехаясь, спрашивал: «Ты вот это вот видел?» Я вот это вот видел, но не знал, как реагировать (В. Войнович).
Тоня сползла с подоконника и снова примостилась на краешек дивана «терпеливо ждать» [...] Она сидела на краешке дивана, положив руки на колени и выпрямив спину, всем своим видом показывая, как она «терпеливо ждет» (А. Битов).

Языковые цитаты основаны на принципе «Как сказал бы (как говорит) X» и указывают на потенциального автора сообщения, ср. примеры из прозы Микеланджело Антониони:

*Борхес сказал бы, что эта женщина ирреальна.
 Это был день воображаемых телеграмм, как сказал бы Фитцджеральд.*

Языковые заимствования варьируются по своему масштабу: существуют заимствования из этнического языка — в частности, так называемые варваризмы (*как говорят французы*), заимствования из социолекта (*как говорят в Одессе*), а также заимствования из идиолекта (*как говорит моя жена*).

7.2.3. Импликативная функция

К области значения импликативной функции высказывания относится сопутствующая семантическая информация, которая тем или иным образом связана с его номинативным содержанием. Передача буквального содержания в речевой практике является вообще редкостью — обычно мы имеем дело с реализацией принципа «Что ты хочешь

этим сказать?», т.е. с содержанием, которое вытекает из передаваемых сообщения, как в следующем отрывке из прозы Марка Твена:

— *Человек живет на другой планете.*

— *На другой?*

— *На другой? — эхом отозвался Гулливер. — Что ты хочешь этим сказать?*

— *То, что сказал.*

Главным фактором появления такой дополнительной информации являются социальные и культурные конвенции, т.е. фонд общих знаний членов данной группы о мире. Благодаря данной функции высказывание сообщает об условиях, предпосылках, причинах описываемых положений дел, как и об их следствиях. Ср. русские предложения:

Иван придет?

Так Иван придет?

И Иван придет?

Частицы *так* и *и* вносят важный семантический элемент в содержание высказывания: они указывают на то, что тема прихода Ивана ранее обсуждалась коммуникативными партнерами, при этом частица *и* интерпретирует возможный приход Ивана как неожиданность, а частица *так* с этой точки зрения является немаркированной или же выражает заинтересованность говорящего в рассматриваемом развитии событий.

То, как предварительные знания о ситуации влияют на понимание сообщения, можно показать на следующем примере:

Кран надо закручивать до тех пор, пока вода не перестанет течь.

В условиях, когда известно, что кран работает плохо, это высказывание означает: 'Закручивай кран посильней, чтобы не текла вода'. Но если кран работает исправно, высказывание имеет совсем другое значение: 'Не надо закручивать кран слишком сильно, чтобы не повредить его; как только вода перестанет течь, надо прекратить закручивание крана'.

Ассертивную (актуальную) часть высказывания составляет его номинативное содержание. Импликативное содержание высказывания представлено пресуппозициями и коннотациями.

Пресуппозиции иногда трактуются как условия правильного употребления высказывания, предпосылки, которые должны быть соблюдены, чтобы высказывание имело буквальный смысл

(Апресян 1974, 29; Арутюнова 1973, 85; Звегинцев 1976, 216; Кифер 1978, 341; Никитин 1988, 146; Dittel 1977, 84; Keenan 1989, 142; Reis 1977, 37). Важнейшим свойством пресуппозиции является то, что они сохраняются независимо от истинности или ложности, констативности или перформативности высказывания:

Вчерашний ураган погубил, к сожалению, весь урожай.

Вчерашний ураган погубил, к счастью, не весь урожай.

Вчерашний ураган погубил весь урожай?

Во всех трех случаях имеется пресуппозиция *Вчера был ураган*. Различают несколько видов пресуппозиций: логические, семантические, экзистенциальные, фактуальные, модальные и др. (Апресян 1974, 28 сл.; Николаева 1985, 25; Плотников 1989, 82 ссл.; Столнейкер 1985, 427 сл.; Grodziński 1969, 44; Hajičová 1975, 51 ссл.).

Ложность пресуппозиций допускается в двух случаях: во-первых, в некоторых отрицательных высказываниях, когда ложность пресуппозитивной части является обоснованием ложности асертивной части высказывания, ср.:

Я не встречался с этим человеком, потому что этот человек не существует.

Во-вторых, ложные пресуппозиции могут быть основанием сознательного нарушения семантической конвенции в юмористических текстах:

Надоел мужику кот. Взял он его, посадил в сумку, отвез подальше, бросил... Но кот вернулся. И так несколько раз. Наконец мужик решил довести его поглубже в чащу. Отвез, бросил, а весь обратный путь вилял и запутывал дорогу. В конце концов сам заблудился. Звонит домой жене:

— *Слушай, кот пришел?*

— *Да, пришел.*

— *Ну-ка позови его к телефону...*

Виктор Янукович в своей спокойной и уравновешенной манере заявил, что случайно оговорился, назвав Ахматову Ахметовой. Он прекрасно знает, кто такая Анна Ахматова и видел все ее картины.

В приведенных текстах содержатся ложные пресуппозиции: *Коты разговаривают (по телефону); Анна Ахматова — известная художница.*

Коннотации (импликации), в отличие от пресуппозиций, зависят от истинностного значения асертивной части высказывания. Например, высказывания, содержащие положительные оценки объек-

тов и явлений, как правило, дополнительно содержат рекомендательную семантику:

Иван ленивый, у него нет никакой профессии может имплицировать: Не советую тебе встречаться с Иваном.

Иван трудолюбивый, аккуратный, у него вилла за городом может имплицировать: Советую тебе почаще встречаться с Иваном.

Если пресуппозиции в определенной степени обусловлены семантической структурой предложения — например, подлежащее аффирмативных предложений и большинства отрицательных предложений обязательно является субъектом экзистенциальных пресуппозиций:

Лошади умеют плавать, пресуппозиция: Существуют лошади

Эскимосы не умеют плавать, пресуппозиция: Существуют эскимосы

то коннотации в большей степени зависят от контекста культуры, в частности, от когнитивных и идеологических стереотипов, принятых в определенном сообществе. Вот характерный пример — текст анекдота, в котором одно и то же выражение (*У меня ведь жена, дети...*) по-разному интерпретируется в двух системах культуры:

Спорят Сталин с Рузвельтом, у кого телохранители преданнее. Рузвельт подводит своего к обрыву:

— Джон, прыгай!

— Да вы что, не буду, у меня ведь жена, дети.

Подводит Сталин своего к обрыву:

— Вася, прыгай.

Вася, не раздумывая, рыбкой с обрыва. Несут его санитары всего переломанного.

Подходит к нему Рузвельт:

— Зачем же ты прыгал?

— Так ведь у меня жена, дети.

В качестве другого примера идеологических импликаций может послужить описываемый известным кинорежиссером Георгием Данелия эпизод свадьбы из фильма «Афоня»:

Я уже хотел снимать пейзаж, но тут оператор Сергей Вронский показал мне на лошадь, которая тащила телегу с бочкой...

— Пусть эта телега проедет, — сказал он.

Сняли лошадь.

Первой на этот кадр обратила внимание жена художника Левана Шенгелия Рита.

— Как ты это потрясающе придумал, — восхищалась она после просмотра на «Мосфильме». — Как это точно!

— Что точно? — осторожно спросил я.

— Лошадь! Он делает предложение, а потом лошадь. Вот и Катя, как эта несчастная лошадь, будет тащить груз омерзительного, пьяного хамства и нищеты всю жизнь! Ведь так?

Я скромно кивнул.

Через го «Афоню» показывали в Лос-Анджелесе в большом кинотеатре. Рядом со мной сидел классик американского и мирового кино, тбилисский армянин Рубен Мамулян. Когда на экране появилась лошадь с бочкой, раздались аплодисменты. После просмотра я его спросил:

— Рубен, а почему аплодировали, когда появилась лошадь?

Он усмехнулся:

— [...] Что тут понимать? Он спрашивает: «Ты замуж за меня пойдешь?» И сразу — лошадь с повозкой. Замужем за ним она и будет, как эта лошадь. Я угадал?

Импlications являются важным средством связности текста. Благодаря им в семантической структуре текста актуализируются условные силлогизмы. Ср. текстовые фрагменты:

*Приближалась осень. Птицы начинали собираться в стаи.
Небо потемнело. Далекие предметы расплывались.
Ребенок заплакал. Мать взяла его на руки.*

Последовательность высказываний p , q осмысливается в структуре условного силлогизма, в котором первая, общая посылка представляет собой семантическую импликацию:

Если/когда p , то q

p

q

Ср. интерпретации:

[Когда приближается осень, птицы начинают собираться в стаи.] *Приближалась осень. (→) Птицы начинали собираться в стаи.*

[Когда небо темнеет, далекие предметы расплываются.] *Небо потемнело. (→) Далекие предметы расплывались.*

[Когда ребенок заплачет, его мать берет плачущего ребенка на руки.] *Ребенок заплакал. (→) Мать взяла его на руки.*

Такого рода условные имPLICATIONи могут использоваться для косвенного выражения положительной или отрицательной оценки, как это наблюдается в отрывке из дневниковых записей Юрия Казарина:

Я — жене:

— Закончил пятую тетрадь прозы.

Жена, прибираясь в ванной:

— Молодец! — и без паузы, озабоченно: — Надо бы купить щетку для унитаза.

В данном случае связность находящихся в одном и том же контексте предложений на тему пятой тетради прозы и на тему щетки для унитаза обусловлена предпосылкой, что эти явления каким-то образом связаны (*Если p, то q...*) — это ассоциативность двух сфер — художественной и утилитарной — и создает в тексте иронический оттенок.

С другой стороны, в данном случае мы имеем дело с эффектом, который соответствует второму принципу гештальтпсихологии: линейная близость, пространственная совместимость знаков порождает их семантическую связь. Так, в известной шутке Сергея Эйзенштейна:

Ворона летела, а собака на хвосте сидела. Как это может быть?

предполагается (в соответствии с одной версией), что собака сидела на хвосте вороны. Подобное явление, т.е. возникновение линейных импликаций, мы наблюдаем в следующем тексте:

В нашей районной газете «Ленинский путь» [...] мы прочли приглашение на работу следующего характера: «Козьмодемьянский комбинат коммунальных предприятий рабочего по кладбищу (с предоставлением жилплощади)» («Литературная газета». 8 VIII 1984).

В данном случае возникает аллюзия, основанная на ассоциации существительных *кладбище* и *жилплощадь*. Тот же принцип реализуется в юмореске Никиты Богословского:

На море был сильный шторм, а судовому врачу У., не имевшему под рукой специальных инструментов, пришлось сделать необычную операцию — вытащить из дыхательного горла старпома И. боржомную металлическую крышку, попавшую туда при попытке открыть бутылку зубами. И, как ни странно, старпом очутился дома, в кругу семьи... ровно через пять минут, так как и он, и доктор, будучи в отпуске, сидели в кафе напротив старпомовской квартиры. А шторм тем временем продолжал бушевать.

Другой аспект речевого функционирования импликаций — косвенные речевые акты, когда иллюкутивная сила высказывания основывается не на его ассертивном содержании, а на его коннотациях, как, например, в следующих иллюстрациях:

— Скажите, у вас вшей нет?

— Я — дипломат... (А. Солженицын).

— А где все люди?

— Рано (В. Конецкий).

В каждом из приведенных фрагментов вторая реплика в диалоге представляет собой косвенный речевой акт, а именно — формальную констатацию, которая используется в первом случае — для опровержения версии коммуникативного партнера, а во втором случае — для обоснования положения дел, ср. трансформации:

Нет, у меня нет вшей, потому что я — дипломат.

Людей еще нет, потому что еще рано.

Б. Ю. Норман, который пишет о выражении скрытых семантических категорий в языках (например, категории отчуждаемости — неотчуждаемости в славянских языках), приводит в качестве иллюстрации известный анекдот (1987, 142):

Среди ночи в окошко дома стучат: «Хозяин, дрова не нужны?» «Нет, не нужны!» — огрызается разбуженный хозяин. Утром встает, глядь на двор — а дров-то и нету!

В данном случае мы имеем дело с вторичным, переносным употреблением вопросительной реплики *Дрова не нужны?*, которая имплицитно означает: 'Возможно, хозяин нуждается в дровах, т.е. в приобретении дров'. При такой интерпретации данное вопросительное предложение, как и множество подобных, реализует речевой акт — предложение, ср.:

Дрова не нужны? 'Предлагаю приобрести дрова'.

Часы не нужны 'Предлагаю приобрести часы'.

Доллары не нужны 'Предлагаю приобрести доллары'.

Хотя, с другой стороны, вопросительное предложение может быть интерпретировано и буквально. В речевой деятельности вообще не редки подобные случаи коммуникативной двусмысленности высказывания, когда один из коммуникативных партнеров понимает его буквально, а второй — основываясь на семантических импликациях. Приведу пример:

Собралась семья обои клеить. Жена мужу говорит:

— *Сходи к соседям снизу — они ремонт недавно делали, квартира у них такая же. Спроси, сколько рулонов покупали.*

Он пошел, ему сказали:

— Шестнадцать.

Купили обои, стали клеить. Шесть рулонов осталось. Муж злой, снова идет к ним. Говорит:

— Вам что, сволочи вы такие, сказать правду сложно было? У нас шесть рулонов осталось!

Услышал в ответ:

— И нас столько же осталось.

В данном случае вопрос мужа *Сколько рулонов обоев вы покупали?* понимается соседями буквально, поэтому и ответная реплика — с их точки зрения — значит: *Шестнадцать* 'Мы купили шестнадцать рулонов обоев'. В интерпретации мужа вопрос следует понимать небуквально: *Сколько рулонов обоев требуется (следует) купить, чтобы оклеить квартиру?* Таким же образом муж понимает ответную реплику соседей.

Особую категорию составляют прагматические (или коммуникативные) импликации, о которых впервые писал Г. П. Грайс (1985, 228 ссл.) — в некоторой степени они основаны на втором принципе гештальтпсихологии (см. выше). Так, основой фасцинативного эффекта в шуточных загадках является нарушение принципа релевантности, согласно которому коммуникативные партнеры должны стремиться к тематическому единству диалога. Ср. некоторые примеры:

— Как спрыгнуть с десятиметровой лестницы и не ушибиться?

— Надо прыгать с нижней ступени.

— Мужчина вел большой грузовик. Огни на машине не были зажжены. Луны тоже не было. Женищина стала переходить дорогу перед машиной. Как водителю удалось разглядеть ее?

— Был яркий солнечный день.

— Собака была привязана к десятиметровой веревке, а прошла триста метров. Как ей это удалось?

— Веревка не была привязана.

Во всех приведенных текстах нарушается принцип релевантности: так, в первом упоминается десятиметровая лестница — тем самым предполагается, что прыгающий находится на ее наивысшей ступени. В третьем тексте основой импликации *Собака была привязана веревкой к чему-л.* основывается также на определенном когнитивном стереотипе. Этот же принцип реализуется в тексте народной сказки «Как бедняк с барином обедал»:

Мужик побился об заклад, что пообедает с бариним. Пришел к барину.

— *Хочу твою милость спросить: что стоит такой слиток золота, как вот моя шапка?*

Барин ничего не ответил. Хлопнул в ладони:

— *Живо подавайте нам с мужичком выпить и закусить и обед подавайте! Садись, садись, не стесняйся, пей, ешь, чего душа пожелает!*

Угостил барин бедняка, словно гостя дорогого, а сам дрожмя дрожит, охота золота слиток к рукам прибрать.

— *Ступай, мужичок, тащи сюда поскорее свой слиток, я тебе за него пуд муки дам да денег полтину.*

— *Да у меня нет никакого золота! Я только спросил, сколько стоит такой слиток золота, как моя шапка.*

Рассердился барин:

— *Пошел вон, дурак!*

7.2.4. Юнктивная функция

Область значения юнктивной функции высказывания составляет множество его отношений с другими высказываниями в структуре связного текста (в дискурсе). Ср.:

Если пойдешь на Невский, зайди в гастроном.

Придаточное предложение имеет здесь значение юнктивной функции ‘условие’. Ср. трансформацию: ‘Я прошу тебя зайти в гастроном при условии, что ты пойдешь на Невский’.

Для выражения этой функции регулярно используются союзы, содержание которых в общих чертах можно описать с помощью логических пропозициональных связей — конъюнкции, дизъюнкции, импликации, констелляции, эквивалентности и др. Вместе с тем языковые союзы и логические связи не тождественны, что неоднократно отмечалось в литературе (Санников 1989, 112 ссл.; Киклевич 1991а, 192 ссл.). Их основное различие состоит в том, что языковые союзы богаче по своему содержанию, они, как и большинство языковых знаков, синкретичны, т.е. помимо юнктивности, указывают также на признаки других категорий, например, категорий модальности.

Кроме того важным дистрибутивным свойством языковых союзов является то, что они предполагают определенный тип семантической связи между элементами, например, соединительные союзы — принадлежность элементов к одному тематическому классу. Ср. известную шутку:

Бедная Лиза рвала цветы и кормила свою мать.

Комический эффект возникает здесь вследствие интерпретации соединительного союза как выражающего семантическую связь однородных частей, а именно: 'Бедная Лиза рвала цветы и кормила цветами свою мать'.

Логические же связки — пропозициональные операторы, которые определяют матрицу истинностных значений сложного высказывания, не имея отношения к их номинативному содержанию. Это различие между языком и логикой хорошо показано авторами словаря «Дефорт» на примере импликации (Ивин/Переверзев/Петров 1994, 177 сл.). Как известно импликативное высказывание $\varphi \rightarrow \psi$ ложно при условии, что первая часть истинна, а вторая ложна; во всех остальных случаях импликативное высказывание истинно.

Таблица 28. Матрица истинностных значений импликации

$\varphi \rightarrow \psi$	φ	ψ
ИСТИННО	+	+
ЛОЖНО	+	-
ИСТИННО	-	+
ИСТИННО	-	-

Из данной матрицы, в частности, вытекает общезначимая пропозициональная формула:

$$\psi \rightarrow (\varphi \vee \neg\varphi) \quad (89)$$

Эта формула, как пишут авторы словаря «Дефорт»,

означает, что всякое истинное высказывание $(\varphi \vee \neg\varphi)$ логически следует из любого высказывания (из всего, что угодно), что представляется интуитивно неприемлемым (ibidem, 178).

В этом и заключается парадокс импликации, который не имеет отношения к формальной логике как таковой, а к ее интуитивной, в том числе и языковой интерпретации. Упомянутые авторы пишут:

Различного рода парадоксы возникают лишь в результате неадекватного перевода этих высказываний и формул (логического языка. — А. К.) на естественный язык (неадекватного их истолкования в терминах естественного языка). В процессе такого перевода оператор импликации « $\rightarrow$ » обычно отождествляется с выражением *если..., то...* (а также

с выражениями *тогда...*, *когда...*, *поскольку...*, *постольку...* и т.п.), а соответственно имплицативное высказывание вида $\varphi \rightarrow \psi$ — с условными высказываниями. [...] При этом не учитывается, что в естественном языке выражение *если...*, *то...* может пониматься по-разному в зависимости от конкретного контекста, в котором оно используется (а в формальной логике это требование не существенно, ср. импликацию: *Если Наполеон — император, то Земля круглая.* — А. К.) Например, в предложении *Если в бочку с бензином бросить горящую свечу, то бочка взорвется* выражение *если...*, *то...* используется для указания на определенную причинно-следственную связь между эмпирическими объектами (ibidem).

7.2.5. Прагматическая функция

Все высказывания делятся на два класса: **к о н с т а т и в ы** — описания положений дел, к которым применим критерий истинности/ложности, и **п е р ф о р м а т и в ы** — речевые формы реализации действий, которые не могут оцениваться по шкале «правда — ложь» (Фреге 1987, 27; Линде 1915, 56; Остин 1986, 82 ссл.; Стросон 1986, 131; Серль 1986, 31; Фогараша 1959, 222; Звегинцев 1976, 209 ссл.; Кларк/Карлсон 1986, 274; Романов 1984, 90). Ср.:

Местами прошли кратковременные дожди (констатив).
Приятного аппетита! (перформатив).

Область значения прагматической функции высказывания составляет множество речевых актов, реализуемых посредством перформативного употребления высказывания в конкретных коммуникативных (в частности, интерактивных) условиях. В работе: Kiklewicz 2007с, 102 ссл., в структуре прагматической функции выделяется три категории: 1) активные (инвенциональные) речевые акты; 2) реактивные (конвенциональные, ритуальные) речевые акты и 3) фатические речевые акты.

Первая категория подробно описана в **т е о р и и и л л о к у ц и и** Дж. Остина (1986) и его последователей. Иллокутивная функция отражает тип речевого действия. Наиболее простая классификация иллокутивных актов включает 1) утверждения; 2) побуждения и 3) вопросы, что в традиционном синтаксисе представлено как «классификация предложений по коммуникативной установке» (Белошапкина 1977, 93).

Кроме иллокуции Остин рассматривал также перлокуцию — конечную цель речевого воздействия, последствия речевого акта. Так, реплика в поезде, адресованная другим пассажирам:

Мы подъезжаем к Ганноверу

в иллюкутивном аспекте является утверждением (констативом), а в перлокутивном аспектом может быть интерпретирована как директив — побуждение к действию (просьба приготовиться к выходу) или как декларатив — представление своего намерения покинуть купе.

В случае так называемых косвенных речевых актов физический адресат сообщения и объект перлокутивного воздействия не совпадают, т.е. реплика формально относится к одному лицу, а фактически касается другого, например:

(X обращается к Y в присутствии Z) *У меня к Вам личный разговор.*

Говорящий при этом одновременно обращается и к непосредственному и к косвенному адресату — зрителю (или свидетелю) диалога: приглашая первого к конфиденциальному разговору, тем самым говорящий просит второго покинуть помещение.

Две другие частные прагматические функции — конвенциональная и фатическая, описаны в разделе 3.2.6.

7.2.6. Стилистическая функция

Область значения стилистической функции состоит из множества контекстов (дискурсов) — ситуаций взаимодействия речевых субъектов. Сущность этой функции состоит в том, что высказывание дополнительно маркируется с точки зрения внешних обстоятельств общения, передает информацию о характере взаимодействия, в которое включен речевой акт. К сфере реализации данной функции относится, например, категория вежливости (Конюшкевич 1998, 26). Ср.:

Будьте любезны, повторите, пожалуйста, что Вы сказали.

Повторите!

А?

Во всех трех случаях закодирована коннотативная функция, но в первом ее значение — ‘официальное общение; вежливое отношение к собеседнику’, во втором — ‘официальное общение; нейтральное отношение к собеседнику’, а в третьем — ‘неофициальное общение; фамильярное к собеседнику’. В русском языке официальное вежливое отношение часто реализуется с помощью форм существительных и местоимений множественного числа, как в следующем примере:

Работник почты X в присутствии работника Y обращается к клиенту: — *Вы заплатили?*

Работник почты Y: — *Да-да, они уже заплатили.*

С точки зрения Ю. М. Лотмана в естественной коммуникации восприятие информации о жанре и стиле текста обычно предшествует восприятию «сюжетно-мифологической информации» (1970, 265). Так, Р. Келлер показывает, что стилистический фактор понимания высказывания может вступать в противоречие с формальной логикой (Keller 1986, 59). Представим себе рекламный щит фирмы, производящей сигареты:

Keine schmeckt besser! ‘Нет сигарет лучше по вкусовым качествам’.

С формально-логической точки зрения данное сообщение допускает существование сигарет с такими же высокими вкусовыми качествами. Однако читающий первоначально воспринимает стилистическую, в частности — жанровую, информацию — «рекламный текст», поэтому, актуализируя свой культурный опыт, читающий воспроизводит коммуникативную стратегию автора: рекламодатель стремится склонить потенциального покупателя к приобретению рекламируемого товара, поэтому представляет товар как можно лучше (в сравнении с конкурентными товарами). Поскольку рекламодатель не может признать равноценности конкурентных товаров, то потребитель можно заключить, что приведенное рекламное сообщение означает:

Наши сигареты имеют наивысшие вкусовые качества. Другие фирмы не могут сравниться с нами по этому показателю.

7.3. Субфункции высказывания

Как определено в разделе 2.2.7, композиционный принцип высказывания — это такой тип его организации, при котором агрегативные функции высказывания выражаются с помощью лексических и грамматических значений компонентов — отдельных синтаксем. В предыдущих разделах описывались именно такие функции высказывания как целостной коммуникативной единицы.

Однако не все функциональные характеристики компонентов высказывания проявляются на уровне целого — существуют также автономные субфункции синтаксем, с помощью которых уточняется информация об отдельных фрагментах описываемой ситуации. Понятие субфункции наиболее близко категории спецификаторов в кон-

цепции А. Мустайоки: по его определению, «спецификатор — дополнительный семантический элемент, характеризующий актант или предикат семантической структуры либо положение дел в целом» (2006, 153).

Субфункции реализуются применительно к аргументам (предметным именам) или предикатам. В соответствии с этим отдельно будут рассмотрены субфункции данных двух номинативных категорий.

7.3.1. Субфункции аргументов

7.3.1.1. Количественная субфункция

Количественная информация реализуется на нескольких уровнях абстракции. Базовой следует считать оппозицию двух значений: ‘единичный предмет’ и ‘множество предметов, т.е. предметы в количестве больше одного’, которая является обязательной, т.е. выражаемой с помощью грамматических средств. Ср. у Д. Хармса (в рассказе «Сабля»: «Но 1 — это особенное число. Она может стоять в стороне, как показатель отсутствия счета. 2 уже первое множество»). В соответствии с данной оппозицией значений различаются единичные и множественные аргументы, например, в высказывании:

Родители купили сыну велосипед.

Аргументы *сыну* и *велосипед* являются единичными, а аргумент *родители* — множественным. Для реализации значений единичности и множественности регулярно используется морфологическая категория числа существительных, хотя полной конгруэнтности между грамматической числом и синтаксическим количеством нет. В первых, формы существительных во множественном числе могут обозначать единичные, целостные объекты, например, словоформа *тезисы* в следующем отрывке из стенограммы доклада Е. Д. Поливанова «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория»:

В. М. Фриче: В ваших тезисах имеется три тезиса, посвященных этой проблеме построения марксистской лингвистики.

С другой стороны, собирательные существительные (такие, как *студенчество, зверье, матросня, аристократия, чернослив*), несмотря на грамматическую форму единственного числа, обозначают множества

предметов. К этой же категории относятся сингулятивные существительные *изгибина, рыбина, травина, винограда, маковина, черносливина* и т.п. и именуемые в логике «массовыми терминами» существительные *просо, песок, мука, толпа* и т.п.

Множественные аргументы дополнительно характеризуются с точки зрения объема множества предметов. Здесь различаются три частные функции количественные функции (Киклевич 2001, 124):

1. номинальное количество определяется по отношению к арифметической норме множества (выражается числительными);
2. градуальное количество определяется по отношению к ситуативной норме множества (выражается фреквентивными словами);
3. реальное количество определяется по отношению к экзистенциальной норме множества (выражается кванторными словами).

Ср. примеры каждого типа квантитативной семантики:

Катя съела две сливы = ‘Количество слив, которые съела Катя, равно эталонному множеству из двух элементов’.

Катя съела много слив = ‘Количество слив, которые съела Катя, превышает количество слив, которые обычно она съедает /которые съедает ребенок в ее возрасте’.

Катя съела все сливы = ‘Количество слив, которые съела Катя, равно количеству имевшихся слив’.

7.3.1.2. Детерминативная субфункция

Детерминативная функция, имеющая значения два значения — ‘определенность’ и ‘неопределенность’, соотносит обозначаемый аргументом предмет с референтной рамкой одного из участников или зрителей речевого акта, обычно — говорящего. Е. Нёргор-Сёренсен трактует референтную рамку как совокупность предметов, которые известны субъекту речи благодаря его интеллектуальной, практической или коммуникативной деятельности (1987, 156). В связи с этим можно различать три типа определенности/неопределенности:

1. энциклопедическую;
2. эмпирическую;
3. коммуникативную.

Энциклопедическая определенность обусловлена наличием у говорящего устойчивого, хранящегося в долгосрочной памяти

образа референта. Этот тип семантики определенности реализуется с помощью собственных имен, например:

Я сяду на «Кропоткинской», а у «Библиотеки» выйду и через Военторг пройду. Как ты думаешь? (Разговорная речь).

Именные группы *Кропоткинская, Библиотека, Военторг* обладают энциклопедической определенностью, ср. трансформацию: 'Я выйду на станции метро, которую я знаю/помню как «Кропоткинскую»'.

Эмпирическая (или дейктическая) определенность именных групп основана на том, что их референт характеризуется с точки зрения его отношения к речевому акту и участникам информационного обмена. Обладающие эмпирической определенностью именные группы указывают на объекты, которые непосредственно присутствуют в ситуации общения и воспринимаются соответствующими органами чувств. Ср. пример из разговорной речи:

— *Тань, а сколько мне на костюмчик нужно?*

— *Ну здесь ширина небольшая / наверно девяносто.*

Словоформа *здесь* характеризуется эмпирической определенностью, ср. трансформацию: 'Наблюдаемый предмет (отрез ткани) имеет небольшую ширину'.

Коммуникативная (или анафорическая) определенность основана на семантической связности текста и заключается в предупомянутости обозначаемого референта. Ср. высказывание, где словоформа *она* выступает как маркер коммуникативной определенности :

— *Если ты мне дашь нитки, коробку эту, я заштопаю.*

— *А где она?* = 'Где находится упомянутая коробка с нитками?'

В повести Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» (в главе «Железнодорожная — Черное») читаем:

Выпила — и сбросила с себя что-то лишнее. «Если она сбросит, — подумал я, — если она, следом за этим лишним, сбросит и исподнее — содрогнется земля и камни возопиют». А она сказала: «ну как, Веничка, хорошо у меня .....?» А я, раздавленный желанием, ждал греха, задыхаясь. Я сказал ей: «ровно тридцать лет я живу на свете... Но еще ни разу не видел, чтобы у кого-нибудь так хорошо .....!» [...]

До этого — сказать ли вам? — до этого я и х плохо знал, и захмелевших, и трезвых. Я стремился за ними мыслью, но как только устремлялся — сердце останавливалось в испуге. Помыслы — были, но не было намерений. Когда же являлись

намерения — помыслы исчезали, и хотя я устремлялся за ними сердцем, в испуге останавливалась мысль.

Я был противоречив. С одной стороны, мне нравилось, что у них есть талия, а у нас нет никакой талии, это будило во мне — как бы это назвать? «негу», что ли? — ну да, это будило во мне негу. Но, с другой стороны, ведь они зарезали Марата перочинным ножиком, а Марат был неподкупен, и резать его не следовало. С одной стороны, мне, как Карлу Марксу, нравилась в них слабость, то есть, вот они вынуждены мочиться, приседая на корточки, это мне нравилось, это наполняло меня — ну, чем это меня наполняло? негой, что ли? — ну да, это наполняло меня негой. Но, с другой стороны, ведь они в И... из нагана стреляли!

С одной стороны, мы имеем дело с коммуникативной определенностью, ведь из контекста повести однозначно следует, что под местоимениями *они*, *за ними*, *в них* скрываются женщины. С другой стороны, особенность данного отрывка в том, что личные местоимения (по крайней мере некоторые) являются здесь заместителями существительного *женщина* в нереферентном употреблении, ср.:

Они зарезали Марата ⇔ *Марата зарезала женщина* 'Тот, кто зарезал Марата, был женщиной'.

Они стреляли в И. ⇔ *В И. стреляла женщина* 'Стрелявшая в И. была женщиной'.

Такое употребление анафорических местоимений является достаточно редким, неслучайно оно и используется в прозе Ерофеева как своего рода элемент «остранения».

Для реализации детерминативной функции употребляются, главным образом, местоимения — личные и указательные, реже — порядок слов и интонация. Ср. разные интонационные структуры одного и того же русского предложения:

Иван встретил ♫ *милиционера.*

↗ *Иван встретил* ♫ *милиционера.*

Иван ↗ *встретил* ♫ *милиционера.*

В первом предложении синтаксема *милиционера* характеризуется неопределенностью, что можно подтвердить с помощью равнозначной трансформации:

Иван встретил *какого-то милиционера.*

Во втором и в третьем предложениях ситуация меняется: синтаксема *милиционера* становится определенной, ср.: трансформации:

Это Иван встретил этого милиционера.
? Именно Иван встретил какого-то милиционера.
? Иван только встретил какого-то милиционера.

Здесь налицо связь между определенностью синтаксемы и ее позицией в тематической части высказывания. Эмфатическое выделение синтаксем *Иван* и *встретил* с помощью интонации во втором и в третьем предложении равнозначно их рематической интерпретации; напротив, тематическая интерпретация синтаксемы (в данном случае *милиционер*) обуславливает семантику определенности.

7.3.2. Субфункции предикатов

7.3.2.1. Детерминативная субфункция

Детерминативная функция предиката проявляется в том, что обозначаемый им признак характеризуется с точки зрения референтной рамки говорящего, ср.:

Вот бежит собака.
Иван что-то сделал с телефоном.

В первом высказывании с помощью частицы *вот* дополнительно выражается семантика известности, наглядности действия ('Я вижу, как бежит собака'). Глагольный предикат в данном случае обладает признаками референтности и определенности. Во втором высказывании с помощью местоимения *что-то* выражается неопределенность действия ('Я не знаю, что Иван сделал с телефоном').

Детерминативная функция предикатов, как и подобная функция аргументов, характеризуется по трем параметрам, т.е. реализуется как эмпирическая, когнитивная или коммуникативная определенность/неопределенность. Например, в первом из приведенных выше высказываний содержится эмпирическая определенность, а во втором — когнитивная неопределенность предиката.

Глагольные сочетания с определенными местоимениями типа *это сделал*, *находится в этом состоянии*, *вступают в это отношение*, *etwas tun*, *etwas machen*, *das tun*, *das machen* и т.п. (Braunmüller 1977, 11) — своего рода «местоглаголия». Этим провербам свойственна бифункциональность: эмпирическая и коммуникативная

определенность предиката. Коммуникативная определенность проявляется в рамках анафорических отношений (Dulian 1995, 206):

— *Иван много путешествует.*
— *А я этого не делаю.*

Эмпирическая определенность провербов реализуется в контексте остенсивного указания на конкретную акцию, например:

Посмотрите, Иван это делает впервые.

Л. И. Ушакова (1998, 85 сл.) обращает внимание на два принципиально разных употребления выражений *что делать/сделать, это делать/сделать*. В первом случае они употребляются как проверки, во втором — как синтаксические конструкции с семантикой создания объекта. Формально данные употребления различаются местом фразового ударения:

— *Что де́лаешь?*
— *Пишу.*

— *Что́ делаешь?*
— *Коробку.*

Для выражения коммуникативной определенности предиката широко используются нулевые формы, прежде всего — в составе эллиптических конструкций, например:

Дочери родители купили куклу, а сыну — велосипед.

Нулевая форма в выражении *А сыну — велосипед* означает: ‘упомянутое, известное действие’, выражение же в целом интерпретируется: ‘Упомянутый субъект осуществил упомянутое действие с велосипедом в пользу сына’.

В области функционирования предиката не выделяется энциклопедическая определенность референтных вербальных групп, т.е. нет знаков, аналогичных собственным именам существительным. Это объясняется тем, что действия, как, впрочем, и свойства, процессы, отношения, вещества, материалы, а также некоторые типы предметов, не индивидуализируются, не кодируются в долгосрочной памяти субъекта в виде экземплификации, т.е. как выделенные фрагменты

действительности, являющиеся носителями не только общих, но и индивидуальных признаков, ср.:

девочка Таня
кошка Мурка
город Воронеж
ресторан «Плакучая ива»
роман «Воскресение»
сосна ?..
карандаш ?..
тарелка ?..
поцелуй ?..

Среди предикатов широко распространена генерическая определенность — известность действия, процесса, состояния, отношения или свойства как существенной характеристики в серии повторяющихся ситуаций. Она заключается в том, что благодаря знанию лексического значения предикатного слова речевой субъект обладает важнейшей информацией о структуре ситуации (в серии повторяющихся ситуаций) и ее контексте (консеквенциях и др.). Ср.:

Гейзеры периодически в ы б р а с ы в а ю т фонтаны воды и пара.

Предикат *выбрасывать* является в данном выражении генерически определенным — его лексическое значение содержит всю необходимую информацию о характере действия: объект *x* быстро производит с объектом *y*, который находится внутри объекта *z*, действие, результатом которого является то, что объект *y* оказывается снаружи объекта *z*. Такая определенность является когнитивной, она формируется как обобщение информация о серии действий, процессов, состояний, отношений, хранится в когнитивной рамке субъекта в виде абстрактного образа действия, процесса, состояния или отношения.

С учетом двух параметров — референтности и определенности — можно предложить следующую типологию вербальных групп:

ТАБЛИЦА 29. РЕФЕРЕНТНОСТЬ VS. ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРЕДИКАТОВ

	Референтные	Генерические
Определенные	<i>Вот бежит собака. Он это делает впервые.</i>	<i>Киты живут в океане.</i>
Неопределенные	<i>Иван что-то сделал с плитой.</i>	<i>Маша там тоже чем-то занимается.</i>

Детерминативная функция не является грамматической, поэтому ее реализация в речи не обязательна. Впрочем, в большинстве случаев информация об известности или неизвестности предикативного признака участникам информационного обмена существенна. Поэтому при отсутствии форм материальной манифестации определенности/неопределенности действия, необходимо обратиться к более широкому контексту. Рассмотрим высказывание:

Покидая Каму, [...] моряки долго и неохотно прощались (Л. Рейснер).

Вне текста данное высказывание может быть интерпретировано двояко: как ‘Всегда, когда моряки покидают Каму, они прощаются долго и неохотно’ либо как ‘В данный, конкретный отрезок времени моряки покидали Каму и долго, неохотно прощались’. Первая интерпретация является генерической — она указывает на серию повторяющихся ситуаций. Вторая интерпретация является конкретно-референтной — она указывает на фиксированную во времени ситуацию и наблюдаемое говорящим действие. В анализируемом контексте реализуется второе значение — референтная, эмпирическая (наблюдаемая) определенность предиката *прощались*:

Теперь на обледелых берегах Камы, почти рядом, лежат разрушенные и обгорелые остовы двух кораблей: «Вани-коммуниста» и белогвардейского «Труда». И кто знает, быть может, под непроницаемой поверхностью реки, на темном дне, прибило течением друг к другу Маркина и тех презренных, которые из пулеметов добывали его утопающую команду. Покидая Каму, быть может навсегда, моряки долго и неохотно прощались.

На референтную определенность предикатов указывает общая стилистическая функция и жанр текста — репортаж, т.е. сообщение о событиях.

Для выражения определенности предиката широко используются нулевые формы, прежде всего — в составе эллиптических конструкций, например:

Иван уехал в Швецию, а Маша — в Канаду.

Нулевая форма на месте тире означает: ‘ранее упомянутое, известное действие’, выражение же в целом интерпретируется как: ‘Упомянутый субъект осуществил упомянутое, известное действие — перемещение в пространстве’.

7.3.2.2. Дистрибутивная субфункция

Данная функция предиката касается лексических значений его аргументов. Семантические признаки, которые предикат аккомодирует в содержании аргументов, называются *с е л е к т и в н ы м и*. Так, для предиката *волноваться* дистрибутивная функция имеет значение: ‘одушевленный субъект’. Если селективные признаки нарушаются, возникает семантическая деривация предиката — его употребление в новом значении:

Мама волнуется.
Море волнуется.

Впрочем, нарушение селективного признака может означать онтологическую или эпистемическую аномалию — один из возможных миров, соотносимый со специфической онтологической сценой или же специфической ментальной установкой субъекта. Такого рода ситуацию мы наблюдаем в известной сказке Джона Барри «Питер Пэн»:

Миссис Дарлинг впервые обнаружила его, когда приводила в порядок мысли своих детей. Разве вы не слышали? Это в обычае у всех хороших матерей. Когда дети уснут, матери производят уборку в их мыслях (перевод И. Токмаковой).

Предикат *приводить в порядок* имеет селективный признак ‘множество материальных объектов / множественный материальный объект’, в данном же контексте объектом действия являются мысли. Все объясняется тем, что мы имеем дело с возможным миром сказки.

7.3.2.3. Градуальная субфункция

Градуальная функция предиката позволяет характеризовать обозначаемый признак с точки зрения его интенсивности. Эта функция представлена несколькими частными функциями, которые, в свою очередь, обладают несколькими значениями:

1. чрезмерная — достаточная — недостаточная степень (*чрезмерно, достаточно, недостаточно*);
2. высокая — средняя — низкая степень (*очень, не очень*);
3. превышающая норму — не достигающая нормы степень (*слишком, не слишком*);
4. предельная — не предельная степень (*совершенно, почти*);
5. достигшая — не достигшая нормы степень (*абсолютно, не совсем*).

Ср. высказывания:

Что ты распрыгался?

Дом у Ивана большущий/малюсенький.

Мы еле передвигались.

В первых двух высказываниях семантика степени выражается морфологически — приставками и суффиксами: *распрыгался* = ‘интенсивно прыгает’; *большущий* = ‘очень больших размеров’; *малюсенький* = ‘очень маленьких размеров’. В третьем высказывании интенсивность выражается аналитически — с помощью специального служебного слова: *еле передвигались* = ‘интенсивность передвижения была низкая’.

7.4. Функциональная карта высказывания

Функциональная карта высказывания является формой синтетической экспликации его функций. Она содержит информацию трех типов, а именно — 1) о функциях; 2) о значениях функций и 3) о формах выражения значений. Функциональная карта особенно важна при содержательном анализе коммуникативных единиц, который в перспективе, при условии формализации функциональной модели языка, мог бы осуществляться также в автоматическом режиме. Рассмотрим применение данной методики на конкретном примере — предложении из повести Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»:

Помню — это я отчетливо помню — на улице Чехова я выпил два стакана охотничьей.

Функция	Значение	Форма
НОМИНАТИВНАЯ		
Референтная	[референтность, ситуативность]	совершенный вид глагольного предиката <i>выпить</i>
Онтологическая	[онтологической сценой описываемого события является <i>улица Чехова</i>]	синтаксема <i>на улице Чехова</i> в позиции обстоятельственного детерминанта
Пропозициональная	[полипредикативная структура: <i>Когда я находился на улице Чехова, я</i>	лексические и грамматические значения синтаксем: <i>на улице Чехова, я,</i>

Функция	Значение	Форма
	<i>выпил два стакана охотничьей</i> а) ядерная пропозиция с базовым двухместным предикатом первого порядка <i>выпить</i> (x_{Ag}, y_{Pat}) б) включенная пропозиция с нереализованным предикатом 'находиться' — двухместный предикат первого порядка 'находиться' (x_{Sub}, y_{Loc})	<i>выпил, два стакана охотничьей</i>
Темпоративная	[абсолютное прошедшее время: референтная ситуация предшествует моменту речи]	форма прошедшего времени глагола <i>выпил</i>
Аспектуальная	[результативность целевого действия: 'я хотел выпить; в определенный, имеющийся в виду момент времени произошло так, как я хотел']	грамматическая форма глагола совершенного вида <i>выпил</i>
ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ		
Модальная		
Истинностная модальность	[истинность]	форма аффирмативного высказывания; отсутствие маркеров истинности равнозначно выражению информации об истинности сообщения
Категорическая модальность	не актуализирована	
Алетическая модальность	[реальность]	форма аффирмативного высказывания; отсутствие маркеров алетичности равнозначно выражению информации о реальном положении дел
Деонтическая модальность	[ментальное состояние ПАМЯТЬ]	модальная конструкция <i>помню, это я отчетливо помню</i>

Функция	Значение	Форма
Нормативная модальность	не актуализирована	
Аксиологическая модальность	не актуализирована	
Эмотивная модальность	не актуализирована	
Атрибутивная	[я — подлежащее, <i>выпил два стакана охотничьей</i> — группа сказуемого]	грамматические и лексические значения синтаксем <i>я, выпил, два стакана охотничьей</i>
Тема-рематическая	[<i>на улице Чехова я</i> ‘когда я был на улице Чехова’ — тема, <i>выпил два стакана охотничьей</i> — рема]	порядок слов; семантика определенности личного местоимения как основа его тематической интерпретации
Метаязыковая	не актуализирована	
ИМПЛИКАТИВНАЯ		
Пресуппозиции	[экзистенциальная: <i>Существует улица Чехова</i> фактуальная: <i>Я какое-то время находился на улице Чехова</i> фактуальная: <i>Я выпил</i>]	
Коннотации	не актуализированы	
ЮНКТИВНАЯ	не актуализирована	
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ	[констатация — утверждение]	нулевая форма: <i>Помню...</i> ‘Утверждаю/сообщаю, что я помню...’; здесь учитывается также «нарративный режим речи» (термин Е. В. Падучевой), обусловленный характером художественного повествования
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ	[нейтральный стиль]	

Парадоксы функционализма (вместо заключения)

Человек не может быть счастлив наукой,
но [...] он еще менее может быть счастлив
без нее.

Анри Пуанкаре

В 60-е годы прошлого столетия, когда в языкознании особенно популярным был метод моделирования, известный русский исследователь Н. Д. Андреев писал:

(Модель. — А. К.) может дать такое приближение к языковой структуре, которое будет вполне достаточно для некоторой частной задачи. Однако никакая модель не может быть пригодной для решения всех видов задач, связанных с применением моделируемого языка; для этой универсальной цели годен только но сам (1967, 20).

Сказанное в полной мере относится также к функциональным моделям языка. При всех их достоинствах и преимуществах — по сравнению с более традиционными формальными или структурными моделями, они отражают только определенный аспект языковых единиц, языковых категорий и языковой системы в целом, поэтому абсолютизация функционального подхода так же не уместна, как и абсолютизация формализма или структурализма.

С. Ульман различал два типа семантики: структурную, или аналитическую, которая разлагает слова или другие символы на конечные составляющие, и операционную, или функциональную, задача которой состоит в том, чтобы познать значение «посредством его изучения в действии и в наблюдении над его использованием» (см. Звегинцев 1968, 59; ср. дихотомию субстанциональной и функциональной лингвистических парадигм у А. Н. Рудякова — 2004, 7). В. А. Звегинцев, комментируя эту дихотомию, писал — в середине XX века — что второе направление в семантике пока разработано.

В языкознании конца XX века — начала XXI века произошли кардинальные изменения. Теперь уже функциональный характер исследования и самой постановки научной задачи является общепринятым каноном, а обращение к формальным методам исследования (или методам «твердой науки» — в терминологии Дж. Фодора, см. Fodor 1999, 26) считается едва ли не дурным тоном, в любом случае — чем-то архаичным, не заслуживающим серьезного внимания.

«Мода на функционализм» пришла, главным образом, вместе с распространением когнитивной и социальной лингвистики. Так, сторонники коммуникативного подхода приняли тезис, согласно которому каждый языковой текст является не композиционным, т.е. в его форме и структуре отсутствуют некоторые элементы, необходимые для манифестации передаваемого смысла — в значительной степени содержание текста обусловлено не языковыми формами, а речевым контекстом, в особенности — установками коммуникативных партнеров и их знаниями о мире. Эта идея экологической экспансии (между прочим, противоречащая объективно доказанному принципу организации текста — редунданции, см. Чернов 1978, 53 ссл.) лежит в основе коммуникативной грамматики А. Авдеева/Г. Хабрайской (Awdiejew 1999; Awdiejew/Habrajska 2004). По мнению Авдеева, языковые формы в речевой коммуникации имеют лишь вспомогательный характер, другими словами — представляют собой лишь субкатегорию форм — в ряду множества невербальных, в своем большинстве — дейктических сигналов, на которых в значительной степени опирается речевое взаимодействие.

Американский философ Дж. Миллер также указывает, что в речевой коммуникации содержание речи важнее, чем ее языковая форма, но при этом совершенно верно замечает, что сказанное относится, в первую очередь, к естественной устной коммуникации *face to face*, а прежде всего касается ее ранних, примитивных форм (Miller 2004, 399).

Как пишет уже упомянутый Фодор относительно психологической науки (Fodor 1999, 26), в практике применения функциональных критериев классификации объектов абстрагируются от их формальной природы. Подобное наблюдается и в языкознании.

В качестве примера может послужить трактовка фонологии представителями московской фонологической школы. Как пишет Б. Ю. Норман, «важнейший инструмент для определения соотношения между звуком и фонемой — понятие дистрибуции», т.е. «совокупность всех возможных окружений звука в отличие от невозможных» (1983, 308). Как видим, при определении фонемы лингвисты совершенно не интересуются формальным аспектом языковых единиц — критерий сочетаемости является не то чтобы важнейшим, а фактически — единственным. Так решается, например, вопрос о фонологическом статусе русских гласных звуков [и] и [ы] — они рассматриваются как представители (а именно — вариации) одной и той же фонемы:

К примеру, смысл русских слов *тыкать* и *тикать*, *выли* и *вли* и т.п. мы воспринимаем благодаря артикуляционным и акустическим различиям, существующим, во-первых, между гласными [ы] и [и] и, во-вторых, между твердыми и мягкими согласными ([т] — [тʲ], [в] — [вʲ]). Однако если второе противопоставление должно признать самостоятельным (оно встречается в самых различных условиях, ср.: *тук* — *тюк*, *поток* — *потёк*, *брат* — *брать*...), то первое противопоставление «в чистом виде» не встречается, оно обязательно сопровождается вторым [...] Поскольку из двух вариантов [и] менее обусловлено, чем [ы] (оно встречается и в абсолютном начале слова), то именно этот звук считается основным вариантом данной фонемы (ibidem, 309).

Исследователей не останавливает ни факт, что вариации [и] — [ы] имеют специфические артикуляционные и акустические свойства, ни факт, что для их графического обозначения зарезервированы отдельные буквы, ни то, что отсутствует психологическое подтверждение их фонологического единства. Важен только один — функциональный критерий, т.е. описание звуков «с позиций морфологии», определение фонемы как составного элемента значимых единиц языка — морфем (ibidem, 314).

Игнорирование формальной стороны звуковых единиц оборачивается созданием таких теоретических монстров, как *гиперфонема*. Норман пишет (sic!), что в «в гиперфонемах реализуется идея групповой различимости языковых элементов на фонемном уровне» (ibidem), а в определении М. В. Панова это — «общая часть двух (или нескольких) нейтрализованных фонем» (1979, 120) (непонятно, как одна дефиниция корреспондирует с другой). Так, в слове *собака* первый гласный звук «не может быть „доказан” сильной позицией (нельзя отдать предпочтение ни <a>, ни <o>)», значит — заключает Норман — этот гласный звук «должен считаться представителем единицы более высокого ранга — гиперфонемы < $\frac{a}{o}$ >, а все слово получает в фо-

нематической транскрипции следующий вид: < $c \frac{a}{o}$ бака-а>» (ibidem, 314 ссл.).

Другим характерным примером функциональной экспансии является трактовка предлогов авторами реализуемого с 2001 г. международного научного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (руководитель М. В. Всеволодова). Если в концепции М. Гроховского предлоги выделены на основании конструктивного, т.е. формально-грамматического критерия — как единицы, которые самостоятельно не функционируют как выска-

звания, имеют соединительную функцию и управляют падежными формами (см. раздел 5.1.3.3), что позволяет достаточно строго отграничить данный грамматический класс от других, то авторы проекта «Славянские предлоги...» приняли функциональный критерий классификации. При этом функция предлогов определяется широко и довольно расплывчато:

[...] Будучи реляционной единицей, предлог не только маркирует зависимость субстантива от господствующего слова в словосочетании (для зависимых синтаксем), но и, формируя синтаксему, вводит ее в предикативную синтагму (в роли конструктивно обусловленной синтаксемы) и в ситуативный или дискурсивный контекст (свободные синтаксемы в функции заголовка, ремарки, вывески и др.) (Конюшкевич 2005, 65).

Почему имеется в виду только «субстантив» и не учитываются конструкции предлогов с местоимениями? Что означают термины «ситуативный контекст» и «дискурсивный контекст» и каким образом предлог как языковая единица может «ввести синтагму» в эти контексты? Нельзя согласиться и с тем, предлог «маркирует зависимость субстантива от господствующего слова в словосочетании»: вряд ли такая «зависимость» выступает в комитативных синтагмах типа *Иван с Петром* (особенно при симметричных предикатах типа *дружить*), а главное — формальной зависимостью от господствующего слова функция предлогов не исчерпывается, ср.:

Иван вернулся без денег.

Ничего удивительного, что при таком неопределенном подходе расплывчатыми оказываются и границы класса предлогов. В «Толковом словаре белорусских предлогов» П. П. Шубы (1993) насчитывается около 500 единиц, при этом часть из них, как пишет автор, являются диалектными или устаревшими. В реестре же проекта «Славянские предлоги...» содержится свыше 2000 единиц, при этом Конюшкевич пишет (sic!): «уже сейчас очевидно, что этот список потенциально может быть увеличен более чем вдвое» (ibidem, 66).

Увеличение числа предложных единиц происходит за счет все более дробной субкатегоризации, механизмами которой являются: 1) вовлечение в структуру предложной единицы разных первичных предлогов; 2) изменение падежной формы управляемого слова; 3) использование синонимичных лексем; ср. *по направлению к чему / в направлении чего; во время заседания / за время заседания / в течение заседания / на протяжении заседания / в продолжение заседания* и т.п. (ibidem, 67).

Так, по мнению авторов проекта, «в поле предлога вовлекается» значительный класс знаменательной лексики, прежде всего существительные. Это, например, касается параметрической лексики — слов *высота, ширина, длина, толщина, глубина* и др., которые входят в состав предложно-именных конструкций, функционирующих в качестве предлогов: *высотой от, высотой до, высотой от... до, высотой в, высотой около, высотой свыше, высотой более, высотой менее, высотой больше чем, высотой не свыше чем* и т.п. Конюшкевич пишет, что имеется около 750 предложных сочетаний этого типа.

Но если в качестве предлога рассматривается сочетание *высотой в* (*башня высотой в 200 метров*), то можно ли квалифицировать как предлог и самостоятельное параметрическое существительное в подобной синтаксической позиции, ср. выражение:

башня высотой 200 метров.

Существительное в этом случае не маркирует «зависимости субстантива от господствующего слова в словосочетании» — оно называет конкретный параметр оценки предмета, причем его приименная позиция может быть заменена на прилагольную, ср. перифразу:

Высота башни составляет 200 метров.

Высказывания с предложно-именными группами типа *высотой около* представляют собой результат синтаксической компрессии, а именно — элиминирования формы глагола (как части аналитического предиката *высота составляет*) и переноса абстрактного существительного в приименную позицию.

В немецком языке в параметрических предложениях возможно использование аналитических предикатов модели: «служебный глагол *sein* ‘быть’ + прилагательное», например:

Das ist drei Unzen schwer ‘Это весит три унции’, буквально: ‘Это является тяжелым на три унции’.

Der Vortrag war zwei Stunden lang ‘Доклад длился два часа’, буквально: ‘Доклад был долгим два часа’.

Возможна и прономинализация таких конструкций:

Der Vortrag war zwei Stunden lang → *der zwei Stunden lange Vortrag* ‘длящийся два часа доклад’, дословно: ‘доклад, долгий два часа’.

Функционально (семантически) немецкая прономинализированная конструкция идентична русской конструкции:

baśnia wysokoŃ 200 metrów,

однако немецким языковедам и в голову не придет трактовать *lange* как предлог.

В польском и русском языках более ограниченные, чем в немецком, возможности применения количественных определений в конструкциях с параметрическими прилагательными. Ср. противоречащие норме польские и русские соответствия корректных немецких выражений:

*długi (na) dwie godziny

*долгий в два часа

*szybki (na) 300 km na godzinę

*быстрый в 300 км в час

Впрочем, некоторые польские параметрические словосочетания напоминают немецкие, например:

wysoki na 3000 m

wysoki na ponad 3000 m

Подобные русские конструкции считались бы неправильными:

*высокий в 3000 метров

*высокий в более 3000 метров

Функционально-семантически конструкции

польск. *wieża wysoka na ponad 3000 m*

русс. *башня высотой более 3000 метров*

однотипны, однако нет никаких сомнений в том, что лексема *wysoka* в польском словосочетании сохраняет свой статус прилагательного, выполняя функцию пропозиционального, а именно — включенного предиката. Такую же функцию в русском словосочетании выполняет словоформа существительного *высотой*.

Некоторые параметрические существительные, как пишет Коношечевич, входят «в поле предлога» в форме творительного падежа с предлогом *s* в препозиции, например:

процессы с цикличностью в 20 часов
двигатель со скоростью 500 оборотов в минуту

Но и здесь, выделяя сложные предлоги *с цикличностью в, со скоростью*, авторы проекта не учитывают, что предикативная функция абстрактных существительных не элиминируется, больше того — она предполагает интенсификацию (см. раздел о градуальной субфункции предикатов — 7.3.2.3), а также иные модификации с помощью прилагательных, ср. варианты приведенных конструкций:

процессы с высокой/такой/определенной цикличностью
двигатель с небольшой/определенной/такой скоростью

Это означает, что выражения *с цикличностью в, со скоростью* и подобные не представляют собой отдельных, самостоятельных лексических единиц. Кроме того следует обратить внимание на существование в русском языке регулярной модели словосочетания «существительное — предлог *с* — абстрактное существительное в творительном падеже», в которой абстрактное существительное, подобно параметрическим лексемам *цикличность* и *скорость*, выполняет предикативную функцию:

человек с возможностями ‘человек имеет возможности’
женщина с капризами ‘женщина часто капризничает’
девушка с характером ‘у девушки сильный характер; девушка ведет себя решительно’
рассказ с изюминкой ‘интересный, увлекательный рассказ’
роман с продолжением ‘роман имеет продолжение’ и т.д.

В конструкции

компьютер с возможностями человека

и подобных предложно-именное сочетание *с возможностью* управляет зависимым существительным *человека*, но это не дает основания для того, чтобы трактовать предложно-именное сочетание как предлог — здесь мы имеем дело с сочетанием абстрактного существительного (в предикативной функции) с предлогом *с*.

Непонятны и основания, по которым авторы проекта рассматривают в качестве предлогов сочетание типа:

собака по кличке Жучка
пишет басни под псевдонимом Смех

Как пишет Конюшкевич, здесь предлоги образуют синтаксемы в форме именительного падежа: *по кличке Жучка, под псевдонимом Смех*. Но, с одной стороны, приводимые конструкции синтаксически разнородны: в первом выражении имеется зависимость существительного от господствующего слова: *собака* → *Жучка*, а втором таким господствующим словом является... сам предлог, ведь существительное *Смех* не зависит ни от глагола *пишет*, ни от существительного *басни*. С другой стороны, в конструкциях первого типа «предлог» ничего — с функциональной точки зрения — не вносит в подчинительную конструкцию *собака Жучка*, не влияет также на грамматическое значение зависимой словоформы. В-третьих, по образцу приведенных выше мы должны были бы выделить предлоги:

по имени
по фамилии
по прозвищу
под названием и др.

Выражения рассматриваемого типа, как и многие другие, включающие устойчивые предложно-именные конструкции, представляют собой результат синтаксической редукции:

Кличка собаки (есть) Жучка → *собака по кличке Жучка*
Псевдоним того, кто пишет басни, (есть) Смех → *пишет басни под псевдонимом Смех*

Синтаксическая компрессия позволяет превратить предложение в именное словосочетание (когда мы имеем дело с прономинализацией) или же превратить сложное предложение в простое. Предлоги *по*, *под* и др. способствуют транспозиции предикатного имени, но даже при условии, что предложно-именные конструкции имеют устойчивый, воспроизводимый характер, дискретность конструкции, т.е. ее грамматическая структура «предлог — существительное», сохраняется, поэтому нет оснований, чтобы расширять реестр предлогов за счет конструктивных единиц этого типа.

Согласно концепции проекта, в выражениях:

Сидел близко от окна
Сидел близко к окну

выделяются предлоги: *близко от*, *близко к*. С одной стороны, это решение сомнительно, ведь элементы предложно-адъективной кон-

струкции могут быть размещены в разных линейных частях предложения, как в следующих примерах:

Слишком близко сидел он к окну.

Близко сидел он к окну.

Слишком далеко сидел он от окна.

Далеко он от окна сидел.

С другой стороны, будучи последовательными, выделяя предлоги *близко к*, *далеко от*, мы должны были бы выделить также предлоги *в трех метрах от* и *в трех шагах от* в предложениях:

Сидел в трех метрах от окна.

Был в трех шагах от дома.

А если так, то реестр предлогов расширяется до бесконечности: *в трех метрах от*, *в четырех метрах от*, *в пяти метрах от*, *в шести метрах от*, *в семи метрах от*, *в восьми метрах от*, *в девяти метрах от*, *в десяти метрах от*, *в трех километрах от*, *в четырех километрах от*, *в пяти километрах от*, *в шести километрах от*, *в семи километрах от*, *в восьми километрах от*, *в девяти километрах от*, *в десяти километрах от* и т.д. Как видим, функциональная грамматика в данной версии — это занятие для людей с богатым воображением, а если воздержаться от иронического тона — здесь мы имеем дело с поучительным отрицательным примером функционального абсолютизма, который приводит к искажению лингвистической картины естественного языка.

В оптимальном случае функциональные модели должны дополняться формальными и структурными. Роль языковой формы в речевой коммуникации в современных лингвистических исследованиях часто преуменьшается. В действительности же имеется несколько коммуникативных сфер, в которых языковые формы играют стратегические роли. Это, например, касается стилистической характеристики речи, ведь стиль — это прежде всего социально маркированная система форм, а не значений.

Существуют сферы коммуникативной деятельности, в которых формальная сторона речи чрезвычайно важна и даже важнее содержательной. Например, как пишет Б. Ю. Норман, «в деловых бумагах форма становится частью содержания» (1991, 101), поэтому и существует понятие «функциональной грамотности» как умения декодиро-

вать определенные формальные схемы построения текста, обычно — в массовой и официальной коммуникации (см. Białecki 1998).

В художественной речи, а в последнее время также в текстах СМИ и в рекламе языковая форма и структура текста значима (Киклевич 2007, 282 ссл.), об этом, в частности, сравнивая газетный и поэтический стили, писал Хорхе Луис Борхес:

Рассеянное поглощение расхожего текста — к примеру, столь недолговечных газетных статей — предполагает изрядную толику случайного. Сообщают — навязывая его — некий факт: информируют о том, что вчерашнее происшествие, как всегда непредвиденное, имело место на такой-то улице, таком-то углу, в такое-то время дня — перечень ни для кого ничего не значащий. [...] В подобных сообщениях протяженность абзацев и их звучание являются фактором второстепенным. Совершенно иначе обстоит дело со стихами, незыблемым законом которых является подчиненность смысла эвфоническим задачам (или прихотям). Второстепенным является не мелодия стиха, а содержание. Таковы ранний Теннисон, Верлен, поздний Суинберн: они стремились запечатлеть настроение чарующими и капризными переливами звуков («Страсть к Буэнос-Айросу»; разрядка моя. — А. К.).

Бессодержательность текстов массовой культуры, в частности, популярных песен, которая убедительно показана в литературе (Норман 1991, 108 ссл.), можно проиллюстрировать следующим образом:

Например, известный на ТВ разговорник невесты с чего вдруг решил еще и запеть. И запел! Прямо с эстрады: «Я тебя целую в рот, а ты меня наоборот». Нахожусь в раздумьях: а куда — наоборот! (Литературная газета». 2002/33).

Формальный аспект имеет первостепенное значение для функционирования псевдовысказываний, о которых Б. Ю. Норман пишет, что они не связаны с «потребностью говорящего», не указывают на конкретную референтную ситуацию, не требуют контекста (2005, 67). Независимо от того, выполняют ли псевдовысказывания развлекательную (рекреативную, комическую) или практическую функцию (во втором они выступают как средство «простейших структурных образцов коммуникативных единиц» — *ibidem*, 71), единицы данного типа обладают характерными формальными свойствами, например, определенной организацией на звуковом уровне, ср. (примеры Нормана):

*Мы не рабы, рабы не мы.
Мама мыла раму.
Маша ела кашу.
Луша ждала папу.*

*У Шуры шары.
Наша Мила мала.
Около ели лиса и др.*

Фонетическое значение (фоносимволизм), т.е. семантическая интерпретация фонетической формы слов, как показали исследования А. П. Журавлева (1974), является довольно важным фактором речевой коммуникации. Можно привести пример, в котором фонетическое сходство слов (*ландшафт* — *эшафот*) провоцирует их семантическую равнозначность в тексте:

— *Интересно все-таки, какую картину ты собираешься написать? — полюбопытствовал я.*

— *Эшафот, — сказал он важно. Как потом выяснилось, произнося слово «эшафот», он имел в виду совсем другое слово — «ландшафт», не понимая смысла ни того, ни другого (В. Голявкин).*

Форма является центральным объектом процессов, которые осуществляются при эргономическом употреблении языка (Kiklewicz 2007с, 78 ссл.) — в этом случае деятельность говорящего направлена не на передачу смысла, а на формальную организацию сообщения, главным образом — на экономию материальных знаковых средств.

Значимость языковой формы находит свое проявление также в трансфузии — семантической деривации существительных (ключевых слов культуры) в текстах СМИ, которая сопровождается их вторичной, аксиологической семантикой. Так, в под влиянием западной медиальной культуры, в частности, формации *New Age*, в польских текстах массовой коммуникации распространилось вторичное употребление прилагательного *pruderyjny* ‘притворно добродетельный, притворно стыдливый’ (от существительного латинского происхождения *pruderia* ‘показная добродетель, притворная стыдливость, напускная скромность’) в значении ‘верный в супружестве’. Напротив, отрицательное прилагательное *niepruderyjny* употребляется как знак ‘сексуальной свободы и распущенности’. Благодаря использованию трансфузии супружеская верность косвенно интерпретируется как нечто негативное, тогда как распущенность — как нечто положительное. Польский исследователь М. Кучинский, который ввел понятие трансфузии, подчеркивает, что аксиологические коннотации возможны благодаря сохранению определенной лексической формы номинативных знаков (при изменении их значения), которая и является ба-

зой позитивных или негативных ассоциаций (Kuczyński 2004, 171 ссл.).

Исключительно важна также роль языковых форм в коммуникативном воздействии на партнера, особенно — при суггестивном воздействии в пропаганде (Киклевич 2007, 371), что можно проиллюстрировать примерами из художественной прозы:

(о священнике во время обряда венчания) По привычке, он произносил некоторые слова как бы с чувством, выделяя их с трогательной мольбой, но совершенно не думая ни о словах, ни о тех, к кому они относились (И. Бунин).

Знаете, Петр, когда приходится говорить с массой, совершенно не важно, понимаешь ли сам произносимые слова (В. Пелевин).

Не отрицая объективной значимости среды и внешних обстоятельств речевой деятельности, в то же время нельзя игнорировать и формально-языковых ограничений, которые в виде текстовых канонов особенно актуальны в письменной коммуникации, а также в разного рода ритуальных или ритуализованных ситуациях. При этом речевой субъект подчиняется языковому шаблону, а речевое поведение во многом сводится к воспроизведению закодированных в памяти выражений. Именно такой смысл заложен в формуле Андрея Битова:

Пиша, как не солгать?

Суть этой формулы заключается в том, что языковая форма неизбежно влияет на содержание текста и в некоторой степени подчиняет себе и искажает замысел говорящего. На важность языковых канонов в речи указывают и следующие реминисценции:

Особенно эти нарекания усилились в последние годы, когда возникла и быстро развилась система репетиторства, которая способна дезориентировать приемные комиссии и вытеснить из конкурса абитуриентов, имеющих действительное призвание к профессии, но не сумевших приобрести чисто словесные отмычки на все экзаменационные ловушки («Литературная газета». 30 XI 1983).

Бюрократическая зараза (другого слова не подберу!) поразила даже часть научных работников. Отчет о проверке какого-нибудь института нашим Отделением общей физики и астрономии порой тоже выглядит как самый настоящий бюрократический документ. Мы уже будто не в силах найти осмысленных слов! Сам вид официального бланка парализует разум, что ли... Обидно: ведь прекрасно знаем, какой институт как работает, говорим об этом между собой, а как дойдет дело до бумаг — пишем невесть что («Литературная газета». 20 V 1987).

Ободренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении. Он несколько раз пытался пустить свой доклад по трамвайным рельсам, но с ужасом замечал, что не может этого сделать. Слова сами по себе, против воли оратора, получались какие-то международные. После Чемберлена, которому Гаврилин уделил полчаса, на международную арену вышел американский сенатор Бора. Толпа обмякла (И. Ильф/Е. Петров).

Настоящий моряк всегда сразу говорит, что он виноват, но больше не будет. Причем совершенно неважно, знает он, что именно он больше не будет, или не знает (В. Конецкий).

Что это было? Валял ли по своему обыкновению дурака (написал и думаю: а почему, собственно, «по своему обыкновению»? Ну да ладно...) или всерьез верил, что управляющий сдержит слово? (Р. Киреев).

Обнаружив ложь, как не отшвырнуть перо? (Вот опять... Откуда же перо взялось? Когда машинка...) (А. Битов).

*И заемным умом анекдотов
Заменяем свой собственный ум (Е. Евтушенко).*

Известный публицист Ярослав Голованов указывает, что заштампованностью речи особенно страдают тексты спортивной журналистики, в первую очередь — телевизионные репортажи. Он пишет:

Из репортажа в репортаж Озерова кочуют словесные штампы, смысл которых давно улетучился, а информационная ценность может быть приравнена к гулу трибун. Если мяч поразил ворота противника, Озеров никогда не скажет «хороший удар» или даже «прекрасный удар». Всегда «великолепный удар». [...] В редком из них (из репортажей. — А. К.) не услышишь «новость» о том, что «команда играет собранно, дисциплинированно, на редкость самоотверженно» («Комсомольская правда». 26 IX 1982).

Впрочем, от языковых штампов избавиться настолько трудно, что они встречаются и в тексте самого Голованова: например, таким штампом является выражение *мяч поразил ворота* — в действительности, скорее, *футболист поразил ворота*. В определенном смысле подобную ситуацию (с использованием другого речевого штампа — модального выражения *к сожалению*) описывает Святослав Спасский в рассказе «К сожалению»: в редакцию журнала является автор (по фамилии Михеев), которого не удовлетворила отрицательная рецензия молодого литконсультанта Михаила Богатырева. Михеев цитирует редакционного эксперта:

— Вот ты пишешь насчет моего рассказа. Что вот ты пишешь, послушай [...] «Ув тэ Михеев! — с выражением прочел он. — Фабула Вашего рассказа примитивна, рассказ изобилует штампами, шаблонными оборотами. Например: «Мария затрепетала, лицо ее покрылось мертвенной бледностью» и тэ пэ. К сожалению, редакция напечатать Ваш рассказ не может». [...] Ладно, не понравился рассказ. Косые лучи солнца не понравились. Учиться у жизни мне советуешь. Ну что ж, бывает. Но почему же тогда «к сожалению»? А? «К сожалению», спрашиваю, зачем?

— Я... — сказал Миша.

— Постой — перебил Михеев. — Выходит, ты сожалеешь, что рассказ не можешь напечатать. Так в чем же дело? Сожалеешь — ну и напечатай. И не будешь сожалеть.

— Сожалею, что плохой рассказ.

— Значит, сожалеешь, что не можешь напечатать мой плохой рассказ. Не в твоей воле. Напечатал бы, да редактор не даст. Так чего же тебя здесб держат, коли ты плохие рассказы готов печатать? [...] Сожалеет он, видите ли...

Речевая деятельность протекает в динамических условиях, которые и определяют конфигурацию двух категорий знаков (в широко известной терминологии Г. Бейтсона): цифровых, т.е. условных, реализуемых, преимущественно, в формах языка, и аналоговых, т.е. таких, которые основаны на актуализации элементов коммуникативного контекста. Сам факт такой конфигурации обуславливает амбивалентность языковых знаков: с одной стороны, они представляют собой содержательные единицы, а с другой — материальные носители информации. В этих двух глобальных аспектах языковые сообщения и обрабатываются в сознании потребителей языка. Поэтому лингвистические модели, независимо от их формальной, структурной или функциональной ориентировки, должны стремиться к тому, чтобы формальное описание дополнить структурным, структурное — функциональным, функциональное — формальным и т.д.

Quo mihi fortunam, si non conceditur uti? — К чему мне богатство, если я не могу им воспользоваться?

Литература

- Абу, Хайян ат-Таухиди (1988), *Диалоги. (Из «Книги услады и развлечения»)*, [в:] Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Москва, 40-85.
- Аванесов, Р. И. (1936), *Второстепенные члены предложения как грамматические категории*, [в:] Русский язык в школе. 4, 53-60.
- Аветян, Э. Г. (1989), *Семиотика и лингвистика*. Ереван.
- Адмони, В. Г. (1968), *Типология предложения*, [в:] Исследования по общей теории грамматики. Москва, 232-291.
- Адмони, В. Г. (1994), *Система форм речевого высказывания*. Санкт-Петербург.
- Алпатов, В. М. (1985), *О способах построения функциональной грамматики*, [в:] Ярцева, В. Н. (ред.), Проблемы функциональной грамматики. Москва, 49-55.
- Андреев, Н. Д. (1967), *Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании*. Москва.
- Апресян, Ю. Д. (1966), *Идеи и методы структурной лингвистики*. Москва.
- Апресян, Ю. Д. (1974), *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва.
- Апресян, Ю. Д. (1994), *О языке толкований и семантических примитивах*, [в:] ИАН ОЛЯ. 53/4, 27-40.
- Апресян, Ю. Д. (1995), *Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва.
- Апресян, Ю. Д. (2001), «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики, [в:] Пешковский, А. М., Русский синтаксис в научном освещении. Москва, III-XXXIII.
- Арапов, М. В. (1984), *Правило и исключение*, [в:] Системные исследования 1984. Москва, 351-367.
- Арутюнова, Н. Д. (1973), *Понятие пресуппозиции в лингвистике*, [в:] ИАН ОЛЯ. 32/1, 84-89.
- Арутюнова, Н. Д. (1976), *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. Москва.
- Арутюнова, Н. Д. (1982), *Лингвистические проблемы референции*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 5-40.
- Атаян, Э. Р. (1987), *Язык и внеязыковая действительность. Опыт онтологического сравнения*. Ереван.
- Ахманова, О. С. (2004), *Словарь лингвистических терминов*. Москва.
- Балли, Ш. (1955), *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Москва.
- Баранов, А. Г. (1993), *Функционально-прагматическая концепция текста*. Ростов-на-Дону.
- Барт, Р. (1975), *Основы семиологии*, [в:] Басин, Е. Я./Поляков, М. Я. (ред.), Структурализм: «за» и «против». Москва, 114-163.
- Барт, Р. (1983), *Нулевая степень письма*, [в:] Степанов, Ю. С. (ред.), Семиотика. Москва, 306-349.
- Барт, Р. (1989), *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Москва.
- Бахтин, М. М. (1979), *Эстетика словесного творчества*. Москва.
- Белл, Р. Т. (1980), *Социолингвистика. Цели, методы, проблемы*. Москва.
- Белошапкина, В. А. (1977), *Современный русский язык. Синтаксис*. Москва.
- Бенвенист, Э. (1974), *Общая лингвистика*. Москва.

- Бендикс, Э. Г. (1983), *Эмпирическая база семантического описания*, [в:] Городецкий, Б. Ю. (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. Москва, 75-107.
- Берг, Л. С. (1977), *Труды по теории эволюции*. Москва.
- Блумфилд, Л. (1968), *Язык*. Москва.
- Богданов, В. В. (1977), *Семантико-синтаксическая организация предложения*. Ленинград.
- Богданов, В. В. (1983), *Роль предикатов и непередикатов в семантике предложения*, [в:] Структурная и прикладная лингвистика. II, 3-9.
- Богданов, В. В. (1990), *Речевое общение*. Ленинград.
- Богуславский, И. М. (1991), *Лингвистический процессор и локативные обстоятельства*, [в:] Вопросы языкознания. 1, 69-78.
- Богуславский, И. М. (1996), *Сфера действия лексических единиц*. Москва.
- Богушевич, Д. Г. (1985), *Единица. Функция. Уровень. К проблеме классификации единиц языка*. Минск.
- Бозанкет, Б. (1914), *Основания логики*. Москва.
- Бондарко, А. В. (1978), *Грамматическое значение и смысл*. Ленинград.
- Бондарко, А. В. (1983), *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Москва.
- Бондарко, А. В. (1984), *Функциональная грамматика*. Ленинград.
- Бондарко, А. В. (1987), *К истолкованию понятия «функция»*, [в:] ИАН ОЛЯ. 45/3, 195-207.
- Бондарко, А. В. (1985), *К теории функциональной грамматики*, [в:] Ярцева, В. Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, 16-29.
- Бондарко, А. В. (1995), *Семантика глагольного вида в русском языке*. Frankfurt/M. etc., 1995.
- Бондарко, А. В. (ред.) (1990), *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград.
- Бондарко, А. В. (ред.) (1992), *Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*. Санкт-Петербург.
- Будагов, Р. А. (1973), *К теории синтаксических отношений*, [в:] Вопросы языкознания. 1, 3-15.
- Будагов, Р. А. (1978), *Система и антисистема в науке о языке*, [в:] Вопросы языкознания. 4, 3-17.
- Булыгина, Т. В./Шмелев, А. Д. (1990), *«Возможности» естественного языка и модальная логика*, [в:] Язык логики и логика языка. Москва, 135-167.
- Бюлер, К. (1993), *Теория языка. Репрезентативная функция языка*. Москва.
- Вардуль, И. Ф. (1977), *Основы описательной лингвистики. Синтаксис и супрасинтаксис*. Москва.
- Вахтин, Н. Б./Головко, Е. В. (2004), *Социоллингвистика и социология языка*. Санкт-Петербург.
- Вацлавик, П./Бивин, Д./Джексон, Д. (2001), *Аксиомы теории коммуникации*. [в:] Казаринова, Н. В./Погольша, В. М. (ред.), *Межличностное общение*. Санкт-Петербург etc., 12-25.
- Вежбицкая, А. (1983), *Из книги «Семантические примитивы»*, [в:] Степанов, Ю. С. (ред.), *Семиотика*. Москва, 225-252.
- Виноградов, В. В. (ред.) (1954), *Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1*. Москва.

- Витгенштейн, Л. (1958), *Логико-философский трактат*. Москва.
- Войшвилло, Е. К. (1989), *Понятие как форма мышления. Логико-гносеологический анализ*. Москва.
- Всеволодова, М. В. (1975), *Способы выражения временных отношений в современном русском языке*. Москва.
- Всеволодова, М. В. (1998), *Принципы синтаксических классификаций лексики*, [в:] Конюшкевич, М. И. (ред.), *Вопросы функциональной грамматики*. Гродно, 13-25.
- Всеволодова, М. В. (2000), *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник*. Москва.
- Выготский, Л. С. (1982), *Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии*. Москва.
- Выготский, Л. С. (1984), *Собрание сочинений. Т. 6. Научное наследство*. Москва.
- Гак, В. Г. (1985), *К типологии функциональных подходов к изучению языка*, [в:] Ярцева, В. Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, 5-15.
- Гак, В. Г. (1992), *Номинация действия*, [в:] Арутюнова, Н. Д. (ред.), *Логический анализ языка*. Москва, 77-84.
- Гак, В. Г. (1998), *Языковые преобразования*. Москва.
- Гаспаров, Б. М. (1970), *Опыт классификации синтаксических структур современного русского языка на основе строения их парадигм*, [в:] *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 245. Труды по русской и славянской филологии*. Тарту- 3-76.
- Гаспаров, Б. М. (1971), *Из курса лекций по синтаксису современного русского языка*. Тарту.
- Гаспаров, М. Л. (1998), *Взгляд из угла*, [в:] Неклюдов, С. Ю. (ред.), *Московско-Тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления*. Москва, 113-126.
- Герасимов, В. И. (1987), *К изучению базы знаний, используемых в процессах языкового функционирования*, [в:] *Язык и логическая теория*. Москва, 69-72.
- Гладров, В. (1984), *К типологии простого предложения в русском языке*, [в:] *Актуальные проблемы русского синтаксиса*. Москва, 36-48.
- Гловинская, М. Я. (1982), *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва.
- Горелов, И. Н. (1980), *Невербальные компоненты коммуникации*. Москва.
- Горский, Д. П. (1985), *Обобщение и познание*. Москва.
- Гофман-Кадошников, П. Б. (1984), *Системный анализ иерархии уровней жизни*, [в:] *Системные исследования 1984*. Москва, 322-328.
- Грайс, П. (1985), *Логика и речевое общение*, [в:] Падучева, Е. В. (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика*. Москва, 217-237.
- Губерман, Ш. А. (1984), *Теория геитальта и системный подход*, [в:] *Системные исследования 1984*. Москва, 66-82.
- Гулыга, Е. В. (1975), *О семантике предложения*, [в:] *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*. Ленинград, 21-29.
- Гуревич, В. В. (1983), *О семантике неопределенности*, [в:] *Филологические науки*. 1, 54-60.
- Данеш, Ф./Вахек, Й. (1967), *Пражские исследования в области структурной грамматики на современном этапе*, [в:] Кондрашов, Г. А. (ред.), *Пражский лингвистический кружок*. Москва, 325-337.

- Данеш, Ф./Гаузенблас, К. (1969), *Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств*, [в:] Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. Москва, 7-20.
- Дегтярев, В. И. (1973), *Основы общей грамматики*. Ростов-на-Дону.
- Дейк, Т. А. ван/Кинч, В. (1988), *Стратегии понимания связного текста*, [в:] Петров, В. В./Герасимов, В. И. (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике. XXIII. Когнитивные аспекты языка*. Москва, 153-211.
- Демьянков, В. З. (1994), *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*, [в:] *Вопросы языкознания*. 4, 17-33.
- Докусов, А. М. (ред.) (1955), *Русские писатели о языке. Хрестоматия*. Москва.
- Дридзе, Т. М./Леонтьев, А. А. (1976), *Смысловое восприятие речевого сообщения*. Москва.
- Дэвидсон, Д. (1990), *Что означают метафоры*, [в:] Арутюнова, Н. Д./Журина, М. А. (ред.), *Теория метафоры*. Москва, 173-193.
- Ельмслев, Л. (2006), *Прологомены к теории языка*. Москва.
- Еромоленко, С. С. (1995), *Язык тоталитаризма и тоталитаризм языка*, [в:] Яворска, Г. М. (ред.), *Мова тоталітарного суспільства*. Київ, 7-15.
- Есперсен, О. (1958), *Философия грамматики*. Москва.
- Жаккар, Ж.-Ф. (2004), *«Cisfinitum» и Смерть: «Каталепсия времени» как источник абсурда*, [в:] Буренина, О. (ред.), *Абсурд и вокруг*. Москва, 75-91.
- Журавлев, А. П. (1974), *Фонетическое значение*. Ленинград.
- Зализняк, Анна А./Шмелев, А. Д. (1997), *Лекции по русской аспектологии*. München.
- Звегинцев, В. А. (ред.) (1968), *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Т. 2*. Москва.
- Звегинцев, В. А. (1976), *Предложение и его отношение к языку и речи*. Москва.
- Земская, Е. А./Китайгородская, М. В./Ширяев, Е. Н. (1981), *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва.
- Золотова, Г. А. (1973), *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва.
- Золотова, Г. А. (1982), *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва.
- Золотова, Г. А. (1985), *К построению функционального синтаксиса русского языка*, [в:] Ярцева, В. Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, 87-92.
- Золотова, Г. А. (1988), *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва.
- Золотова, Г. А./Онипенко, Н. К./Сидорова, М. Ю. (1998), *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва.
- Иванов, Вяч. Вс. (1963), *Некоторые проблемы современной лингвистики*, [в:] *Народы Азии и Африки*. 4, 156-178.
- Иванов, Вяч. Вс./Топоров, В. Н. (1974), *Исследования в области славянских древностей*. Москва.
- Ивин, А. А./Переверзев, В. Н./Петров, В. В. (ред.) (1994), *Логический словарь: Дефорт*. Москва.
- Ивлев, Ю. В. (1988), *Курс лекций по логике*. Москва.
- Ильин, И. П. (1975), *Словарь терминов французского структурализма*, [в:] Басин, Е. Я./Поляков, М. Я. (ред.), *Структурализм: «за» и «против»*. Москва, 450-461.
- Исаченко, А. В. (1961), *О грамматическом значении*, [в:] *Вопросы языкознания*. 1, 28-43.
- Ионице, М. П./Потапова, М. Д. (1982), *Проблемы логико-семантической организации предложения*. Кишинев.

- Камалова, А. А. (1998), *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*. Архангельск.
- Карпов, В. А. (1992), *Язык как система*. Минск.
- Карпова, С. Н./Колобова, И. Н. (1978), *Особенности ориентации на слово у детей*. Москва.
- Касевич, В. Б. (1977), *Элементы общей лингвистики*. Ленинград.
- Касевич, В. Б. (1988), *Семантика. Синтаксис. Морфология*. Ленинград.
- Кацнельсон, С. Д. (1972), *Типология языка и речевое мышление*. Ленинград.
- Кацнельсон, С. Д. (1986), *Общее и типологическое языкознание*. Ленинград.
- Кацнельсон, С. Д. (1988), *Заметки о надежной теории Ч. Филлмора*, [в:] Вопросы языкознания. 1, 110-117.
- Кибрик, А. Е. (1987), *Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности*, [в:] Кибрик, А. Е. (ред.), Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. Москва, 33-51.
- Киклевич, А. К. (1982), *Типология сочинительных конструкций в языке и речевой деятельности*, [в:] Веснік Белар. ун-та. 4/2, 53-56.
- Киклевич, А. К. (1987), *Об одном конструктивном аспекте сочинительной связи (на материале русского и польского языков)*, [в:] Slavia Orientalis. XXXVI/3-4, 485-490.
- Киклевич, А. К. (1991а), *Логическая интерпретация союза и в семантической структуре предложения и текста*, [в:] Норман, Б. Ю. (ред.), Проблемы лингвистики текста. Минск, 181-197.
- Киклевич, А. К. (1991б), *Семантическая деривация как следствие динамического взаимодействия гипонимии и антонимии*, [в:] Мурзин, Л. Н. (ред.), Проблемы деривации: семантика и поэтика. Пермь, 13-23.
- Киклевич, А. К. (1992), *Художественный текст и теория возможных миров*, [в:] Борухов, Б. Л./Седов, К. Ф. (ред.), Художественный текст: онтология и интерпретация. Саратов, 39-47.
- Киклевич, А. К. (1993), *Язык — личность — диалог (Некоторые экстраполяции социометрической концепции М. М. Бахтина)*, [в:] Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1, 9-20.
- Киклевич, А. К. (1994), *О двух дистрибутивных свойствах кванторных слов в русском и польском языках: субстанциональность и множественность*, [в:] Wiener Slavistisches Jahrbuch. 40, 37-51.
- Киклевич, А. К./Потехина, Е. А. (1996), *С. Кемпген, Типология славянских языков с современной точки зрения*, [в:] Супрун, А. Е. (ред.), Новые исследования в зарубежной лингвистике. Минск, 131-146.
- Киклевич, А. К. (1998), *Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации*. München.
- Киклевич, А. К. (1999), *Лекции по функциональной лингвистике*. Минск.
- Киклевич, А. (2007), *Количество и юмор*, [в:] Kiklevič, A. (ред.), Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache. München, 123-148.
- Киклевич, А. (2007), *Притяжение языка. Т. 1. Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика*. Olsztyn.
- Кіклевіч, А. К. (1993), *Аб некаторых сінтаксічных уласцівасцях квантарных лексем*, [в:] Веснік Белар. ун-та. 4/2, 30-34.
- Кіклевіч, А. К. (1994), *Функцыянальнае поле (структура плана выражэння) катэгорыі квантыфікацыі*, [в:] Веснік Беларускага ўніверсітэта. IV/3, 50-56.

- Кіклевіч, А. К. (1996), *Аб формах сістэматыкі ў мовазнаўстве*, [в:] *Веснік Белар. ун-та*. 4/2, 50-54.
- Кіклевіч, А. К./Пацехіна, А. А. (2000), *Беларуская літаратурная норма: дынаміка і інавацыі (на матэрыяле сучаснага беларускага друку)*, [в:] *Slavia Orientalis*. XLIX/ 1, 93-105.
- Ким, И. Е. (2005), *Социальные качества человека и их выражение в русском языке*, [в:] *Известия Уральского государственного университета*. 39, 163-175.
- Кифер, Ф. (1978), *О presupпозициях*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. VIII. *Лингвистика текста*. Москва, 337-369.
- Кларк, Г. Г./Карлсон, Т. Б. (1986), *Слушающие и речевой акт*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*. XVII. *Теория речевых актов*. Москва, 270-321.
- Клини, С. К. (1957), *Введение в метаматематику*. Москва.
- Клини, С. К. (1973), *Математическая логика*. Москва.
- Кон, И. С. (1980), *Психология старшеклассника*. Москва.
- Кондратов, А. М. (1978), *Звуки и знаки*. Москва.
- Константинов, В. Ф. (ред.) (1970), *Философская энциклопедия*. Москва.
- Конюшкевич, М. И. (1998), *Категория гоноративности и ее отношение к функциональной грамматике*, [в:] *Конюшкевич, М. И. (ред.), Вопросы функциональной грамматики*. Гродно, 25-35.
- Конюшкевич, М. И. (2005), *Русские и белорусские предлоги: списочный состав, закономерности образования, первый опыт исследования*, [в:] *Вестник Московского университета*. 9/4, 64-79.
- Косеска-Тошева, В./Гаргов, Г. (1990), *Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност*. София.
- Костюк, В. Н. (1975), *Логика*. Киев — Одесса.
- Костюк, В. Н. (1988), *Понимание квантовой механики и проблема целостности*, [в:] *Системные исследования 1988*. Москва, 264-282.
- Котова, Н./Янакиев, М. (2001), *Грамматика болгарского языка*. Москва.
- Кристи, Н. (1985), *Пределы наказания*. Москва.
- Курилович, Е. (1962), *Очерки по лингвистике*. Москва.
- Лабов, У. (1983), *Структура денотативных значений*, [в:] *Городецкий, Б. Ю. (ред.), Новое в зарубежной лингвистике*. XIV. *Проблемы и методы лексикографии*. Москва, 133-176.
- Лайонз, Дж. (1978), *Введение в теоретическую лингвистику*. Москва.
- Лакофф, Дж. (1981), *Лингвистические геитальты*, [в:] *Звегинцев, В. А. (ред.), Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. *Лингвистическая семантика*. Москва, 1981. С. 350-368.
- Левицкий, Ю. А. (1987), *О классах грамматических единиц*. Пермь.
- Левицкий, Ю. А. (1988), *Предложение и высказывание*. Пермь.
- Левицкий, Ю. А. (1995), *От высказывания — к предложению, от предложения — к высказыванию*. Пермь.
- Левицкий, Ю. А. (1998), *Проблема типологии текстов*. Пермь.
- Леон-Дюфура, К. (1974), *Словарь библейского богословия*. Брюссель.
- Леонтьев, А. А. (1969), *Язык, речь, речевая деятельность*. Москва.
- Леонтьев, А. А. (1979), *Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации*, [в:] *Золотова, Г. А. (ред.), Синтаксис текста*. Москва, 18-36.

- Лещак, О. (2000), *К проблеме понятия функции в функционально-прагматической методологии*, [в:] Kasperski, E. (ред.), *Rozważania metodologiczne. Język — literatura — teatr*. Warszawa, 243-254.
- Лешенко, М. И. (1988), *Виртуальный и актуальный аспекты предложения*. Минск.
- Линде, Ф. (1915), *Строение понятия*. Петроград.
- Линдсей, П./Норман, Д. (1974), *Переработка информации у человека (Введение в психологию)*. Москва.
- Линский, Л. (1982), Референция и референты, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 161-178.
- Ліцьвінка, В. (1998), *Святы і абрады беларусаў*. Мінск.
- Лотман, Ю. М. (1970), *Структура художественного текста*. Москва.
- Лотман, Ю. М. (1972), *Анализ поэтического текста*. Ленинград.
- Луценко, Н. А. (1985), *Вид и время (проблемы разграничения и взаимодействия)*, [в:] *Вопросы языкознания*. 2, 43-50.
- Лэм, С. М. (1977), *Очерк стратификационной грамматики*. Минск.
- Лыч, Л. (1993), *Рэформа беларускага правапісу 1933 года: ідэалагічны аспект*. Мінск.
- Любищев, А. А. (1977), *Понятия системности и организованности (предварительный набросок)*, [в:] *Труды по знаковым системам*. Вып. 9. Тарту, 134-141.
- Любищев, А. А. (1982), *Проблемы формы систематики и эволюции организмов*. Москва.
- Ляпон, М. В. (1986), *Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений*. Москва.
- Макаев, Э. А. (1961), *К вопросу об изоморфизме*, [в:] *Вопросы языкознания*. 5, 50-56.
- Максапетян, А. Г. (1990), *Каузация. Лингвистические и экстралингвистические аспекты*. Ереван.
- Марков, Ю. Г. (1982), *Функциональный подход в современном научном знании*. Новосибирск.
- Мартынов, В. В. (1966), *Кибернетика. Семиотика. Лингвистика*. Минск.
- Мартынов, В. В. (1974), *Семиологические основы информатики*. Минск.
- Мартынов, В. В. (1977), *Универсальный семантический код. Грамматика. Словарь. Тексты*. Минск.
- Мартынов, В. В. (1985), *Функциональная грамматика и категории языка*, [в:] Ярцева, В. Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, 155-161.
- Мартынов, В. В. (1995), *Принципы объективной семантической классификации*, [в:] Мартынов, В. В. (ред.), *Реализационный аспект функционирования языка*. Минск, 83-91.
- Мельничук, А. С. (ред.) (1992), *Методологические основы новых направлений в мировом языкознании*. Киев.
- Мечковская, Н. Б. (1993), *Модальность и метаязыковая план высказывания*, [в:] *Russian Linguistics*. 17/3, 279-297.
- Мечковская, Н. Б. (2001), *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. Учебное пособие*. Москва.
- Миллер, Дж. А. (1972), *Некоторые пролегомены к психолингвистике*, [в:] Леонтьев, А. А. (ред.), *Психолингвистика за рубежом*. Москва, 31-44.
- Михальчук, Т. Г. (2005), *Речевой этикет в русской художественной литературе*. Могилев.
- Міхневіч, А. Я. (1982), *Функцыі мовы і маўлення і праблемы беларуска-руускага двухмоўя*, [в:] Міхневіч, А. Я. (ред.), *Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў*. Мінск, 50-75.

- Москальская, О. И. (1971), *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moskau.
- Мразек, Р. (1964), *Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы*, [в:] Вопросы языкознания. 3, 50-62.
- Мулуд, Н. (1979), *Анализ и смысл. Очерк семантических предпосылок логики и эпистемологии*. Москва.
- Мурзин, Л. Н. (1984), *Основы дериватологии*. Пермь.
- Мурзин, Л. Н. (ред.) (1990), *Деривация в речевой деятельности*. Пермь.
- Мурзин, Л. Н./Штерн, А. С. (1991), *Текст и его восприятие*. Свердловск.
- Мустайоки А. Аспектуальные разряды положения вещей в функциональном синтаксисе, [в:] *Studia Slavica Finlandensia*. 1993, X. С. 63-91.
- Мустайоки, А. (2006), *Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам*. Москва.
- Мухин, А. М. (1961), *Синтаксема как функциональная синтаксическая единица*, [в:] Филологические науки. 3, 53-65.
- Нёргор-Сёренсен, Е. (1987), *К вопросу о линейной организации предложения. На материале русского, польского, болгарского и немецкого языков*, [в:] *Studia gramatyczne*. VIII, 155-179.
- Никитин, М. В. (1988), *Основы лингвистической теории значения*. Москва.
- Николаева, Т. М. (1985), *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*. Москва.
- Новоженова, З. (2001), *Русское глагольное предложение: структура и семантика*. Słupsk.
- Норман, Б. Ю. (1983), *Фонология*, [в:] Супрун, А. Е. (ред.), *Общее языкознание*. Минск, 287-316.
- Норман, Б. Ю. (1987), *Язык: знакомый незнакомец*. Минск.
- Норман, Б. Ю. (1988), *К социо- и психолингвистической интерпретации некоторых стереотипных реплик в стандартных ситуациях*, [в:] Русский язык. VIII, 87-92.
- Норман, Б. Ю. (1991), *Лингвистика каждого дня*. Минск.
- Норман, Б. Ю. (1993), *О конструкциях с эмфазой именного сказуемого: фрагмент русско-болгарского сопоставительного синтаксиса*, [в:] Сопоставительно языкознание. XVIII/2-4, 145-148.
- Норман, Б. Ю. (1994), *Грамматика говорящего*. Санкт-Петербург.
- Норман, Б. Ю. (1996), *Основы языкознания*. Минск.
- Норман, Б. Ю. (2005), *Псевдовысказывания: эксперимент или языковая игра?*, [в:] *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Studia Slavica X — Nauki Humanistyczne-Społeczne*. 374, 67-82.
- Остин, Дж. (1986), *Слово как действие*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Москва, 22-130.
- Откупщикова, М. И. (1978), *Части речи и местоимения*, [в:] Структурная и прикладная лингвистика. 1, 48-56.
- Падучева, Е. В. (1979), *Об одной проблеме логического анализа языка: сфера действия кванторов*, [в:] Логический анализ естественных языков. Москва, 74-77.
- Падучева, Е. В. (1985), *Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва.
- Падучева, Е. В. (1996), *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва.
- Падучева, Е. В. (2004), *Динамические модели в семантике лексики*. Москва.

- Пазухин, Р. В. (1963), *Учение К. Бюлера о функциях языка как попытка психологического решения лингвистических проблем*, [в:] Вопросы языкознания. 5. 94-103.
- Пазухин, Р. В. (1979), *Язык, функция, коммуникация*, [в:] Вопросы языкознания. 6. 42-50.
- Панкратьев, В. Ф. (1993), *Система гносеологии*. Москва.
- Панов, М. В. (1979), *Современный русский язык. Фонетика*. Москва.
- Панфилов, В. З. (1963), *Грамматика и логика*. Москва — Ленинград.
- Панфилов, В. З. (1980), *Типы модальных значений и их роль в конструировании предложения*, [в:] Otazky slovanské syntaxe. IV, 9-12.
- Панфилов, В. З. (1982), *Гносеологические аспекты философских проблем языкознания*. Москва.
- Пауль, Г. (1960), *Принципы истории языка*. Москва.
- Пете, И. (1981), *Семантические типы количественных отношений*, [в:] Die Welt der Slawen. XXVI, 338-345.
- Петров, В. В. (1979), *Структура значения. Логический анализ*. Новосибирск.
- Пешковский, А. М. (2001), *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Пиаже, Ж. (1969), *Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология*. Москва.
- Плотников, Б. А. (1989), *О форме и содержании в языке*. Минск.
- Плунгян, В. А./Рахиллина, Е. В. (1990), *Сирконстанты в толковании?* [в:] Saloni, Z. (ред.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 201-210.
- Покровская, З. А./Кацман, Н. Л. (1981), *Учебник латинского языка*. Москва.
- Попов, Ю. В. (1972), *Общая грамматическая теория в немецком языкознании*. Минск.
- Попович, М. В. (1975), *Философские вопросы семантики*. Киев.
- Потебня, А. А. (1976), *Эстетика и поэтика*. Москва.
- Потебня, А. А. (1977), *Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. 2. Глагол*. Москва.
- Почепцов, Г. Г. (1971), *Конструктивный анализ структуры предложения*. Киев.
- Пуанкаре, А. (1990), *О науке*. Москва.
- Пятницын, Б. Н. (1979), *Логика как модель*, [в:] Логический анализ естественных языков. Москва, 78-81.
- Ревзин, И. И. (1978), *Структура языка как моделирующей системы*. Москва.
- Реньи, А. (1980), *Трилогия о математике*. Москва.
- Реформатский, А. А. (1987), *Лингвистика и поэтика*. Москва.
- Рибо, Т. (1906), *Логика чувств*. Санкт-Петербург.
- Розенталь, Д. Э./Теленкова, М. А. (1976), *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва.
- Романов, А. А. (1984), *Прагматические особенности перформативных высказываний*, [в:] Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин, 86-92.
- Руденко, Д. И. (1990), *Имя в парадигмах «философии языка»*. Харьков.
- Рудяков, А. Н. (2004), *Язык, или почему люди говорят. Опыт функционального определения естественного языка*. Киев.
- Рьюз, М. (1977), *Философия биологии*. Москва.
- Савченко, А.И./Иоффе, В. В. (1985), *Общее языкознание*. Ростов-на-Дону.
- Санников, В. З. (1989), *Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис*. Москва.
- Селиверстова, О. Н. (ред.) (1982), *Семантические типы предикатов*. Москва.
- Сепир, Э. (1934), *Язык*. Москва.

- Сепир, Э. (1993), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва.
- Серль, Дж. (1982), *Референция как речевой акт*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). Москва, 179-202.
- Серль, Дж. (1986), *Что такое речевой акт*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. Москва, 151-169.
- Сиротинина, О. Б. (1980), *Лекции по синтаксису русского языка*. Москва.
- Слюсарева, Н. А. (1979), *Методологический аспект понятия функция языка*, [в:] ИАН ОЛЯ. 38/2, 136-144.
- Смирнов, Г. А. (1978), *Об исходных понятиях формальной теории целостности*, [в:] Системные исследования 1978. Москва, 53-69.
- Солнцев, В. М. (1977), *Язык как системно-структурное образование*. Москва.
- Соссюр, Ф. де. (1977), *Труды по языкознанию*. Москва.
- Супрун, А. Е. (ред.) (1983), *Общее языкознание*. Минск.
- Степанов, Ю. С. (1981), *Имена. Предикаты. Предложения*. Москва.
- Степанов, Ю. С. (2002), *Функции и глубинное*, [в:] Вопросы языкознания. 5, 3-18.
- Столнейкер, Р. С. (1985), *Прагматика*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. Москва, 419-438.
- Стросон, П. Ф. (1982), *Намерение и конвенция в речевых актах*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. Москва, 130-150.
- Стросон, П. Ф. (1986), *Намерение и конвенция в речевых актах*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. XVII. Теория речевых актов. Москва, 130-150.
- Ступанов, Ю. А. (ред.) (1955), *Краткий политехнический словарь*. Москва.
- Стюарт, Я. (1980), *Концепции современной математики*. Минск.
- Супрун, А. Е. (1971), *Части речи в русском языке*. Москва.
- Супрун, А. Е. (ред.) (1983), *Общее языкознание*. Минск.
- Татаринов, В. А. (2006), *Общее терминоведение. Энциклопедический словарь*. Москва.
- Теньер, Л. (1988), *Основы структурного синтаксиса*. Москва.
- Топоров, В. Н. (1972), *К происхождению некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха)*, [в:] Ранние формы искусства. Москва, 77-103.
- Топоров, В. Н. (1987), *О структурном изучении языка*, [в:] Общее языкознание. Хрестоматия. Минск, 226-238.
- Урысон, Е. В. (2003), *Проблемы исследования языковой картины мира*. Москва.
- Успенский, Л. (1971), *Слово о словах*. Ленинград.
- Уфимцева, А. А. (1974), *Типы словесных знаков*. Москва.
- Ушакова, Л. И. (1998), *Местоимения и их аналоги*, [в:] Русский язык в школе. 1, 85-90.
- Ферстер, Г. (1965), *Био-логика*, [в:] Проблемы бионики. Москва, 7-23.
- Филлмор, Ч. (1981a), *Дело о надежде*, [в:] Звегинцев, В. А. (ред.), Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. Москва, 369-495.
- Филлмор, Ч. (1981b), *Дело о надежде открывается вновь*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. Москва, 496-530.
- Филлмор, Ч. (1983), *Об организации семантической информации в словаре*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. Москва, 23-60.
- Филлмор, Ч. (1988), *Фреймы и семантика понимания*, [в:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Москва, 52-92.
- Фогараша, Б. (1959), *Логика*. Москва.
- Фосслер, К. (1960), *Позитивизм и идеализм в языкознании*, [в:] Звегинцев, В. А. (ред.), История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. Москва, 286-297.

- Фреге, Г. (1987), *Мысль: логическое исследование*, [в:] Петров, В. В. (ред.), *Философия. Логика. Язык*. Москва, 18-47.
- Фрэзер, Дж. (1986), *Золотая ветвь*. Москва.
- Хаймс Д. Х. (1975), *Этнография речи*, [в:] Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. Москва, 42-95.
- Хинтикка, Я. (1980), *Логико-эпистемологические исследования*. Москва.
- Хомский, Н. (1965), *Аспекты теории синтаксиса*. Москва.
- Храковский, В. С. (ред.) (1985), *Типология конструкций с предикатными актантами*. Ленинград.
- Чернов, Г. В. (1978), *Теория и практика синхронного перевода*. Москва.
- Черч, А. (1960), *Введение в математическую логику*. Москва.
- Чесноков, П. В. (1984), *Два аспекта в синонимии предложений*, [в:] Предложение как многоаспектная единица языка. Москва, 25-38.
- Чесноков, П. В. (1992), *Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления*. Таганрог.
- Шайкевич, А. Я. (1980), *Гипотезы о естественных классах и возможности количественной таксономии в лингвистике*, [в:] Степанов, Ю. С. (ред.), *Гипотеза в современной лингвистике*. Москва, 319-357.
- Шахматов, А. А. (1941), *Синтаксис русского языка*. Ленинград.
- Шведова, Н. Ю. (1964), *Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения*, [в:] Вопросы языкознания. 6, 77-94.
- Шведова, Н. Ю. (1976), *Объектная форма в субъектной позиции*, [в:] Otázky slovanské syntaxe. IV/1, 61-67.
- Шведова, Н. Ю. (ред.) (1980), *Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис*. Москва.
- Шелякин, М. А. (1985), *О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике*, [в:] Ярцева, В. Н. (ред.), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва, 37-48.
- Шелякин, М. А. (2001), *Функциональная грамматика русского языка*. Москва.
- Шуба, П. П. (1993), *Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў*. Мінск.
- Щерба, Л. В. (1974), *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград.
- Югай, Ю. Г. (1985), *Общая теория жизни*. Москва.
- Юрченко, В. С. (1984), *О взаимосвязи аспектов предложения*, [в:] Предложение как многоаспектная единица языка. Москва, 14-25.
- Якобсон, Р. (1965), *Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами*, [в:] Новое в лингвистике. Вып. IV. Москва, 372-377.
- Якобсон, Р. (1975), *Лингвистика и поэтика*, [в:] Басин, Е. Я./Поляков, М. Я. (ред.), *Структурализм: «за» и «против»*. Москва, 193-230.
- Якобсон, Р. (1985), *Избранные работы*. Москва.
- Якобсон, Р. (1983), *Поэзия грамматики и грамматика поэзии*, [в:] Степанов, Ю. С. (ред.), *Семиотика*. Москва, 462-482.
- Яковлев, Н./Ашхамаф Д. (1941), *Грамматика адыгейского литературного языка*. Москва — Ленинград.
- Янко-Триницкая, Н. А. (1967), *Прилагательное качественное в русском языке*, [в:] Вопросы культуры речи. Москва, 66-76.
- Ярцева, В. Н. (ред.) (1985), *Проблемы функциональной грамматики*. Москва.
- Ярцева, В. Н. (ред.) (1990), *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.

- Abercrombie, D. (1967), *Elements of General Phonetics*. Edinburgh.
- Ágel, V. (1997), *Ist der Gegenstand der Sprachwissenschaft die Sprache?*, [в:] Kertész, A. (ред.), *Metalinguistik im Wandel. Die 'kognitive Wende' in Wissenschaftstheorie und Linguistik*. Frankfurt/Main, 57-98.
- Agryle, M. (1969), *Social Interaction*. London.
- Ajdukiewicz, K. (1985), *Język i poznanie. T. 1*. Warszawa.
- Amman, H. (1929), *Vom Ursprung der Sprache*. Lehr.
- Awdiejew, A. (red.) (1999), *Gramatyka komunikacyjna*. Warszawa — Kraków.
- Awdiejew, A. (2004), *Gramatyka interakcji werbalnej*. Kraków.
- Awdiejew, A./Habrajska, G. (2004), *Wprowadzenie do gramatyki komunikacyjnej. 1*. Łask.
- Bachmann, H. (1985), *Der Weg der mathematischen Grundlagenforschung*. Bern — Frankfurt am Main — New York.
- Ballmer, T. (1978), *Logical Grammar. With special consideration of Topics in Context Change*. Amsterdam — New York — Oxford.
- Banich, M. T. (ред.) 2003. *Language Evolution and Innateness*. Mahwah.
- Bartmiński, J. (1999), *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [в:] Bartmiński, J. (ред.), *Językowy obraz świata*. Lublin, 103-120.
- Beaugrande, R. de. (1996), *Funkce a forma v jazykove teorii a výzkumu*, [в:] Slovo a slovesnost. 57/1, 1-29.
- Białecki I. (1998), *Alfabetyzm funkcjonalny. Kultura tworzenia i wykorzystywania informacji*. W: Miodunka W. (red.), *Edukacja językowa Polaków / II Forum Kultury Słowa*. Kraków, 13-35.
- Bierwisch, M. (ред.) (1980), *Psychologische Effekte sprachlicher Struktur-Komponente*. München.
- Birkenmaier, W. (1979), *Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache*. München.
- Bogusławski, A. (1966), *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim*. Wrocław etc.
- Borisevič, P. (1977), *Die Wortart als Baustein des Satzes*, [в:] Helbig, G. (ред.), *Beiträge zur Klassifizierung der Wortarten*. Leipzig, 7-27.
- Bralczyk, J. (1986), *O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych*. Kraków.
- Braunmüller, K. (1977), *Referenz und Pronominalisierung. Zu den Deiktika und Proformen des Deutschen*. Tübingen.
- Braunmüller, K. (1985), *Überlegungen zu einer Theorie der sog. Nebenswertarten*, [в:] *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 13, 295-309.
- Brinker, K. (1985), *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin.
- Brinkmann, H. (1962), *Die Wortarten im Deutschen. Zur Lehre von den einfachen Formen der Sprache*, [в:] *Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik*. Darmstadt, 101-127.
- Brinkmann, H. (1971), *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf.
- Burkhardt, D. (1990), *Modale Funktionen des Verbalaspekts im Russischen?* München.
- Burling, R. (1986), *The selective advantage of complex language*, [в:] *Ethology and Sociobiology*. VII, 1-16.
- Busch, E. (1993), *Viele Subjekte, eine Person. Das Gehirn im Blickwinkel der Ereignisphilosophie A. N. Whiteheades*. Würzburg.
- Busse, D. (1992), *Textinterpretation. Sprachtheoretische Grundlagen einer explikativen Semantik*. Opladen.
- Bühler, K. (2004), *Teoria języka*. Warszawa.

- Christmann, U./Klein, W. (1996), *Sprache und Subjektivität*. Stuttgart.
- Coseriu, E. (1987), *Formen und Funktionen. Studien zur Grammatik*. Tübingen.
- Coseriu, E. (1988), *Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft*. Tübingen.
- Cresswell, M. J. (1979), *Die Sprachen der Logik und die Logik der Sprache*. Berlin — New York.
- Daneš, F./Grepš M./Hausenblas K. и др. (1975), *Projekt einer theoretischen Konzeption der tschechischen Grammatik*, [в:] Zeitschrift für Slawistik. XX/5-6, 613-630.
- Daneš, F. (1978), *Satzglieder und Satzmuster*, [в:] Beiträge zu Problemen der Satzglieder. Leipzig, 7-28.
- Daneš, F. (1985), *Věta a text. Studie ze syntaxe spisovne češtiny*. Praha.
- Daneš, F. (1987), *On Prague School Functionalism in Linguistics*, [в:] Functionalism in Linguistics. Amsterdam — Philadelphia, 3-38.
- Davidse, K. (1987), *M. A. K. Halliday's Functional Grammar and the Prague School*, [в:] Functionalism in Linguistics. Amsterdam — Philadelphia, 39-79.
- Davidson, D. (1986), *Wahrheit und Interpretation*. Frankfurt am Main.
- Dik, S. C. (1980), *Studies in Functional Grammar*. London etc.
- Dik, S. C. (1983), *Funktionale Grammatik — eine Übersicht*, [в:] Studium Linguistik. 14, 1-19.
- Dik, S. C. (1987), *Some Principles of Functional Grammar*, [в:] Functionalism in Linguistics. Amsterdam — Philadelphia, 81-100.
- Dittel, W. (1977), *Intention und Kommunikation. Beitrag zu einer Theorie der Bedeutung*. Frankfurt am Main.
- Döhmann, K. (1974), *Die sprachliche Darstellung der Quantifikatoren*, [в:] Logik und Sprache. München, 92-118.
- Drosdowski, G. (ред.) (1984), *Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Mannheim — Wien — Zürich.
- Dulian, R. (1995), *O definiowaniu czasowników „czynić”, „robić”*, [в:] Polonica. XVII, 205-207.
- Dunbar, R. (1996), *Grooming, gossip, and the evolution of language*. London.
- Durst-Andersen, P. (1992), *Mental Grammar. Russian Aspect and Related Issues*. Columbus — Ohio.
- Ehrlich, U. (1990), *Bedeutungsanalyse in einem sprachverstehenden System unter Berücksichtigung pragmatischer Faktoren*. Tübingen.
- Elst, G. van der (1982), *Verbalsemantik. Zur Theorie und Praxis einer Analyse aufgrund von semantischen und syntaktischen Gebrauchsregeln, dargestellt am Beispiel der Aufforderungsverben des Deutschen*. Wiesbaden.
- Engelkamp, J. (1973), *Semantische Struktur und die Verarbeitung von Sätzen*. Bern.
- Eisenberg, P. (1989), *Grundriß der deutschen Grammatik*. Stuttgart.
- Esa, M. (1991), *Bedingungen und Ausdruck der Personenreferenz im Deutschen. Eine funktionale Analyse*. Frankfurt am Main etc.
- Fenk-Oczlon, G. (1990), *Ikonomismus versus Ökonomieprinzip. Am Beispiel russischer Aspekt- und Kasusbildungen*, [в:] Papiere zur Linguistik. 42, 49-69.
- Flämig, W. et al. (1972), *Skizze der deutschen Grammatik*. Berlin.
- Flämig, W. (1977), *Zur grammatischen Klassifizierung des Wortbestandes im Deutschen*, [в:] Helbig, G. (ред.), Beiträge zur Klassifizierung der Wortarten. Leipzig, 39-52.
- Flämig, W. (1991), *Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge*. Berlin.
- Fodor, J. A. (1999), *Jak grać w prezentacje umysłowe — poradnik Fodora*, [в:] Chlewiński Z. (ред.), Modele umysłu. Warszawa, 17-49.

- Frege, G. (1969), *Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien*. Göttingen.
- Freidhof, G. (1978), *Kasusgrammatik und lokaler Ausdruck im Russischen*. München.
- Freundlich, R. (1972), *Einführung in die Semantik*. Darmstadt.
- Fries, N. (1988), *Präpositionen und Präpositionalphrasen im Deutschen und im Neugriechischen. Aspekte einer kontrastiven Analyse Deutsch — Neugriechisch*. Tübingen.
- Giusti, F. (1982), *Неопределенные показатели имени нарицательного*, [в:] *Russian Linguistics*. 7/1, 3-19.
- Glinz, H. (1971), *Deutsche Grammatik. II. Kasussyntax — Nominalstrukturen — Wortarten — Kasusfremdes*. Frankfurt/Main.
- Glück, H. (ред.) (1993), *Metzer-Lexikon Sprache*. Stuttgart — Weimar.
- Gladrow, W. (1979), *Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen*. Leipzig.
- Głowiński, M. (1991), *Nowotowa po polsku*. Warszawa.
- Grabias, S. (1997), *Język w zachowaniach społecznych*. Lublin.
- Greps, M./Karlík, P. (1986), *Skladba spisovné češtiny*. Praha.
- Grodziński, E. (1969), *Język, metajęzyk, rzeczywistość*. Warszawa.
- Grochowski, S. (1986), *Polskie partykuły. Składnia, semantyka, leksykografia*. Wrocław.
- Grochowski, S. (1997), *Wyrażenia funkcyjne. Studium leksykograficzne*. Kraków.
- Grzegorzczkowska, R. (1990), *Wprowadzenie do semantyki językowej*. Warszawa.
- Grzegorzczkowska, R. (1991), *Problem funkcji języka i tekstu w świetle teorii aktów mowy*, [в:] *Język i kultura*. 4, 11-27.
- Grzegorzczkowska, R. (1992), *Problemy dyskusyjne w opisie zjawiska referencji*, [в:] *Etudes de linguistique Romane et Slave*. Kraków, 271-281.
- Grzegorzczkowska, R. (1995), *Funkcje modalne niektórych zaimków nieokreślonych we współczesnej polszczyźnie*, [в:] *Wyrażenia funkcyjne w systemie i tekście*. Toruń, 143-149.
- Grzegorzczkowska, R./Laskowski, R./Wróbel, H. (ред.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa.
- Haas, W. (1987), *Function and Structure in Linguistic Descriptions*, [в:] *Functionalism in Linguistics*. Amsterdam — Philadelphia, 333-353.
- Hajičová, E. (1975), *Negace a presupozice ve významové stavbě věty*. Praha.
- Hall Partee, B. (1978), *Fundamentals of Mathematic for Linguistics*. Dordrecht.
- Halliday, M. A. K. (1970), *Language Structure and Language Function*, [в:] *New Horizons in Linguistics*. Harmondsworth, 140-165.
- Hartig, M. (1978), *Einführung in die Sprachtheorie. Das Verhältnis von Sprache und Denken*. Stuttgart etc.
- Heinemann, W./Viehweger, D. (1991), *Textlinguistik. Eine Einführung*. Tübingen.
- Heinz, A. (1978), *Dzieje językoznawstwa w zarysie*. Warszawa.
- Helbig, G. Die (1973), *Funktionen der substantivischen Kasus in der deutschen Gegenwartssprache*. Halle/S.
- Helbig, G. (1977), *Zu einigen Problemen der Wortartklassifizierung im Deutschen*, [в:] Helbig, G. (ред.), *Beiträge zur Klassifizierung der Wortarten*. Leipzig. 90-118.
- Helbig, G. (1992), *Probleme der Valenz- und Kasustheorie*. Tübingen.
- Helbig, G./Buscha, J. (1993), *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig etc.
- Heller, K./Scharnhorst, J. (1983), *Zu den Begriffen "Zentrum" und "Peripherie"*, [в:] *Linguistische Studien. Reihe A*. 113/B, 78-93.
- Hempel, C. G. (1965), *Aspects of Scientific Explanation*. New York — London.
- Hentschel, E./Weydt, H. (1990), *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin — New York.

- Heringer, H.-J. (1970a), *Deutsche Syntax*. Berlin.
- Heringer, H.-J. (1970b), *Theorie der deutschen Sprache*. München.
- Heringer, H.-J. (1974), *Praktische Semantik*. Stuttgart.
- Hermann, E. (1992), *Die Wortarten*, [в:] Schaefer, B./Knobloch (ред.), *Wortarten. Beiträge zur Geschichte eines grammatischen Problems*. Tübingen, 151-195.
- Heyer, G. (1987), *Generische Kennzeichnungen. Zur Logik und Ontologie generischer Bedeutung*. München — Wien.
- Hinst, P. (1974), *Logische Propädeutik*. München.
- Hofman-Pianka, A. (2000), *Socjolingwistyczne aspekty współczesnego języka bośniackiego*. Kraków.
- Isačenko, A. V. (1962), *Die russische Sprache der Gegenwart. T. 1. Formenlehre*. Halle.
- Jachnow, H. (1975), *Gibt es eine einheitliche Kasusategorie im Russischen?*, [в:] *Anzeiger für Slavische Philologie*. 113-131.
- Jachnow, H. (1981), *Sprachliche Funktionen und ihr Hierarchgefüge*, [в:] *Forms and Functions*. Tübingen, 10-24.
- Jachnow, H. (1987), *Sprachfunktionsforschung*, [в:] *Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society*. Berlin — New York, 612-626.
- Johnson, M. (1987), *The body in the mind*. Chicago.
- Kardela, H. (1999), *Ogdena i Richardsa trójkąt uzupełniony, czyli co bada gramatyka kognitywna*, [в:] Bartmiński, J. (ред.), *Językowy obraz świata*. Lublin, 15-38.
- Karolak, S. (1968), *Interpolacja, interpretacja a analiza semantyczna*, [в:] *Biuletyn PTJ*. XXVI, 139-151.
- Karolak, S. (1984), *Składnia wyrażen predykatywnych*. W: Topolińska, Z. (red.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa, 11-211.
- Karolak, S. (2002), *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*. Warszawa.
- Karwatowska, M./Szpyra-Kozłowska, J. (2005), *Lingwistyka płci. Ona i ona w języku polskim*. Lublin.
- Kattein, R. (1984), *Die Pronominalsysteme der slavischen Sprachen*. München.
- Keenan, E. L. (1989), *Dwa typy presupozycji w języku naturalnym*, [в:] *Przegląd Humanistyczny*. 1, 141-149.
- Keller, R. (1986), *Interpretation und Sprachkritik*, [в:] *Sprache und Literatur*. 57, 54-61.
- Kiklewicz, A. (1994), *Zasada kompensacji w obrębie współrzędności*, [в:] *Poradnik Językowy*. 1-2, 46-54.
- Kiklewicz, A. (2002), *Język polski obojga narodów? Wpływ języka polskiego na język białoruskich mediów*, [в:] Chłopicki, W. (ред.), *Język trzeciego tysiąclecia. T. 2. Polszczyzna a języki obce: przekład i dydaktyka*. Kraków, 321-329.
- Kiklewicz, A. (2004), *Podstawy składni funkcjonalnej*. Olsztyn.
- Kiklewicz, A. (2005), *Finitywny (teleologiczny) model aspektualności: założenia teoretyczne*, [в:] *Prace Filologiczne*. L, 59-82.
- Kiklewicz, A. (2007a), *Aspekty teorii względności językowej*. Olsztyn.
- Kiklewicz, A. (2007b), *Tak zwane człony przyłączone a status referencyjny wypowiedzi*, [в:] *Poradnik Językowy*. 9, 29-45.
- Kiklewicz, A. (2007c), *Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej*. Łask.
- Kiklevič, A. (1998), *Die normative Modalität im Inhalt von Nullzeichen*, [в:] *Zeitschrift für Slavistik*. 43/1, 81-93.
- Kiklewitsch, A. (1998), *Zur funktionalen Modellierung der Aussage*, [в:] *Papiere zur Linguistik*. 59/2, 157-179.

- Kintsch, W./Dijk, T. A. van. (1978), *Toward a model of text comprehension and production*, [в:] *Psychological Review*. 85, 363–394.
- Klaus, G. (1973), *Moderne Logik*. Berlin.
- Kluba, A. (2004), *Męski i kobiecey „światopogląd” — style konwersacyjne i płęć*, [в:] Bartmiński, J./Niebrzegowska, S. (ред.), *Punkt widzenia w języku i w kulturze*. Lublin, 261-276.
- Koch, W. (ред.) (1990), *Natürlichkeit der Sprache und der Kultur*. Bochum.
- Komárek, M. (1978), *Sémantická struktura deiktických slov c češtině*, [в:] *Slovo a slovesnost*. XXXIX/1, 5-14.
- Kong D. (1993), *Textsyntax. Untersuchungen zur Satzverknüpfung und Satzanknüpfung in der deutschen Gegenwartssprache*. Würzburg.
- König, E. (1977), *Form und Funktion. Eine funktionale Betrachtung ausgewählter Bereiche des Englischen*. Tübingen.
- Korzyk, K. (1999), *Język i gramatyka w perspektywie “komunikatywizmu”*, [в:] Awdiejew, A. (ред.), *Gramatyka komunikacyjna*. Warszawa — Kraków, 9-32.
- Kuczyński, M. (2004), *Transfuzja semantyczna jednostek leksykalnych a rola mediów*, [в:] Chruszczewski, P. P. (ред.), *Aspekty współczesnych dyskursów*. Kraków, 161-182.
- Kuno, S. (1980), *Functional Syntax*, [в:] *Syntax and Semantics*. Vol. 13. *Current Approaches to Syntax*. New York etc., 117-136.
- Kuno, S. (1987), *Functional Syntax: Anaphora, Discourse and Empathy*. Chicago.
- Kunze, J. (1993), *Semenstrukturen und Feldstrukturen*. Berlin.
- Kutschera, F. von, (1971; 1975), *Sprachphilosophie*. München.
- Lakoff G. (1987), *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago — London.
- Lakowa, M. (1987), *Informacja kwantyfikatorska i niekwantyfikatorska w zdaniu bułgarskim*, [в:] *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie*. 2. Określoność/nieokreśloność. Wrocław etc., 83-104.
- Lapp, E. (1992), *Linguistik der Ironie*. Tübingen.
- Laver, J./Hutcheson, S. (red.) (1996), *Communication in Face to Face Interaction*. Harmondsworth.
- Lehfeldt, W. (1996), *Einführung in die Sprachwissenschaft für Slavisten*. München.
- Lewandowski, T. (1984), *Linguistische Wörterbuch. Bd. 1*. Heidelberg.
- Liebermann, P. (1993), *Uniquely human. The evolution of speech, thought, and selfless behavior*. Cambridge.
- Löbner, S. (1988), *Ansätze zu einer integralen semantischen Theorie von Tempus, Aspekt und Aktionsarten*. Tübingen.
- Lubaszewski, W. (1984), *Czy nowe językoznawstwo?*, [в:] *Język Polski*. LXIV/1-2, 57-64.
- Lyons, J. (1977), *Semantics. 1*. Cambridge etc.
- Lyons, J. (1984), *Semantyka. T. 1*. Warszawa.
- Maldjieva, V. (1995), *Non-inflected Parts of Speech in the Slavonic Languages*. Warszawa.
- Mauro, T. de. (1982), *Einführung in die Semantik*. Tübingen.
- Meyer, P. G. (1983), *Sprachliches Handeln ohne Sprechsituation. Studien zur theoretischen und empirischen Konstitution von illokutiven Funktionen in “situationslosen” Texten*. Tübingen.
- Mańczak, W. (1970), *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego*. Wrocław etc.
- Mayenowa, M. R. (1974), *Poetyka teoretyczna. Zagadnienia języka*. Wrocław etc.
- Miller, J. (2004), *Umysł w zalotach. Jak wybory seksualne kształtowały naturę człowieka*. Poznań.

- Mleziva, M. (1967), *Problem označovani a vyjadřování v logické sémantice*, [в:] Slovo a slovesnost. XXVII, 46-52.
- Montague, R. (1972), *Universale Grammatik*. Braunschweig.
- Motsch, W. (ред.) (1987), *Satz, Text, sprachliche Handlung*. Berlin.
- Nagy, G. O. (1973), *Abriss einer funktionalen Semantik*. The Hague — Paris.
- Nęcki, Z. (2000), *Komunikacja międzyludzka*. Kraków.
- Nozsicska, A. (1978), *Bemerkungen zur Quantifikation, Konjunktion und Negation im Russischen*, [в:] Wiener Slavistischer Almanach. 2, 209-239.
- Nuyts, J. (1992), *Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language: on cognition, functionalism and grammar*. Amsterdam — Philadelphia.
- Nuyts, J. (1997), *Intentionalität und Sprachfunktionen*, [в:] Preyer G./Ulkan M./Ulfig A. (ред.), *Intention — Bedeutung — Kommunikation. Kognitive und handlungstheoretische Grundlagen der Sprachtheorie*. Opladen, 51-71.
- Obi, J. E. (1996), *Literature and the social functions of language: Critical notes on an African debate*, [в:] *Critical Arts: A South-North Journal of Cultural & Media Studies*. X, 23-41.
- Oraić-Tolić, D. (1995), *Das Zitat in Literatur und Kunst*. Wien — Köln — Weimar.
- Paepcke, F. (1990), *Wielojezyczność w poezji*, [в:] *Komunikacja — porozumienie — dialog*. Poznań, 135-144.
- Palek, B. (1968), *Věta a denotat*, [в:] Slovo a slovesnost. XXIX, 354-360.
- Panevová, J. (1980), *Formy a funkce ve stavbě české věty*. Praha.
- Panevová, J./Klimonow, W. (1984), *Заметки о валентности отглагольных существительных*. W: The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics. 41, 15-25.
- Panevová, J. (1999), *Valence a její universalni a specifické projevi*. W: Hladka, Z./Karlik, P. (ред.), *Čeština — uniwersalia a specyfika*. Brno, 29-37.
- Panevová, J. (2001), *Valency Frames: extension and re-examination*. W: *Studia Slavica Oldenburgensia*. IX, 325-340.
- Peyer, A. (1997), *Satzverknüpfung — syntaktische und textgrammatische Aspekte*. Tübingen.
- Piernikarski, C. (1990), *Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi grupami heterogenicznymi)*. Wrocław etc.
- Pisarkowa, K. (1964), *Skladniowa funkcja imiesłowów z czasownikiem mieć*, [в:] *Język polski*. XLIV/4, 231-237.
- Pisarkowa K. (2000), *Językoznawstwo Bronisława Malinowskiego. T. 2*. Kraków.
- Polański, K. (ред.) (1992), *Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich. V*. Kraków.
- Polański, K. (ред.) (1993), *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław etc.
- Putnam, H. (1991), *Repräsentation und Realität*. Frankfurt am Main.
- Rasiowa, H. (1975), *Wstęp do matematyki współczesnej*. Warszawa.
- Reis, M. (1977), *Präsuppositionen und Syntax*. Tübingen.
- Ressel, G. (1979), *Syntaktische Struktur und semantische Eigenschaften russischer Sätze*. München.
- Runggaldier, E. (1985), *Zeichen und Bezeichnetes. Sprachphilosophische Untersuchungen zum Problem der Referenz*. Berlin — New York.
- Sasse, H.-J. (1992), *Das Nomen — eine universale Kategorie?* Düsseldorf.
- Sasse, H.-J. (1993), *Das Nomen — eine universale Kategorie?* [в:] *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 46/3, 187-221.
- Sawicka, I. (1978), *Referencijalna kvantifikacija rečenice*, [в:] *Зборник за филологију и лингвистику*. Нови Сад, 55-61.

- Schaeder, B./Knobloch, C. (ред.) (1992), *Beiträge zur Geschichte eines grammatischen Problems*. Tübingen.
- Schaeffer, B. (2001), *Linguistic Functions and Language Intervention. II. Special Topics*, [в:] *The Journal of Special Education*. IV, 401-411.
- Schaller, H. W. (1970), *Autosemantische und synsemantische Wortarten*, [в:] *Die Welt der Slawen*. XV, 168-186.
- Schlobinski, P. (1992), *Funktionale Grammatik und Sprachbeschreibung: eine Untersuchung zum gesprochenen Deutsch sowie zum Chinesischen*. Opladen.
- Schlobinski, P. (1996), *Empirische Sprachwissenschaft*. Opladen.
- Schmidt, W. (1965), *Grundlagen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre*. Berlin.
- Schmidt, W. (1969), *Skizze der Kategorien und der Methode der funktionalen Grammatik*, [в:] *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 22, 518-531.
- Schmidt, W. (1992), *Die deutschen Wortarten aus der Sicht der funktionalen Grammatik betrachtet*, [в:] *Wortarten 1992*. Berlin, 295-314.
- Schmitt, T. (1986), *Kasusgrammatik — Konstruktive Logik — Temporaler Ausdruck*. München.
- Schnelle, H. (1973), *Sprachphilosophie und Linguistik*. Reinbeck.
- Schuch, G. von (1990), *Einführung in Sprachwissenschaft*. München.
- Schwarz, M./Chur, J. (1993), *Semantik. Ein Arbeitsbuch*. Tübingen.
- Schwenk, H.-J. (1991), *Studien zur Semantik des Verbalaspekts im Russischen*. München.
- Searle, J. R. (1979), *Expression and Meaning Studies in the Theory of Speech Acts*. Cambridge.
- Seefranz-Montag, A. von (1983), *Syntaktische Funktionen und Wortstellungsveränderung. Die Entwicklung "subjektloser" Konstruktionen in einigen Sprachen*. München.
- Sekiguchi, T. (1994), *Deutsche Präpositionen. Studien zur Bedeutungsform*. Tübingen.
- Sgal, P. (1976), *Zum Stand der Thema-Rhema-Forschung in der Tschechoslowakei*, [в:] *Theoretische Linguistik in Osteuropa*. Tübingen, 163-182.
- Sick B. (2005), *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache*. Köln.
- Skalski, T. (2002), *Sprawcza funkcja języka. Z zagadnień naturalizacji umysłu i języka*. Łódź.
- Sommerfeldt, K.-E. (1993), *Probleme bei der Wortklassifikation des Deutschen*, [в:] *Mühlner, W./Sommerfeldt, K.-E. (ред.), Wortarten und Satztypen des Deutschen und Russischen*. Frankfurt/Main, 1-12.
- Sommerfeldt, K.-E./Starke, G. (eds.) (1984), *Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart*. Leipzig.
- Sommerfeldt, K.-E./Starke, G. (1992), *Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen.
- Shin, H.-S. (1993), *Kasus als funktionale Kategorie. Zum Verhältnis von Morphologie und Syntax*. Tübingen.
- Spagińska-Pruszek, A. (2005), *Sytuacja językowa w byłej Jugosławii*. Łask.
- Stanosz, B. (1985), *Wprowadzenie do logiki formalnej. Podręcznik dla humanistów*. Warszawa.
- Szymoniuk, B. (ред.) (2006), *Komunikacja marketingowa: instrumenty i metody*. Warszawa.
- Tabakowska, E. (2001), *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*. Kraków.
- ten Cate, A. P. (1981), *Die traditionelle Syntax und das Adverb*, [в:] *Sprache: Formen und Strukturen*. Tübingen.

- Terhorst, E. (1995), *Textverstehen bei Kindern. Zur Entwicklung von Kohärenz und Referenz*. Opladen.
- Tokarski, R. (1976), *O pewnym kontekstowym znaczeniu form stopnia wyższego*, [в:] *Język polski*. LVI/5, 339-342.
- Topolińska, Z. (ред.) (1984), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa.
- Ullmann, S. (1967), *Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht*. Berlin.
- Walker, W. (2001), *Przygoda z komunikacją*. Gdańsk.
- Wall, R. (1973), *Logik und Mengenlehre*. Kronberg Ts.
- Wasilewski, J. (2006), *Retoryka dominacji*. Warszawa.
- Weinsberg, A. (1983), *Językoznawstwo ogólne*. Warszawa.
- Weiss, D. (1977), *Syntax und Semantik polnischer Partizipialkonstruktionen*. Bern etc.
- Weiss, D. (1978), *Identitätsaussagen im Russischen: ein Versuch ihrer Abgrenzung gegenüber anderen Satztypen*, [в:] *Slavistische Linguistik 1977. Referate des III. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens*. München, 224-259.
- Wierzbicka, A. (1999), *Język — umysł — kultura*. Warszawa.
- Wróbel, H. (2001), *Gramatyka języka polskiego*. Kraków.
- Wunderlich, D. (ред.) (1991), *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. Berlin — New York.
- Zarębina, M. (1970), *Rola wyrazów w słowniku i w tekście*, [в:] *Język polski*. L/1, 33-46.
- Ziegler, J. (1984), *Satz und Urteil. Untersuchungen zum Begriff der grammatischen Form*. Berlin — New York.
- Zimek, R. (1973), *Соотношение словообразования и синтаксиса с точки зрения трансформационной грамматики*, [в:] *Československé přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě*. Lingvistika. Praha, 307-321.
- Zimmer, D. E. (2005), *Sprache in Zeiten ihrer Unverbesserlichkeit*. Hamburg.

Логические символы

$\&$	конъюнкция
$\vee$	дизъюнкция
$\rightarrow$	импликация
$\approx$	следование
$\equiv$	эквивалентность
$=$	констелляция
$\neq$	неравнозначность
$\neg$	отрицание
$\in$	принадлежность элемента множеству
$\forall$	квантор всеобщности
$\exists$	квантор существования
Δ	оператор возможности
δ	оператор необходимости
λ	лямбда-оператор
$\{ \}$	заданное множество
$\{x \mid P(x)\}$	множество x -ов, которые обладают свойством P
f	функция
M	множество
$\emptyset$	пустое множество
$\mathfrak{R}$	отношение
a, b, c	индивидуальные константы
x, y, z	индивидуальные переменные
P, Q, R, S	предикаты (переменные)
C, B, E, F	предикаты (константы)
p, q, r, s	высказывания
$\leftrightarrow$	равнозначная трансформация

Предметный указатель

А

абсурд □ 108
авторереференция □ 108
агент функции □ 49
аксиологическая семантика □ 276
аксиоматический метод □ 88
амбивалентность □ 13
амбисемия □ 83
аналитическая истина □ 295
антонимическая градация □ 18
антропологический абсолютизм □ 116
апперцептивная база □ 277
аргумент □ 49, 138 сл.
    «встроенный» □ 158
артикуль □ 165
асимметрический дуализм знака □ 129
ассоциация □ 244
атрибутивное суждение □ 314

В

вариант (семантический) □ 24
вербоцентризм □ 14
«внутренний» синтаксис □ 270
внутренняя форма □ 283
возможный мир □ 241
    онтологический □ 295
    эпистемический □ 261 сл.
время (грамматическое) □ 149
вспомогательный глагол □ 165
второй принцип гештальтпсихологии □ 330

Г

гиперонимия □ 278
гиперфонема □ 352
глагол □ 165, 177, 202, 206
градация (антонимическая) □ 18
грамматическое значение □ 273

Д

деепричастие □ 207
декларативный модификатор □ 192
деловой стиль (стиль деловых бумаг) □ 358
денумеративный оператор □ 192
деперсонификация □ 307
дериватология □ 25
десубстантивный оператор □ 192
детерминант □ 303
детерминатив (применной) □ 187
децентрализация языка □ 121
диалектика содержания и формы □ 285
диалектика целого и части □ 72
дивергенция □ 121
динамическая лингвистика □ 25 ссл.
динамическая семантика □ 14
динамический синтаксис □ 25 сл.
дистрибутивный анализ □ 33 ссл., 186
дистрибуция □ 36
доминанция □ 263

Е

единица языка
    конвентивная □ 142
    организативная □ 141
    репрезентативная □ 141
естественная классификация □ 130
ссл.

Ё

ёген □ 262 ссл.

З

закавычивание □ 180
знак

аналоговый ▢ 363
цифровой ▢ 363
значение ▢ 20 сл., 42 ссл., 289
значимость ▢ 20 сл., 77 сл.

И

иерархия уровней языка ▢ 26
изоморфизм ▢ 27
иконичность знака ▢ 25, 283, 324
иллюзия ▢ 335
инвариант (семантический) ▢ 24
интегративность ▢ 49
инкорпорация ▢ 158
интенциональное определение функции ▢ 48
интерференция ▢ 120
интенсификация ▢ 18
инфинитив ▢ 206
исчисление функций ▢ 88

К

категорема ▢ 164
категориальное значение ▢ 208
категория вежливости ▢ 336
категория определенности/неопределенности ▢ 302
категория состояния ▢ 207
квантификация ▢ 256
кванторные слова ▢ 37
класс ▢ 217
классификация единиц языка ▢ 16, 26, 31, 34, 41 сл., 86 ссл., 92, 126, 152, 155, 169 ссл., 192, 208 ссл., 235, 335, 351 ссл.
аксиоматическая ▢ 89
вероятностная ▢ 218 ссл.
дескриптивная ▢ 161
дистрибутивно-синтаксическая ▢ 162
естественная ▢ 129 ссл., 186, 216, 218
логико-семиотическая ▢ 35
морфологическая ▢ 168
прототипическая ▢ 161
семантическая ▢ 155

синтагматическая ▢ 226
синтаксическая ▢ 148, 175, 184, 226
терминативная ▢ 161
традиционная ▢ 183
функциональная ▢ 161 ссл.
электическая ▢ 122
классификация частей речи ▢ 164 ссл., 179 ссл., 188, 200, 226 ссл.
когнитивная лингвистика ▢ 14, 131
когнитивная теория метафоры ▢ 80
кода ▢ 140
количество ▢ 338 сл.
    градуальное ▢ 339
    номинальное ▢ 339
    реальное ▢ 339
коммуникативный реестр ▢ 147
компаратив ▢ 187
композиционность ▢ 68
композиция ▢ 263
конвергенция ▢ 121
конгрегационный класс ▢ 215
коннектор ▢ 178
коннотация ▢ 188 ссл., 327 ссл.
константа ▢ 254
констатив ▢ 335
континуальность языковой системы ▢ 38
контрагент функции ▢ 49

Л

лямбда-оператор ▢ 256
лексема ▢ 163 сл.
    главная ▢ 163
    нефлективная ▢ 163
    служебная ▢ 163
    флективная ▢ 163
лексикон ▢ 135
лексическая информация ▢ 240
лексическая форма ▢ 280, 360 сл.
лексическая функция ▢ 80
лексическое наполнение структурной схемы ▢ 40
лингвокультурология ▢ 14
линейная тематическая прогрессия ▢ 321
логика предикатов ▢ 253

логическая грамматика ▢ 253 ссл.
логический анализ естественного языка ▢ 256

М

междометие ▢ 165, 191
местоимение ▢ 165, 177, 201
    адъективно-качественное ▢ 206
    адъективно-количественное ▢ 206
    субстантивно-качественное ▢ 205
    субстантивно-количественное ▢ 205
метафора ▢ 80, 241
метаязыковая интерпретация ▢ 214
механизм (языковой) ▢ 151
многозначность ▢ 23, 35 сл.
модальное слово ▢ 165, 177
модальность ▢ 312
    алетическая ▢ 313
    аксиологическая ▢ 313
    деонтическая (эпистемическая) ▢ 313
    истинностная ▢ 313
    категорическая ▢ 313
    нормативная ▢ 313
    эмотивная ▢ 313
моделирование ▢ 219, 350
модель ▢ 283
морфема ▢ 164
морфологическая структура ▢ 142
Московская семантическая школа ▢ 270
Московская фонологическая школа ▢ 352
мотивационная природа языка ▢ 115

Н

наивная картина мира ▢ 242
наречие ▢ 165, 177, 191, 206 сл.
неопределеннозначность ▢ 284
ногогенез ▢ 16
нулевая форма ▢ 276

О

область значения функции ▢ 50
область определения функции ▢ 50
объект ▢ 139
объем множества ▢ 50
онтологический детерминизм ▢ 156
оператор наклонения ▢ 192
определенность/неопределенность ▢ 339 ссл.
    коммуникативная ▢ 339
    эмпирическая ▢ 339
    энциклопедическая ▢ 339
оппозиция ▢ 18 ссл.
отношение ▢ 42 сл., 48

П

падеж ▢ 142 ссл.
парадигма ▢ 170, 173 ссл.
парадокс импликации ▢ 334 сл.
парадокс целостности ▢ 69
параметрическое существительное ▢ 354
перекодирование ▢ 111
персонификация ▢ 117
перформатив , 335 ссл. 335
переменная ▢ 254
подлежащее ▢ 314
подход к изучению языка
    аксиоматический ▢ 88
    антропоцентрический ▢ 33
    вероятностный ▢ 166, 218
    дескриптивный/описательный ▢ 29
    детерминистический ▢ 218
    деятельностный ▢ 81
    динамический ▢ 12, 25 ссл.
    дистрибутивный ▢ 34 ссл., 211, 229
    интерпретативный ▢ 114
    исторический ▢ 10
    количественный ▢ 174
    коммуникативный ▢ 351
    комплексный ▢ 162, 179
    описательный/дескриптивный ▢ 29
«от значения к форме» ▢ 153

- «от формы к значению» ▢ 153
 полевой ▢ 151
 праксеологический ▢ 124
 реистический ▢ 211
 релятивистский ▢ 285
 референциальный ▢ 211
 семантический ▢ 42, 60
 семасиологический ▢ 144
 синтаксический ▢ 60, 176 ссл.,
 179, 183
 системный ▢ 215
 системоцентрический ▢ 33
 структурный ▢ 285
 таксономический ▢ 79
 функционально-коммуникативный
 ▢ 176
 функционально-синтаксический ▢
 176
 функциональный ▢ 10, 15 ссл., 26
 ссл., 30 ссл., 151, 161, 188, 195,
 280, 284 ссл., 350
 этологический ▢ 124
- позитивизм ▢ 12
 полисемия ▢ 129
 полифункционализм ▢ 86, 225
 полонизм ▢ 121
 понимание речи ▢ 71
 понимание (трактовка) функции
 активное ▢ 43
 пассивное ▢ 43
 потенциальное ▢ 44
 результативное ▢ 44
- понятийная категория ▢ 60
 прототипная ▢ 131
 радиальная ▢ 132
 списочная ▢ 131
- последовательность сообщений с кон-
 стантной темой ▢ 322
 постулат однонаправленности ▢ 80
 правила манифестации ▢ 141
 правило семантического согласования
 ▢ 276
 прагматическая импликация ▢ 332
 прагмацентризм ▢ 14
 предлог ▢ 165, 191, 353 ссл.
 предикат ▢ 135 ссл., 152, 253
 предикатив ▢ 178
 предикативная модель ▢ 135
 пресуппозиция ▢ 326 ссл.
- привативная оппозиция ▢ 23
 предикатно-аргументный комплекс ▢
 247 ссл.
 прилагательное ▢ 165, 177 ссл., 206
 приложение ▢ 179
 принцип минимального действия
 (принцип оптимальности) ▢ 73, 79,
 290
 принцип описания языка
 имманентности ▢ 39
 интегративности ▢ 25
 коммуникативности ▢ 208
 открытости ▢ 210
 позитивности ▢ 208
 полноты ▢ 209
 синкретичности ▢ 209
 системности ▢ 208
 структурной релевантности ▢ 211
- принцип ответственности ▢ 64
 причастие ▢ 206
 проверб ▢ 343
 проект «Славянские предлоги...» ▢
 353 ссл.
 пропозициональная модель текста ▢
 305
 пропозиция ▢ 254
 закрытая ▢ 255
 открытая ▢ 254
- профиль (семантический) контекста ▢
 20
 псевдовысказывание ▢ 360

Р

- радиальная структура (понятийной
 категории) ▢ 132
 редунданция ▢ 351
 результативность ▢ 307
 рекреационный оператор ▢ 113
 релевантность ▢ 277
 релятивизм ▢ 16
 референт ▢ 95
 референция ▢ 36, 292 ссл., 344
 речевой акт ▢ 105
 автоиллокутивный ▢ 107
 активный ▢ 105
 нерелевантный ▢ 108
 реактивный ▢ 106

С

спутник ▢ 137
 связанный квантор ▢ 255
 селективный признак ▢ 40, 136
 семантика (семиология) ▢ 83, 176, 262
 ссл.
     операционная (функциональная) ▢
     350
     структурная (аналитическая) ▢
     350
 семантическая связь ▢ 19
 семантическая сеть ▢ 251 ссл.
 семантическая структура ▢ 156
 семантический примитив (semantic
 primes) ▢ 271
 семантическое толкование ▢ 270
 сепаратизм (методологический) ▢ 13
 симметризация ▢ 80
 симуляция ▢ 68
 синкретизм ▢ 13, 210
 синонимизация ▢ 80
 синонимия ▢ 129
 синтаксема ▢ 145, 231 ссл.
 синтаксическая компрессия ▢ 275
 синтаксическая омонимия ▢ 239
 синтаксическая операция ▢ 274
 синтаксическая позиция ▢ 282
 синтетическая истина ▢ 293
 ситуативная семантика ▢ 234 ссл.
 ситуативный тип ▢ 53
 сказуемое ▢ 314
 слово-предложение ▢ 191
 совместимость (семантическая) ▢ 34
 содержание ▢ 170
 содержание множества ▢ 50
 содержание функции ▢ 50
 социолингвистика ▢ 14, 119
 союз ▢ 165, 177, 191
 союзное слово ▢ 191
 среда ▢ 30 сл.
 степень ▢ 187, 346
     высокая vs. средняя vs. низкая ▢
     346
     достигшая нормы vs. не достигшая
     нормы ▢ 346
     превышающая норму vs. не дости-
     гающая нормы ▢ 346
     предельная vs. не предельная ▢ 346

чрезмерная vs. достаточная ▢ 346
 структура знака ▢ 286
 структурализм ▢ 27 ссл.
 субституция ▢ 38, 180, 211
 субфункция ▢ 59 сл., 337 ссл.
 субъект ▢ 139
 суппозиция ▢ 314
 суржик ▢ 121
 существительное ▢ 165, 177, 205, 354
 ссл.

Т

тайген ▢ 262 ссл.
 тема ▢ 139
 теория естественности (Natürlichkeit)
 ▢ 24
 теория номогенеза ▢ 16
 теория языковых союзов ▢ 216
 терм ▢ 135
 типовое значение ▢ 151
 толково-комбинаторный словарь ▢ 40
 сл.
 топик ▢ 140
 трансформационный метод ▢ 182, 212
 трансфузия ▢ 360 сл.
 трясанка ▢ 121

У

универсализм ▢ 27, 49
 универсальная грамматика ▢ 258
 универсальный семантический код
 (УСК) ▢ 261 ссл.
 уровень языка ▢ 26

Ф

фасцинация ▢ 266
 фатическое общение ▢ 106
 фатическое поле ▢ 102
 фокус ▢ 140
 фонема ▢ 350 ссл.
 фонетическое значение (фоносимво-
 лизм) ▢ 360
 форма ▢ 279 ссл., 287

- грамматическая ▢ 282
 имплицитивная ▢ 282
 лексическая ▢ 281
 материальная ▢ 281
 нулевая ▢ 282
 операционная ▢ 282
 субстанциональная ▢ 281
 эксплицитивная ▢ 281
- функтор ▢ 60 ссл.
- функциональная грамматика ▢ 125 ссл., 130
- функциональная грамотность ▢ 358
- функциональная карты высказывания ▢ 348 ссл.
- функциональная лингвистика ▢ 12 ссл.
- функциональная модель ▢ 272
- функционально-семантическое поле (ФСП) ▢ 15, 126 ссл., 152
- функциональный прагматизм ▢ 14
- функциональный синтаксис ▢ 15, 123
- функция ▢ 35, 42 ссл., 60 сл.
- агрегативная ▢ 67
  - аддитивная ▢ 64 ссл.
  - асимметричная ▢ 80 ссл.
  - дистрибутивная ▢ 65 ссл.
  - закрытая ▢ 74
  - имманентная ▢ 76 ссл.
  - коллективная ▢ 65 ссл.
  - комплексная ▢ 31
  - конверсивная ▢ 81 сл.
  - конструктивная ▢ 67
  - концептуальная ▢ 32
  - многозначная ▢ 79
  - многоместная ▢ 60
  - нефиксированная ▢ 84
  - общая ▢ 56 сл.
  - однозначная ▢ 79
  - одноместная ▢ 60
  - открытая ▢ 74
  - парадигматическая ▢ 75
  - простая ▢ 55 сл.
  - рефлексивная ▢ 32
  - симметричная ▢ 80 ссл.
  - синтагматическая ▢ 75
  - сложная ▢ 55 сл.
  - трансцендентная ▢ 76 сл.
  - фиксированная ▢ 84 сл.
  - частная ▢ 56 сл.
- элементарная ▢ 31
- эмергентная ▢ 64 ссл.
- функция языка и языковых единиц ▢ 86 ссл.
- аккумулятивная (кумулятивная) ▢ 99, 114 ссл.
  - апеллятивная ▢ 105 ссл.
  - аппликативная ▢ 112 ссл.
  - аспектуальная ▢ 308
  - атрибутивная ▢ 314
  - взаимодействия ▢ 89
  - воздействия ▢ 89
  - гностическая ▢ 91, 114
  - градуальная ▢ 346
  - дескриптивная ▢ 87
  - детерминативная ▢ 339 ссл.
  - диакритическая ▢ 112
  - директивная ▢ 91
  - дистрибутивная ▢ 346
  - идеационная ▢ 94 ссл.
  - иллокутивная ▢ 105 ссл.
  - имманентно-перформативная ▢ 32
  - имманентно-системная ▢ 32
  - имплицитивная ▢ 292, 325 ссл.
  - импрессивная ▢ 105 ссл.
  - индексальная ▢ 97 ссл.
  - институциональная ▢ 113
  - интенциональная ▢ 99 ссл.
  - интенциональная ▢ 32
  - интерактивная ▢ 87
  - интерлингвистическая ▢ 120
  - интерпретативная ▢ 99 ссл., 292, 312
  - когнитивная ▢ 114 ссл.
  - количественная ▢ 339
  - коммуникативная ▢ 87, 89, 91 сл., 105 ссл., 123
  - конативная ▢ 87
  - конститутивная ▢ 119
  - магическая ▢ 96 сл.
  - медальная ▢ 105
  - метаязыковая ▢ 87, 89, 324 сл.
  - модальная ▢ 312
  - моделирующая ▢ 89
  - мыслительная ▢ 91
  - непроизводная ▢ 91
  - номинативная ▢ 81 ссл., 89, 94 ссл., 292 ссл.
  - ономасиологическая ▢ 81 ссл.

онтологическая ▢ 303
 описательная ▢ 89
 органическая ▢ 112 ссл.
 перформативная ▢ 105 ссл.
 познавательная ▢ 114 ссл.
 поэтическая ▢ 87, 89
 прагматическая ▢ 105 ссл., 122 сл.,
 139, 192, 292, 335 ссл.
 практическая ▢ 92
 презентативная ▢ 97 ссл.
 производная ▢ 91
 пропозициональная ▢ 122, 304
 различительная ▢ 89
 регулятивная ▢ 91
 релятивная (деривационная) ▢ 89
 репрезентативная ▢ 87, 94 ссл.
 референтная ▢ 87, 89, 122, 292
 семантическая ▢ 94 ссл., 122
 семасиологическая ▢ 81 ссл.
 синтаксическая ▢ 45, 121 сл., 139
 социальная (социативная) ▢ 87, 91
 сл., 101 ссл.
 стилистическая ▢ 109 ссл., 123,
 292, 336 ссл.
 стимулятивная ▢ 87
 текстуальная (текстовая, текста) ▢
 87, 112, 124
 тема-рематическая ▢ 317 ссл.
 темпоративная ▢ 307
 теоретико-специальная ▢ 92
 указательная ▢ 89
 фатическая ▢ 87, 89
 эвристическая ▢ 112 ссл.
 экспликативная ▢ 91
 экспрессивная ▢ 87, 99 ссл.
 экстенциональная ▢ 94 ссл.
 эргономическая ▢ 112 ссл.
 эстетическая ▢ 92
 этологическая ▢ 112 ссл.
 юнктивная ▢ 292, 333 ссл.

Х

хезитация ▢ 113
 холизм ▢ 13

Ц

целостность ▢ 69

Ч

частица ▢ 165, 177, 191
 частота употребления ▢ 24, 184 ссл.
 часть речи ▢ 161 ссл.
 числительное ▢ 37, 165
     определенно-количественное ▢
     205
     порядковое ▢ 206
 член предложения ▢ 225 ссл.

Э

эвристика ▢ 87
 экология языка ▢ 13, 30
 экологическая экспансия ▢ 351
 экстенционал функции ▢ 48
 экстенциональная логика ▢ 253
 экстраполяция ▢ 66
 элоквенция ▢ 103
 эмергентные свойства ▢ 69
 эмпатия ▢ 64
 эргономичность (эргономическое упо-
 требление языка) ▢ 77 сл., 360
 этнолингвистика ▢ 14 сл.
 эхолоалия ▢ 113

Я

ядерная семантическая структура ▢
 155 ссл., 263 сл.
 язык
     кодифицированный vs. некодифи-
     цированный ▢ 120
     интердиалектный vs. диалектный
     ▢ 120
     литературный vs. нелитературный
     ▢ 120
     полиэтнический vs. моноэтниче-
     ский ▢ 120
     государственный (официальный,
     конституционный, национальный)

vs. негосударственный (местный, региональный, язык национально-го меньшинства) □ 120

документный vs. полудокументный □ 120

пророческий (профетический, сакральный, апостольский) vs. не-пророческий (народный) □ 120

язык как вспомогательное средство при обучении другому языку vs. язык, на котором ведется пре-

подавание vs. язык как учебный

предмет □ 120

язык vs. речь □ 90 ссл.

язык программирования □ 262

языковая ситуация □ 119

языковая форма □ 287, 358

языковой детерминизм □ 115

языковой механизм □ 151

языковой союз □ 216

языковой шаблон □ 361